

Ярослав Миколаевский (р. 1960) — поэт, прозаик, эссеист, публицист, переводчик с итальянского. Среди переведенных им авторов есть: Данте, Петрарка, Микельанджело, Леопарди, Монтале, Павезе. Он также автор книг для детей. Его произведения переведены на много языков, в том числе: итальянский, английский, французский, немецкий, испанский, албанский и др.

Дебютировал в 1991 году сборником стихов «Снег свидетель», весьма высоко оцененным критикой, что подтверждает присужденная ему премия «за лучшую стихотворную книгу года». Опубликовал более десяти сборников стихов. «Когда читаешь [его] стихи, нельзя не заметить: Миколаевский — ученик школы, определяемой как «лингвистическая поэзия», и в то же время он пытается найти своего рода «праязык», ту «lingua adamica», о которой писал Якоб Беме, прибегает к коду «заумной» поэзии, составляющей горизонт поисков Велимира Хлебникова», писал о нем Лешек Шаруга (В поисках «неслыханной идиомы», НП 7-8/2015).

Второе важное направление в творчестве Миколаевского это проза и эссе о Риме, об истории и современности вечного города, собранные в своего рода личном путеводителе «Римская комедия» и сборнике рассказов «Dolce vita». В 2006–2012 гг.

Ярослав Миколаевский был директором Польского культурного центра в Риме.

Репортерский дебют Ярослава Миколаевского – книга «Большой прилив» – это рассказ о маленьком итальянском острове Лампедуза, который стал своего рода эпицентром современного миграционного кризиса. Необычный, сдержанный, вневременный репортаж Миколаевского стал одним из лауреатов премии им. Беаты Павляк (2016) за лучший польский репортаж. (Большой прилив, НП 5/2016)

Содержание

1. Мы взрываем консенсус
2. Подлые, постыдные, грязные нападки
3. Экономическая жизнь
4. Хроника (некоторых) текущих событий
5. Польша как убежище
6. В первый момент — культурный шок
7. Поляк, но оттуда
8. Не вариться в берлинском соусе
9. Багаж прошлого
10. Фокусник
11. Культурная хроника
12. Стихотворения
13. Выписки из культурной периодики
14. Красивый, двадцатилетний
15. Что-то около 180
16. В поисках украинской идентичности
17. Анджей Вайда: измерение человека

Мы взрываем консенсус

С Матеушем Моравецким, вице-премьером и министром развития, беседовал Павел Решка

Фото: East News

— Ярослав Качинский говорит: «Бальцерович — это вредитель», Анджей Дуда заявляет: «Мы восстановим Польшу из пепелищ». Это такая риторика, или же мы действительно не имеем права гордиться тем, что происходило в Польше за последние 26 лет?

— Защитникам Третьей Речи Посполитой я рекомендую поразмышлять вот над чем: за последние 400 лет у нас не было столь позитивной геополитической и хозяйственно-экономической конъюнктуры, как после 1989 года. Тем самым мы были попросту обречены на успех. А теперь сравним это с положением Польши перед началом Второй мировой войны. Мы тогда могли вести самую лучшую экономическую политику, но всё равно ничего не смогли бы поделать в столкновении с двумя тоталитаризмами. Третья Речь Посполитая существовала в условиях весьма благоприятной конъюнктуры. Вопрос: всё ли мы сделали для того, чтобы ее использовать? Лично мне кажется, что нет. Вдобавок к этому жили мы беззаботно, словно стрекоза из басни Крылова. «Показатели растут», — неустанно радовались мы, забывая, что это рост в кредит. Сегодня мы принадлежим к первой

десятке стран, наиболее обременённых зарубежными долгами. Нам следовало опираться на отечественный капитал и собственные сбережения. Вместо этого мы погрязли в долгах. Радостно приватизировали всё, что только поддавалось разгосударствлению, не давая шансов на реструктуризацию и времени на повышение эффективности польских фирм. Капитал поступал из-за границы, но ведь отнюдь не в рамках благотворительности. Сегодня обслуживание долга ежегодно обходится стране в 90 млрд злотых.

— *Это много?*

— В два раза больше, чем мы расходуем на образование, в десять раз больше, чем тратим на инновации, и втрое больше, чем на обеспечение обороноспособности. Следовательно, если вы меня спрашиваете: «Польша разорена или процветает?», я отвечаю: «Не стоит так уж хвастаться успехами. Из-за этих успехов нам приходится бежать дальше с рюкзаком, наполненным камнями». А охотнее всего я бы подискутировал о будущем нашей экономики, особенно сейчас.

— *Происходит что-то интересное?*

— Происходит эрозия вашингтонского консенсуса^[1], иными словами, лозунгов, призывающих любой ценой осуществлять либерализацию, обеспечивать свободное перемещение капиталов, догматически проводить приватизацию и радоваться неравенству. В настоящий момент планета, и мы в том числе, находится в процессе глубокой перестройки хозяйственно-экономической модели и упадка старой парадигмы. Это связано с тремя трендами. Во-первых, радикально возрастает значение крупных корпораций, и это не уравнивается международным контролем над ними. Глобальные корпорации вроде Apple, Google или Bank of America получают гигантские прибыли, которыми они не делятся в достаточной степени со всеми теми обществами, где функционируют.

Второй тренд — это демография. Западные общества, частью которых мы являемся, решительным образом стареют.

Поколение послевоенного демографического бума вступает в пенсионный возраст. Кто должен на него работать?

Основополагающая экономико-финансовая переменная и условия для функционирования бюджетов начинают резко меняться. К этому добавляются еще и миграционные процессы, которые будут только усиливаться.

Наконец, третий большой тренд — это роботизация и дигитализация, которые ведут к тому, что работы становится всё меньше и меньше. В такой ситуации существенным окажется то обстоятельство, располагает ли кто-либо собственным капиталом, который будет на него работать.

Ну а мы, словно лодочка в огромном океане, должны

реагировать на указанные тренды. План «Ответственного развития», выдвинутый недавно нашим министерством, учитывает эти тренды и старается под них подстроиться.

— *Вы критикуете вашингтонский консенсус. А частью какого консенсуса вы себя чувствуете?*

— Польша и партия «Право и справедливость» (ПиС) выбиваются из консенсуса и указывают на необходимость искать новый экономический и политический путь. Широко понимаемая солидарность — это наше великое наследие, и мы должны быть ее рассадником.

— *Социализм?*

— Не социализм, но уж точно и не неолиберализм. Думаю, наше правительство хорошо выявило стоящие перед нами вызовы и разработало хорошую программу. Мы хотим справедливой и солидарной Польши.

— *Где находятся наши союзники? В каких столицах тоже видят всё это аналогичным образом?*

— Видят во многих, но они еще этого так не называют. Однако такой эгоистический подход долго не продержится. Миграционный напор, войны — такие вещи могут решительно ухудшить экономическую ситуацию. Поэтому необходимо найти механизм, который сделает для нас возможным совместное и ответственное создание будущего.

Савл обратился в истинную веру на пути в Дамаск, и сегодня мы знаем его как святого Павла. Страж вашингтонского консенсуса, иначе говоря, Международный валютный фонд, начинает в своих последних отчетах говорить о том, что финансовый сектор должен способствовать развитию общества. Говорится в них и об огромной угрозе со стороны разных видов неравенства. Во многих институциях уже присутствует такого рода рефлексия. Неолиберальные политики предпочли бы ничего не менять. Однако так, как раньше, никогда уже не будет.

— *Я задаюсь вопросом, почему ваши предшественники выбрали столь не амбициозную, приземленную политику, как политика «теплой воды в кране»^[2]. Ведь был же отчет Хауснера^[3]. Там говорилось о ловушке среднего дохода, демографических проблемах, необходимости поддержки некоторых секторов экономики. Диагноз был.*

— Но не было воли к переменам. Правящая группа боялась слова «реформа». Пресловутую теплую воду в кране сочли более безопасной с политической точки зрения. И за это нас гладили по головке другие сильные страны ЕС. Наша приземленная политика была им на руку.

— *Так как они могли нас выкупить, колонизировать — вы это хотите сказать?*

— Я вам кое-что покажу. На протяжении последних ста лет

средний класс формировался в основном благодаря торговле. А вот вам диаграмма — двадцать крупнейших торговых сетей в Польше, и все они, кроме трех, находятся в иностранных руках. Меня можно обвинить в том, что я — помешавшийся экономический патриот, но факты безжалостны: мы продали 90% розничной торговли, 95% производства цемента, 75% банковского сектора. Поэтому, когда я говорю о необходимости восстановить польскую собственность, то знаю, что такие речи чрезвычайно не нравятся моим предшественникам.

— **Почему?**

— Потому что вынуждают их отвечать на другой вопрос: почему мы раньше не позаботились об этой польской собственности? И меня не удовлетворяет ответ, будто польские фирмы были неэффективными. Ведь PKO BP, PESA, Newag^[4], Торуньская фабрика перевязочных материалов — это примеры того, что можно было трансформировать фирмы и сохранить польскую собственность. Скажу прямо — мне жаль, что мы до такой степени распродали нашу страну.

— **Почему так важно, чтобы банки находились в польских руках? Не потому ли, что, если они будут в чужих, то не захотят кредитовать «польские экономические проекты»?**

— Я разверну ваш вопрос в другую сторону — почему во всех зрелых странах банковский сектор находится в отечественных руках? Почему Польша должна быть исключением? Ведь именно центральные офисы банков принимают решения о направлениях размещения капитала, о финансировании проектов, нацеленных на развитие, равно как о субсидировании слияний или поглощений. И, разумеется, местные банки более склонны финансировать отечественную экономику — это особенно ярко видно в периоды кризисов. Мы в Польше испытали это во время кризиса 2009 г., когда только PKO BP и Западный Банк WKB в достаточно крупных масштабах кредитовали польские малые и средние фирмы. Таковы цифры. Таковы факты.

— **Вот только реполонизация, как у нас нередко называют восстановление польской собственности, означает частичную национализацию, а значит, такие операции проводятся за деньги налогоплательщика.**

— Тут я не соглашусь. Когда банк «Alior» покупал BPH, то Управление всеобщего страхования выложило всего лишь 400 млн злотых, а остальные 2 млрд были привлечены от частных инвесторов. Тем фондам, к которым мы поехали за деньгами, понравилась стратегия, благодаря которой мы получим заметно укрупнившийся банк — более эффективный, хорошо обслуживающий польскую экономику и обладающий более высокой рентабельностью. Эффект? Мы имеем небольшой объем вовлеченного государственного капитала при

одновременном «одомашнивании» банка. Такой механизм мне больше всего по душе.

— *Одомашнивании?*

— Это слово лучше, чем реполонизация. Мы не намереваемся расходовать слишком много средств, причем траты будем осуществлять только на основе рыночных принципов — по самой лучшей цене и лишь с таким долевым участием государства, которое действительно необходимо, чтобы такое одомашнивание произошло. В случае банка «Рекао SA» оно составляет от 25 до 35%. Семейство Ботин владело несколькими процентами долевого участия в действующем у нас испанском банке «Сантандер», но, невзирая на это, все-таки контролировало и продолжает контролировать данный банк. Главное, чтобы центральное управление, то место, где принимаются решения, находилось в Польше. Впрочем, многие из зарубежных инвесторов размещают свои штаб-квартиры именно в Польше, честно платят здесь налоги и создают в нашей стране как центры по производству продуктов, так и исследовательские центры. Это очень хорошие «корпоративные граждане» нашей экономической системы.

— *Вы критикуете последние 26 лет. Но ведь мы выбрали такой способ развития, чтобы интегрироваться с ЕС, а ЕС — это свободное перемещение капиталов и людей. Украинцы и белорусы не сделали этого и на самом деле упустили свой шанс.*

— Не смотрите, пожалуйста, на наше членство в ЕС только сквозь призму тех денежных средств, которые сюда поступают. Есть такие сферы, где мы выиграли, например, доступ к единообразному европейскому рынку, но есть также издержки — все наше регулирующее право мы подчинили евросоюзному законодательству.

— *Можно было этого не делать, но мы сами хотели...*

— Согласен. Однако я стараюсь смотреть как на позитивные, так и на негативные стороны. А негативным является, например, тот факт, что мы полагаемся на механизмы развития, которые зависят от евросоюзных дотаций. Это не всегда хорошо для экономического роста. Приведу пример: за средства, поступавшие из предыдущего бюджета ЕС, мы охотно строили стадионы, бассейны, оперы, аквапарки или тротуары. Люди культуры и спорта, скорее всего, рассердятся на меня, когда я скажу, что подобные инвестиции генерируют главным образом издержки. В момент возведения стадиона ВВП растет и развивается, но потом подобный объект генерирует почти исключительно издержки.

Заработать на стадионе очень трудно. Естественно, органам местного самоуправления такие инвестиции нравятся: ведь приятно, когда у детей появляется новый бассейн, а у жителей — красивый парк. Вдобавок впоследствии легче выиграть

очередные выборы. Но я скажу со всей ясностью: страны, находящиеся на нашем этапе хозяйственно-экономического развития, не должны концентрироваться на таких роскошных инвестициях, и уж наверняка не в такой степени. Очередная бюджетная перспектива ЕС — это большой шанс, чтобы управлять средствами иначе. Чтобы инвестировать их, а не только расходовать.

— Правительство ПиС — однопартийное, вы являетесь его вице-премьером. Чувствуете ли вы ответственность за успешную реализацию вашего плана?

— Чувствую. У нас имеется несколько приоритетов: электрический транспорт, восстановление судостроительной отрасли и рельсового транспорта. Я знаю, что с меня потребуют отчитаться в их реализации. Если, к примеру, через три года по меньшей мере десять крупных польских городов не перейдут на электрические автобусы, то это будет означать, что хвастаться нечем. Я хочу также, чтобы были критически проанализированы плоды моей работы по другим программам — тем, которые труднее поддаются оценке, поскольку они более аморфны, как, например, улучшение условий ведения хозяйственно-экономической деятельности. Для меня это очень важно.

Я рад, что в политическую дискуссию удалось ввести новые понятия. Известные экономисты разговаривают сегодня о сбережениях, накоплениях и инвестициях, причем все — даже наши оппоненты! — акцентируют внимание на том, насколько опасна чрезмерная зависимость от капитала, поступающего из-за границы. Многие из экономистов, в том числе принадлежащих к мейнстриму, подчеркивают, что речь идет не только о самом ВВП, но и о качестве этого ВВП, что нас интересует не только рост потребления и привлечение евросоюзных средств. Ведь речь идет — как говорили мои предшественники — не о «выжимании» средств из Брюсселя, а о развитии страны на здоровых основаниях, об инвестициях, о наращивании собственности поляков и приросте доходов наших граждан.

— На встрече активистов ПиС в Быдгоще вы сказали, что программа «500 плюс»^[5] каждый год обременяет государство долгом в размере 20 млрд злотых. И добавили: «Мы здесь в собственном кругу, а потому мне нет нужды говорить одни только красивые слова». Это грустно, поскольку вроде бы все мы в Польше находимся в собственном кругу.

— Это правда, мне следовало бы сформулировать данную мысль иначе.

— Ошибка?

— Тут проявилась моя неопытность. Я не предвидел, каким образом это может быть интерпретировано.

— *Потому что вы сказали чистую правду.*

— Прежде всего, правда такова, что я всем сердцем поддерживаю этот механизм, помогающий польским семьям, и делаю для него всё, что только могу. Дело обстоит отнюдь не так, что официально я говорю: «Программа "500 плюс" прекрасна», а в кулуарах шепчу: «Это катастрофа». Программа «500 плюс» — важная и нужная. Так я думаю, и так я тогда говорил. Но то, что у нас 25 лет существует бюджетный дефицит, и мы не в состоянии превратить его в профицит даже в годы самой лучшей конъюнктуры, — это ведь тоже правда.

— *Это доказательство того, что не существует простых рецептов. В вашей программе присутствуют стабильность публичных финансов, инвестиции, накопления и бережливость, но 59 млрд злотых дефицита — это никак не бюджет экономии.*

— Да? Тогда взглянем на дефицит во временной перспективе. Шесть лет назад дефицит в секторе публичных финансов составлял 110 млрд злотых. Годом ранее — 95 млрд, год спустя — 90 млрд злотых. У наших предшественников показатели дефицита бывали 8%, 7% и 6% ВВП, а у нас он составляет 2,9%, и в рамках этого мы запустили амбициозную программу «500 плюс». Вы говорите, что эта бутылка наполовину пуста. А я с чистой совестью скажу: «Эта бутылка наполовину полна». И добавлю, что мы восстанавливаем налоговую базу. Восемь или девять лет назад доходы от НДС, а также от подоходного налога с физических и юридических лиц (так называемые PIT и CIT) составляли 16,5% ВВП. Сегодня это 13,5%! Причем несмотря на то, что «по дороге» НДС был повышен. Такое уменьшение на три процентных пункта — это 60 млрд злотых. Если бы мы сегодня имели в бюджете указанную сумму, то, собственно говоря, дефицита бы просто не было.

— *Вы в своей программе продвигаете некоторые из секторов экономики. Идет поиск фирм-чемпионов. И это, пожалуй, логично, так как трудно быть лидером во всем, и лучше специализироваться в чем-либо. Но почему надо продвигать эту отрасль, а не другую? Почему именно фирма «Х» должна становиться чемпионом? Не станут ли тут решающим элементом связи и доступ к власти?*

— Правительство не отправится на совещание, после которого укажет пальцем: «С сегодняшнего дня самая важная отрасль — вот эта». Мы спрашиваем: какая отрасль дает наибольшую добавленную стоимость? Кто обладает наибольшим потенциалом для глобальной экспансии? Присутствуют ли там цифровые и информационные компоненты? Если некая отрасль удовлетворяет десяти критериям, примеры которых я привел, значит, есть смысл сделать на нее ставку.

— *Прошу прощения, но почему чиновник должен быть умнее рынка?*

— Мы делаем ставку на свободный рынок в значительно большей степени, чем это вытекало бы из слов наших критиков. Именно рынок будет решать, развивается какая-то отрасль или нет. Китайцы или корейцы могли в течение 10 или 20 лет дотировать целые отрасли, а у нас обычно нет на это денег. Средства есть, но ограниченные, это не бездонный мешок.

— *Тогда как вы и ваши люди будут помогать?*

— Прежде всего — гибко, эластично. Каждая отрасль нуждается в ином варианте поддержки. Если, однако, окажется, что какая-то отрасль, невзирая на полученную помощь, не развивается и не генерирует добавленную стоимость, то ее поддержка прекратится. Поэтому мы не собираемся высечь на каменных скрижалях названия семи или восьми отраслей, развитию которых государство будет помогать. Мы не станем инвестировать публичные деньги и смотреть, как ничего не происходит. Мы хотим заключить с отдельными отраслями своего рода контракт, который будет приносить двустороннюю пользу. В том числе и потому, что больших публичных денег у нас нет.

— *А что же тогда есть?*

— Хорошая атмосфера для развития, создаваемая государственными институтами, а также всё более благоприятное и способствующее развитию фирм законодательство. Мы концентрируемся именно на этом.

— *Все спрашивают, как будет распределяться помощь, потому что пребывание у власти одной сильной партии обременено рисками. Вокруг появляются «странные» люди, жаждущие урвать что-нибудь для себя, — совсем недавно от этого предостерегал Ярослав Качинский.*

— Подобные предостережения появляются сразу же после перехода власти в другие руки. Надо ценить, что руководство нашей партии обладает волей к искоренению патологических проявлений и делает это весьма последовательно.

— *Не из-за того ли лишился своего поста возглавлявший государственное казначейство министр Давид Яцкевич, бравший на работу в принадлежащие этому ведомству акционерные общества своих знакомых?*

— Министр Яцкевич выполнил миссию, возложенную на него госпожой премьер-министром. Ликвидация министерства государственного казначейства была одним из обещаний Пис в ходе избирательной кампании. Министр Яцкевич очень хорошо справился со своей миссией.

— *Оппозиция обвиняет вас в воспроизведении республики дружков-приятелей — нынче в правления и наблюдательные советы назначаются люди одной политической ориентации.*

— Надо разделить два сугубо разных явления. До сих пор на

протяжении 25 лет правили люди, произрастающие из одного идейного корня и придерживающиеся одной экономической теории. Мы хотим дать шанс новым людям, у которых другой, свежий взгляд.

— А если они совершают ошибки?

— Каждый, кто действует добросовестно и честно, имеет право на ошибку. Нет никакой гарантии, что человек с большим стажем работы не допустит ни единой ошибки. Это не означает, однако, разрешения на патологические проявления. Толерантность к патологиям недопустима.

— В Крынице вы смело говорили, что приток иммигрантов с Украины выгоден для Польши. А не дестабилизирует ли окончательно нашего соседа отток оттуда наиболее активных людей?

— В некоторой степени мы не в состоянии влиять на это. Если мы не примем этих украинцев, их примут немцы, австрийцы, голландцы и вся Западная Европа. Давая приют беженцам с территорий, охваченных войной, мы помогаем разрядить напряженность, существующую в том обществе, а также уменьшить там пространство бедности и несчастий. Поэтому я предпочитаю, чтобы молодые, способные люди с Украины укрепляли экономику нашей страны. А после того, как они наберутся здесь опыта и заработают деньги, многие из них вернутся домой и смогут заняться восстановлением собственной страны.

— Во времена социализма на вашу долю выпали драматические переживания. Функционеры Службы безопасности многократно избивали вас, а однажды вывезли в лес, где имитировали расстрел. Сегодня в качестве вице-преьера вы вынуждены часто встречаться с представителями, выражаясь эвфемистически, не очень демократических государств. Как вы себя при этом чувствуете?

— Не боги горшки обжигают. Считаю, что открытость этих стран к экономическому сотрудничеству с такими государствами, как Польша, приведет там в некоторой более или менее отдаленной перспективе к социальным изменениям. Сегодня мы не заинтересованы в отказе от сотрудничества с ними. Именно так выстраивали на протяжении долгих лет свое экономическое могущество наши партнеры из ЕС.

— И это было правильно?

— Многое указывает на то, что так оно и есть. Одновременно поддерживались контакты с общественностью угнетенных народов, и это позволяло более эффективно влиять на благоприятные преобразования в указанных странах.

— По образованию и опыту вы — экономист и специалист по управлению. Но вместе с тем вы еще и историк. Когда-то вы

сказали, что мы, как страна, по сей день ощущаем последствия катастрофы Первой Речи Посполитой, трех ее разделов в конце XVIII века. Что было причиной тогдашнего краха: слабость государства или раскол среди граждан? Я спрашиваю об этом, потому что Пис хочет сильного государства, но после года вашего правления мы как-то не бросаемся друг другу в объятия.

— Необходимо достигнуть консенсуса вокруг польских государственных интересов. Мне не нравится решать любые вопросы через Брюссель. Мы уже не раз обжигались на подобных действиях.

— *Предшественники тоже ездили туда жаловаться.*

— Это совершенно несопоставимо с тем, что сегодня делает оппозиция. Накал подобных жалоб, запуск евросоюзных процедур по вопросам, которые должны быть внутренним делом Польши, — такого все же раньше не было. А на вопрос о Первой Речи Посполитой я скажу, что для нас важно сильное государство — субъектное и отчетливо осознающее свои цели. До сих пор мы слишком мало заботились об этом. Я согласен также с тем, что в других странах политический класс умеет лучше договариваться по вопросам, связанным с интересами государства.

— *Почему там это возможно?*

— В зрелых странах после смены власти не видно особых изменений. Независимо от того, правят ли в Германии социал-демократы или блок ХДС/ХСС, извне никаких серьезных различий не видно. У нашей страны иная история, особенно новейшая. Мы прошли через период трансформации, который заключался в том, что посткоммунисты совместно с частью выводившейся из «Солидарности» элиты построили для себя Третью Речь Посполитую.

— *Что это означает?*

— Государством беспардонно завладела посткоммунистическая номенклатура — при поддержке какой-то элитной части «Солидарности». В результате мы напрочь упустили ту возможность изменений, которую несла с собой «Солидарность».

— *Выходит, «Солидарность» не добилась успеха?*

— Помните ли вы, как оплеывали «Солидарность» в начале 90-х годов? В качестве идеи она перестала быть нужной, а в качестве профсоюзного зонтика над правительством износилась по истечении двух или трех лет.

— *Вы резко оцениваете начальный период трансформации.*

— Да, резко, но в этом я, пожалуй, не одинок. Мне представляется, что общество — словно мицкевичевская лава^[6] — тоже подсознательно это ощущает. Сколько денег и пропагандистских усилий было вложено нашими

предшественниками, чтобы сделать 4 июня^[7] национальным праздником?! Люди отвергли всех этих шоколадных орлов^[8]. И предпочитают праздновать 11 ноября^[9].

— *Вам обидно, что вы не стали заместителем председателя ПисС?*

— Нет. Мариуш Блащак и Иоахим Брудзинский гораздо больше заслуживают этого и имеют больше прав на выполнение данной функции. Я не ждал кресла заместителя председателя партии, и это никогда не было предметом рассуждений. Во мне много смирения, и я скорее марафонец, нежели спринтер.

Матеуш Моравецкий (р. 1968) — в 80-х деятель оппозиции (в частности, «Борющейся Солидарности», которую основал его отец Корнель), получил во Вроцлаве высшее историческое и экономическое образование, с 1998 г. был связан с «Западным банком», возглавляя его с 2007 г. до осени прошлого года, когда получил пост вице-премьера и министра развития.

TYGODNIK POWSZECHNY

-
1. Вашингтонский консенсус — документ, представленный англо-американским экономистом Джоном Уильямсоном на исходе 80-х годов XX века и являющийся ныне основой правильной и рекомендованной экономической политики США. Сейчас этот документ служит каноном экономической политики Международного валютного фонда и Всемирного банка, штаб-квартиры которых находились в столице США Вашингтоне — отсюда и термин «Вашингтонский консенсус». — Здесь и далее прим. пер.
  2. Отсылка к словам Дональда Туска, сказавшего в сентябре 2010 г. в одном из интервью: «Пока я буду присутствовать в публичной жизни, предпочитаю политику, которая гарантирует, как кое-кто ехидно заметил, теплую воду в кране».
  3. Имеется в виду отчет «Государство и мы. Восемь главных грехов Речи Посполитой», который подготовили в конце 2015 г. 13 экспертов под руководством краковского профессора Ежи Хауснера — бывшего министра нескольких левых правительств РП в 2001-2005 годах.
  4. РКО ВР — банк «Польские сберегательные кассы — Польский банк», PESA — концерн «Рельсовый транспорт», специализирующийся в производстве поездов, вагонов и трамваев, Newag — комплекс предприятий,

ориентированных на модернизацию и производство дизельного и электрического рельсового транспорта, а также пассажирских вагонов.

5. Чтобы облегчить воспитание детей и стимулировать рождаемость, партия ПиС перед выборами пообещала ежемесячно выплачивать на каждого ребенка, начиная со второго, 500 злотых (около 120 долларов).
6. Отсылка к цитате из III части «Дзядов» Адама Мицкевича: «Народ наш словно лава: / Он сверху тверд, и сух, и холоден, но, право, / Внутри столетьями огонь не гаснет в нем... / Так скорлупу к чертям — и в глубину сойдем!». Пер. В. Левика.
7. 4 июня — день свободы и гражданских прав, учрежденный в мае 2013 г. и знаменующий первые после Второй мировой войны свободные парламентские выборы 1989 года.
8. Шоколадный орел — аляповатый двухметровый орел из белого шоколада, которого в мае 2013 г. президент Б. Коморовский крайне неудачно использовал в своей пропагандистской кампании.
9. 11 ноября — национальный праздник независимости в честь восстановления независимой Польши в 1918 году.

Подлые, постыдные, грязные нападки

С бывшим вице-премьером и министром финансов Польши Лешеком Бальцеровичем беседует Элиза Ольчик

Фото: East News

— Вам никогда не приходилось задумываться над тем, что трансформация, архитектором которой вы были, могла осуществиться как-то иначе?

— Конечно, приходилось. Например, она могла протекать, как в Белоруссии или на Украине. В Польше был самый значительный рост ВВП среди всех стран нашего региона, и после 1989 года мы в первый раз за последние 300 лет нашей истории стали догонять Запад по экономическим показателям. Разница в доходах среди населения, разумеется, увеличилась, поскольку при социализме она искусственно сдерживалась благодаря запрету на частную собственность, но эта разница не превышает того уровня, который есть в других странах Западной Европы.

— Вы работали с премьер-министрами Тадеушем Мазовецким, Яном Кшиштофом Белецким и Ежи Бузеком. Какой период был для вас наиболее интересным?

— С точки зрения условий проведения реформ я выделяю два периода: период исключительной политики и политики нормальной. В первый из них были факторы, способствовавшие реформам, потому что в обществе и среди элиты было понимание того, что социализм, то есть тотальная политизация экономики и общества, был плохим строем. Было понятно, что этот период не может продолжаться вечно, а просуществует еще год-полтора. Поэтому нужно было использовать это время по максимуму для реализации именно таких стратегических, масштабных и кардинальных реформ. Мы провели их подобно тому, как позже это сделали Эстония, Латвия, Литва, а еще позже Словакия. Есть целый ряд исследований, где утверждается, что страны, которые стали проводить кардинальные реформы и не оттягивали борьбу с инфляцией, достигли намного лучших результатов, чем страны, которые тормозили реформы или проводили их слишком долго. В Польше в 1989 г. уровень жизни был сравним с Украиной и Белоруссией. Сегодня между Польшей и этими странами пропасть. Критики польской трансформации не могут назвать ни одной постсоциалистической страны, которая была бы для Польши примером для подражания. Вместо этого на нас льются потоки лжи и необоснованных обвинений. Если бы мы медлили с реформами, то оказались бы в ситуации Белоруссии, где действует, по сути, замороженный социализм.

— *Война в верхах, конфликт между Тадеушем Мазовецким и Лехом Валенсой влияли как-то на вашу деятельность?*

— Лагерь «Солидарности» вместе с Лехом Валенсой первые два года поддерживал трансформацию. Прежде чем проводить реформы, я предупредил, что они будут радикальными. Тадеуш Мазовецкий и правление Всепольского забастовочного комитета выразили на это согласие, а ставший президентом Лех Валенса в первом своем выступлении говорил о продолжении «плана Бальцеровича». Валенса обладает мудростью, позволяющей ему отличать важные вещи от неважных. Он понимал намного лучше, чем некоторые более образованные политики, что частная собственность, экономическая свобода и демократия — это очень важно. Конечно, в 1991 г. было труднее проводить реформы, чем в 1989-м. Во-первых, потому, что усложнялась политическая ситуация: приближались выборы, а во-вторых, 1991 год был труднее с экономической точки зрения, поскольку мы расплачивались за выход из Совета экономической взаимопомощи, что, безусловно, было шагом к свободе. Несмотря на это, всё еще существовало понимание того, что нужно использовать исключительное время, чтобы идти вперед.

— *А второй период?*

— Это были 1997–2000 годы. У нас тогда была коалиция «Унии свободы» (я возглавлял ее с 1995 г.) с Избирательной акцией «Солидарность» (ИАС), которая сама по себе уже была коалицией. Это была непростая политическая система. Но верхушка ИАС вместе с Марианом Кшаклевским выказывала гораздо более высокое гражданское сознание, чем нынешняя партия «Право и справедливость» (ПиС). Никто не спорил с тем, что нужно ускорить приватизацию, реформировать систему здравоохранения, пенсионную систему и систему образования. Благодаря специальной программе мы вывели 100 тыс. шахтеров из непроизводительных шахт.

— *Чем отличаются реформы исключительного периода от обычного?*

— В исключительный период самое важное — действовать быстро, что, разумеется, требует очень хорошего коллектива с понимающим руководством. В обычное время в условиях коалиции нужно уметь вести переговоры, что у нас в целом получалось более двух лет. Нужно также эффективно влиять на общественное мнение. С самого начала у меня была команда единомышленников, которые очень пристально следили за общественным мнением, и мы часто действовали на опережение атаки.

— *Получалось?*

— Иногда да. К примеру, в 1998 г. появились требования значительно увеличить расходы на здравоохранение. Тогда мои сотрудники подготовили и широко распространили «Черную книгу растрат в здравоохранении». В результате те, кто выражал недовольство, вынуждены были защищаться. Если посмотреть с другой стороны, то мы подготовили также хороший реприватизационный закон, который не пропустил Александр Квасневский, вероятно, под влиянием своего советника Марека Бельки. И сейчас мы имеем дело с последствиями этого, потому что реприватизация через суд более затратна. Впрочем, во времена правительства Яна Кшиштофа Белецкого в 1991 г. был подготовлен приличный реприватизационный закон, вот только Сейм был расформирован, и закон принят не был.

— *В первый период реформации широкую известность приобрела алкогольная афера. Вы помните ее?*

— От ПНР мы унаследовали галопирующую инфляцию, обрушивающуюся экономику, огромный долг и советскую армию, размещавшуюся на западе страны. А группа реформаторов была небольшой. На чем мы должны были сосредоточиться? Спасать государство и экономику от катастрофы или безрезультатно искать скелет в шкафу и тормозить реформы, чтобы ничего не проглядеть? Никто не

смог бы одновременно реформировать и предотвращать всевозможные злоупотребления. Даже в странах с установившейся демократией время от времени возникают аферы, а тем более в Польше, которая унаследовала самую большую аферу — социализм. В этой ситуации верхом безответственности была бы заморозка реформ.

— *А как вы отнеслись к лозунгу «Бальцерович должен уйти»?*

— В любой стране, где проводились реформы, появлялись неприязненные высказывания в адрес реформаторов. Когда я бывал в Великобритании во времена Маргарет Тэтчер, то не раз видел на стенах надписи в ее адрес, которые я не вполне понимал, несмотря на мое знание английского, а мои британские друзья не хотели мне их переводить — так оскорбительны были эти высказывания. Однако ничто не оправдывает этих подлых нападок ни в Великобритании, ни в Польше.

— *Помните ли вы самое трудное свое решение?*

— Это были решения, которые мы должны были принимать, не имея достаточных данных. Одним из них было установление курса злотого. После внутренних совещаний мы приняли решение, что курс будет составлять 9500 зл. за доллар. И никто не знал, поскольку не мог знать, как долго этот курс продержится, а он продержался дольше, чем мы предполагали.

— *Почему установить курс злотого было так важно?*

— Это был способ борьбы с галопирующей инфляцией. Когда люди ожидают роста цен, они как можно быстрее тратят деньги, а это увеличивает инфляцию. Поэтому нужно было обеспечить им какую-то точку опоры. Сказать людям, что мы стабилизируем курс злотого — это и было такой точкой опоры. Другим решением, которого нельзя было откладывать, была приватизация. Я — как всякий здравомыслящий человек — знал, что государственные предприятия загнивают, так происходит в любой стране. При социализме все было государственным, поэтому страна переживала упадок. Лично я стремился к более быстрому темпу приватизации, чем тот, которого удалось достичь. Благодаря этому нас ожидал бы более стремительный экономический рост. Но работа над приватизационным законом затягивалась. Он был принят только в июле 1990 года. Сами депутаты понимали, что это — коренной перелом, они встали и аплодировали.

— *Однако потом приватизация вызывала сильные негативные эмоции.*

— Потому что часть политиков стала оперировать языком белорусского диктатора Александра Лукашенко — стала говорить о приватизации, как о «кормушке». Мы имеем дело со снижением уровня публичной дискуссии, а по сути — с потоком брани и клеветы. Еще во времена правления партии

Избирательная акция «Солидарность» удалось ускорить приватизацию. Министр приватизации Эмиль Вонсач прекрасно понимал необходимость этого.

— *И до сих пор его дело находится в Государственном трибунале.*

— Всем, кто делал что-то полезное во времена приватизации, отказывали потом в уважении и доверии, и это бесчестно. Януша Левандовского многие годы таскали по прокуратурам и судам. А у людей, которые попустительствовали загниванию государственного сектора, волос с головы не упал. Некоторые прокуроры сыграли в этом деле не самую приглядную роль. Гонения на Вонсача были политическим заказом, поскольку, как только партия «Право и справедливость» в первый раз пришла к власти, его дело было послано в прокуратуру Гданьска, которая возобновила следствие, хотя ранее варшавская прокуратура не усмотрела правонарушений в его деятельности. Если бы мы, когда у власти была партия Избирательная акция «Солидарность», не приватизировали банков, то, скорее всего, получили бы такой кризис, какой обеспечила себе Словения. Там охраняли государственные банки, то есть политики решали, кому и на каких условиях выдавать кредиты, а это ведет к растрате вложенных в банки депозитов. Экономика Словении несколько лет тому назад обрушилась. Из исследований Всемирного банка, охватывающих свыше 100 стран, следует, что чем больше процент государственных банков в стране, тем больше риск кризиса. Поэтому если в Польше будет реализован лозунг «реполонизации», то есть национализации банков, то у нас возрастет риск банковского кризиса. Особенно если осуществлять финансовый надзор будет ПиС.

— *К последнему кризису 2007 года нас привели частные банки.*

— Не только, еще и политизированные финансовые институты, например, «Fannie» и «Freddie» в США, «Cajas» в Испании, «Landesbank» в Германии. Но что важнее всего — риск кризиса в институтах, связанных с политиками, гораздо выше, чем на частных предприятиях.

— *А какое было самое трудное решение, не связанное с реформами?*

— Самым трудным было решение вернуться в политику в 1995 году. Я ушел из политики в конце декабря 1991 г. с намерением больше туда не возвращаться. И сделал это с облегчением.

— *Почему с облегчением?*

— Те два с половиной года были работой в камере давления. У нас было гигантское скопление проблем и относительно небольшая рабочая группа. Администрацию сменить не удалось, поскольку новых людей брать было неоткуда, хотя и появилось много новых. Это была работа под огромным давлением, а любой нормальный человек в какой-то момент устает. Дело даже не в том, что ты мало спишь, а в том, что

работаешь в бешеном темпе. Я умею и люблю работать быстро, мне надоедает медленная работа, но и я почувствовал, что устал. Я ушел из политики без намерения возвращаться, и у меня начался хороший период: я провел много времени во Всемирном банке, в Международном валютном фонде, в Европейском банке реконструкции и развития, у меня было много лекций в разных странах мира. Я многому научился и, пользуясь случаем, занялся устройством быта. Мы переехали из Брудно, из нашей трехкомнатной квартиры, в дом в Затишье^[1]. Хотя в Брудно у меня были соседи из разных кругов, и они всегда относились ко мне дружелюбно.

— У них не было к вам претензий по поводу безработицы, снижения уровня доходов?

— Нет. Люди часто думают, что общество реагирует так же, как Анджей Леппер или Ярослав Качинский, но ни тот, ни другой никогда не были представителями общественного мнения. Вернусь к моему возвращению в политику. Всё время я следил за нашей политической сценой, и в какой-то момент возникло предложение, чтобы я поддержал «Унию свободы». Это, кстати, по моему совету название «Демократический союз» было изменено на «Уния свободы».

— Чем название «Уния свободы» лучше названия «Демократический союз»?

— Оно гораздо лучше передавало то, что после социализма нам было нужнее всего. Меня не очень тянуло назад в политику, однако после долгих уговоров я решил вернуться. Я вступил в «Унию свободы», за две недели до съезда в 1995 г. заявил, что буду добиваться руководящей роли, и победил на демократических выборах со значительным перевесом голосов.

— Но почему вы на это решились?

— Я верил, что благодаря этой партии можно ускорить важные реформы, а «Уния свободы» того времени была наиболее близка моим взглядам. Первый раз в жизни я старался реформировать партию, а не экономику.

— Получилось лучше или хуже, чем с экономикой?

— Если бы получилось так же, как с экономикой, «Уния свободы» до сих пор играла бы ключевую роль на политической сцене. А это не так. Однако многое удалось сделать, например, мы усовершенствовали процесс руководства, развили отдел масс-медиа, привлекли в партию разные сообщества. У нас был, например, учительский форум и форум предпринимателей, куда мы пригласили известных предпринимателей, например, покойного Войцеха Инглота. Но, как это бывает в политике, у нас были взлеты и падения. К примеру, непосредственно перед конгрессом «Унии свободы» в 1997 г., то есть в год парламентских выборов, было проведено статистическое

исследование, согласно которому «Уния свободы» имела только 5% поддержки, то есть балансировала на границе избирательного порога. Я выступил на том конгрессе и произнес речь, чтобы подбодрить людей.

— *В итоге ваш результат на выборах был гораздо лучше.*

— Почти 14%.

— *А почему вы не хотели войти в коалицию с Союзом демократических левых сил (СДЛС)? Они ведь этого хотели.*

— Наши избиратели этого бы не приняли, это было бы большим риском для «Унии свободы». Я тоже этого не хотел. Мы сделали ставку на Избирательную акцию «Солидарность», хотя она не совсем дружественно себя вела по отношению к нам, в частности, из-за новой конституции. Тадеуш Мазовецкий и другие политики УС принимали участие в создании этой конституции, а ИАС ее критиковала. Мы сумели произвести трудный маневр, позволивший принять приличную конституцию вместе с СДЛС, а после — осуществлять управление страной с ИАС. Это была очень непростая, но реформаторская коалиция.

— *Вероятно, сначала вы не были сторонником пенсионной реформы?*

— Это неправда. Просто я не занимался этой реформой непосредственно. Но я предлагал полученные от приватизации деньги направить в Открытый пенсионный фонд, как позднее и произошло.

— *Вернемся к коалиции с ИАС. «Уния свободы» вышла из правительства до окончания срока. Почему?*

— Со временем стало всё труднее принимать совместные решения, касающиеся реформ, поскольку в самой ИАС происходили центробежные процессы. Появилась группа депутатов, называемая «ячейкой», которая стала выступать против собственного правительства вместе с СДЛС, который был в то время абсолютно железной коалицией. Я отдавал себе отчет в том, что нам грозит экономический «дрейф», представил моим партнерам из ИАС два списка — что следует делать и чего делать не следует — и попросил их написать, согласны они на эти меры или нет. Но ответа не дождался, и это была основная причина расхождения «Унии свободы» с ИАС. Кстати сказать, следствием этой пагубной политики была так называемая «дыра Бауца», образовавшаяся из-за принятия законов, которые привели к чрезмерным расходам. СДЛС после победы на выборах пришлось столкнуться с последствиями этих действий.

— *Трудно было принять решение о выходе из коалиции?*

— Нет. Я взвесил все варианты: что будет, если мы останемся в коалиции, а что — если выйдем. Если бы мы остались, мы оказались бы в более плачевной ситуации, а если так, то лучше

было выйти.

— *А почему, на ваш взгляд, распалась «Уния свободы»?*

— Это было уже после моего выхода из партии. А вышел я до того, как появилась возможность занять должность президента Национального банка Польши. Я знал, что «Уния свободы», вероятнее всего, окажется в оппозиции, и не видел себя в роли оппозиционного политика. С другой стороны, я чувствовал, что не могу оставить партию в трудной ситуации. Но когда в руководстве партии наметилась альтернатива моей кандидатуре, я ощутил себя свободным от необходимости управлять «Унией свободы». Я не участвовал в выборах нового председателя партии, но все знали, что я поддерживаю Дональда Туска. Во-первых, он был моложе, а во-вторых, был выходцем из «Либерально-демократического конгресса», то есть из партии, программа которой была мне близка.

— *Вы, конечно, были разочарованы поздним Туском?*

— В 2010 г. у меня не было претензий к его политике, потому что при тогдашнем президенте Лехе Качинском, который был противником реформ, у «Гражданской платформы» не было шансов сделать много. Разочарование пришло после 2010 года. Тогда «Гражданская платформа» стала полемизировать с тезисом о необходимости реформ. Это было глупо и не могло нравиться избирателям «Гражданской платформы». Тогда же был совершен выпад в сторону Открытых пенсионных фондов (ОПФ)^[2], что было нерационально как в экономическом плане, так и с точки зрения преемственности традиций государства. Вдобавок ОПФ были так демонизированы, как не постыдился бы этого сделать Ярослав Качинский. Он-то, впрочем, полностью поддерживал действия Туска, потому что они вписывались в его образ мыслей.

— *Какой именно?*

— ПиС старается полностью охватить контролем государственную экономику. Поэтому они заморозили приватизацию, а в банковском секторе даже пытаются ее отменить. Они ограничивают права собственности, примером чего является закон об обороте земель. К этому следует прибавить посягательства на СМИ и давление на Конституционный суд, а также преследования профессора Анджея Жеплинского и других критикующих политику ПиС. В любой из областей общественной жизни мы движемся назад. Вдобавок нас поливают беспримерной пропагандистской ложью, которая фальсифицирует лучший период в истории Польши. Поддерживать такую политику ПиС могут только люди, одурманенные пропагандой, или те, у кого нет совести. Я уже не говорю о том, как Польша выглядит в глазах Запада. Это высшее мастерство деструкции. Западные страны должны задуматься о том, что это за общество, которое отдало власть

таким людям. И это вопрос, адресованный полякам.

— *Спорные вопросы свойственны не только полякам. Британцы вышли из Евросоюза.*

— Можно найти тысячи утешений для нас в нашей ситуации, но что с того? У нас нет более важной заботы, чем вопрос о том, что власти делают с Польшей. Мы не Великобритания, которая никогда не была в оккупации. Мы — Польша, которая после 1989 г. прожила лучшие четверть века за последние 300 лет своей истории. Позволят ли поляки все это уничтожить?

 RZECZPOSPOLITA

-
1. Брудно и Затишье — районы Варшавы. — Прим. пер.
  2. Правительство Д. Туска сократило взносы в ОПФ с 7,3 % до 3 % и увеличило пенсионный возраст. — Прим. пер.

Экономическая жизнь

Экономическая жизнь

Несколько польских фирм с успехом позаимствовали фирменные бренды из таких стран, как Великобритания, Франция или Швейцария. Например, фирма «Вельтон» из Велюня, производящая полуприцепы и прицепы для грузовых автомобилей и тракторов, поглотила в прошлом году лидирующую на французском рынке фирму «Fruehauf». Теперь оба предприятия действуют под маркой «Fruehauf». Таким образом, польская фирма вошла в европейскую элиту в своей отрасли.

Польская компания «Amica», выпускающая крупную и мелкую бытовую технику для домашних хозяйств и кухонь, объединилась с британским акционерным обществом CDA. Благодаря этому слиянию польский производитель увеличил объем продаж на британском и западноевропейском рынках на 65%.

Наша фирма «Comarch», действующая в сфере информатики, в свое время приобрела часть немецкой фирмы «SoftMAG», а в минувшем году купила долю в американской компании «Thanks Again LLC», которая сотрудничает со многими аэропортами в Северной Америке.

Группа «Новый стиль», занимающаяся производством мебели, приняла в прошлом году торговую марку швейцарской мебельной фирмы «Sitag» — одного из наиболее известных и самых дорогих брендов офисной мебели.

В состав ведущего отряда европейских производителей вошел также польский изготовитель бытовой электроники AB, который объединился с чешской фирмой «AT Computers». (Источник: «Газета wyborcza»).

Министр внутренних дел Мариуш Блащак приостановил в июле текущего года так называемое малое приграничное движение с Калининградской областью, иными словами, отменил льготы, облегчающие ее жителям въезд в Польшу. Тогда он объяснял это соображениями безопасности на время двух мероприятий, проходивших в тот период: саммита стран НАТО, а также Всемирных дней молодежи. Но встреча руководителей стран НАТО давно закончилась, дни молодежи прошли, а малое приграничное движение по-прежнему не работает. Следовательно, причина введенных ранее ограничений — иначе говоря, усиленная забота о безопасности

— уже перестала быть актуальной. «В Польше пугают, что Калининград — это военная база, которая только и ждет, чтобы напасть на вас», — говорит репортеру журнала "Newsweek Polska" калининградский бизнесмен Рустам. И добавляет: «Меня это ужасает, так как безумства по обе стороны границы приведут к тому, что мы действительно станем именно такой базой».

Польские предприниматели подсчитывают убытки после приостановки малого приграничного движения с Россией. Поступления от российских клиентов сократились на 80%. Польские предприниматели требуют восстановления прежних льгот для российских клиентов из Калининграда. (Источники: «Newsweek Polska» и «Газета wyborcza»).

Более чем на 20% сократились — по сравнению с прошлым годом — закупки приграничных клиентов из Белоруссии в польских магазинах. Это вызвано, помимо всего прочего, указом президента Лукашенко, согласно которому общая сумма закупленных гражданами Белоруссии товаров не должна превышать 300 евро, а вес — 20 кг. Покупки сверх этой нормы уже не признаются предметами личного потребления и подлежат обложению таможенными пошлинами. (Источник: «Газета wyborcza»).

Польская домашняя птица завоевывает китайский рынок. В прошлом году общая стоимость экспорта польских продуктов из мяса домашней птицы в Китай составила 105 млн злотых (около 25 млн долларов). Производители оценивают, что в 2016 г. эта сумма вырастет почти в двадцать раз. Польша — единственная европейская страна, которая соответствует условиям действующих в Китае норм и вправе экспортировать туда курятину и индюшатину. (Источники: биржевой интернет-сервис «Паркет» и «Жечпосполита»)

Польша — один из крупнейших в мире производителей яхт и моторных лодок. В 2016. г. ожидается дальнейший, десятипроцентный рост их выпуска. Представитель Польской палаты яхтенной промышленности и инвентаря для водных видов спорта Михал Бонк сообщает, что польские яхтенные верфи в 2015 г. спустили на воду 17 тыс. моторных лодок и яхт. С каждым годом наши яхтенные верфи поставляют на мировой рынок всё более крупные и дорогостоящие плавсредства, цены на которые достигают нескольких миллионов злотых. Главную часть поступлений польская яхтенная промышленность получает в результате продаж своей продукции в Голландию, Германию, Норвегию, Швецию и Великобританию. (Источник: «Жечпосполита»).

На польском рынке алкоголя продолжается конкурентная борьба между фирмами «Stock Spirits» и «Central European Distribution Corporation». Последняя принадлежит российскому миллиардеру Рустаму Тарико. В настоящий момент она является лидером среди производителей водок в Польше. В августе 2016 г. ее доля на этом рынке составляла 41%. Ранее в течение пяти лет ведущую позицию на нем занимала фирма «Stock». Борьба между этими двумя главными конкурентами ведется за товарный знак водки «Саска» («Саксонская»). Обе фирмы выдвигают притязания на указанный фирменный бренд. Но, прежде всего, идет ценовая борьба, которая вызвана значительным перепроизводством водок, особенно чистых. Для производителей подобных водок одним из способов увеличения рентабельности является, в частности, выведение на рынок так называемых вкусовых водок с меньшим содержанием спирта, а следовательно — с меньшим акцизным сбором. Дополнительный шанс на развитие бизнеса и улучшение финансовых показателей дает также дистрибуция виски, популярность которого в Польше растет. (Источник: «Жечпосполита»).

Вице-премьер Матеуш Моравецкий недавно поставил следующую цель: через десять лет по польским дорогам должен ездить миллион произведенных в Польше автомобилей с электроприводом. Вскоре, однако, подобного рода планы начали урезаться. Из них убрали ускоренное проектирование и производство электромобилей. Пока что должна создаваться инфраструктура, иначе говоря, речь идет главным образом о зарядных станциях. Таким образом, перспективное видение вице-преьера по-прежнему останется всего лишь видением, — пишет Милош Венглевский в журнале «Newsweek Polska». Дело в том, что Польша пока не может себе позволить конкуренцию с крупнейшими мировыми автостроительными концернами, которые уже далеко продвинулись в производстве электроавтомобилей.

В свою очередь, Анджей Кублик в «Газете выборчей» обращает внимание на то обстоятельство, что для начала электромобили надлежит внедрить в органах публичной администрации, где они должны составлять 50% парка используемых транспортных средств. Это стало бы хорошим способом популяризации электрических автомобилей. Кроме того, к переходу на электромобили должны подталкивать значительные налоговые льготы для владельцев таких средств передвижения.

— Каким же образом реализовать мечту об электрических автомобилях? — задается вопросом Гжегож Осецкий на страницах издания «Дзенник газета правна». И отвечает:

процесс «электрификации» автотранспорта следует осуществлять в три этапа. В 2016–2018 гг. должны возникнуть фундаментальные основы для развития электромобилей. Надлежит, в частности, образовать фонд, финансирующий инфраструктуру для автомобилей с электроприводом. Вторым этапом предлагаемого плана предполагается установление льгот и поощрений для производителей и пользователей электромобилей. Наконец, третий этап — это постепенное распространение электрического автотранспорта в польских городах, его широкое использование в органах публичной администрации, а также завершение строительства зарядных станций. По мнению экспертов, где-то в конце указанного периода электромобили станут настолько популярны, что не нужны будут уже никакие специальные поощряющие меры.

Е.Р.

Хроника (некоторых) текущих событий

• «Семнадцать из двадцати крупнейших торговых сетей в Польше принадлежат иностранному капиталу. (...) Мы продали 90% предприятий розничной торговли, 95% предприятий по производству цемента, 75% банковского сектора. Поэтому моим предшественникам так не нравится, когда я говорю о необходимости укрепить позиции польского собственника. (...) Мы уже миновали период трансформации, которая свелась к тому, что наследники коммунистов вместе с частью элиты, состоящей из экс-деятелей “Солидарности”, построили для себя Третью Речь Посполитую. (...) Государство было присвоено посткоммунистической номенклатурой при поддержке определенной части верхушки “Солидарности”», — Матеуш Моравецкий, вице-премьер и министр развития. («Тыгодник повсехный», 25 сент.)

• «Вторая мировая война и десятилетия коммунистического режима лишили нас среднего класса — не смогли мы создать его и за 27 лет существования Третьей Речи Посполитой. И лишь наше правительство решило помочь этому классу подняться с нижних ступенек социальной лестницы. Благодаря этим усилиям польский средний класс появится в течение 20 ближайших лет. (...) Я бы только приветствовал, если бы британцы попытались немного сдержать очередную волну польской эмиграции. Из нашей страны за последние восемь лет уехали два с половиной миллиона поляков, из которых целый миллион эмигрировал в Великобританию, и в этом для Польши нет ничего хорошего. (...) Польские предприниматели открывают свои фирмы в Великобритании в десять раз чаще, нежели в Польше. У нашего народа есть предпринимательская жилка, надо только создать для этого соответствующие условия. Мы будем стараться упростить экономические процедуры, стимулировать инвестиции и инновации», — Матеуш Моравецкий, вице-премьер и министр развития. («Жечпосполита», 29 сент.)

• «С минувшей среды вице-премьер Тадеуш Моравецкий руководит уже двумя ведомствами — министерством развития и министерством финансов. Он также возглавил вновь созданный Экономический комитет Совета министров (ранее существовавший в 1945-1950 и 1957-1969 гг. — В.К.). Таким образом, Моравецкому удалось сосредоточить в своих

руках власть над финансами и экономикой страны». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 29 сент.)

- «Моравецкий обзавелся гораздо более мощными инструментами влияния, нежели те, которые гарантировала ему высокая партийная должность заместителя председателя ПиС. В лице 14 замминистров и 65 департаментов ему, в принципе, подчиняется всё, что хоть как-то связано с регулирующей ролью государства в экономике. Вдобавок, возглавляя ведомство по контролю над государственными финансами, он может сам решать, сколько денег ему нужно на реализацию своих планов и откуда их взять. Это стало возможным благодаря использованию юридической лазейки: поскольку Моравецкий не мог одновременно занимать две самостоятельные министерские должности, был создан гибридный пост “министра развития и финансов”, при сохранении самостоятельности обоих ведомств». (Павел Браво, «Тыгодник повсехный», 9 окт.)

- «У экономистов в головах не укладывается, что должность министра финансов, курирующего государственные финансы, вдруг оказалась в польском правительстве лишней, и теперь достаточно суперпремьера, который будет одновременно определять направления финансирования, совершать расходы и контролировать их». (Иоанна Сольская, «Политика», 5-11 окт.)

- «Польша поднялась на целых пять ступеней, заняв 36-е место в последнем рейтинге глобальной конкурентоспособности, составляемом Всемирным экономическим форумом. Это наш лучший результат за всю историю, однако мы по-прежнему находимся в промежуточной группе между странами, конкурирующими между собой в основном в области эффективности производства (а этот показатель тесно связан, в частности, с низкой стоимостью труда), и странами, конкуренция между которыми происходит главным образом в инновационной сфере. Из посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы нас опережают Эстония (30-е место), Чехия (31-е место) и Литва (35-е место)». (Хуберт Козел, «Жечпосполита», 29 сент.)

- «Наша экономика не понесла потерь в связи с санкциями, поскольку нам удалось найти другие, безопасные в политическом отношении рынки сбыта. И хотя в 2015 году, в самый разгар войны, ведущейся в области обмена санкциями, уровень экспорта в Россию был на 2,6 млрд евро меньше, чем в мирном 2012 году, однако общий уровень польского экспорта только по отношению к 2014 году вырос на 8,3%. С 2012 года он увеличивается в среднем на 13 млрд евро в год. Конфликт с Россией никак не влияет на эту динамику, поскольку потери от сокращения торговли на российском направлении восполняют

другие страны». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 21 сент.)

• «Польская авиакомпания ЛОТ получила согласие России на дополнительные перелеты над Сибирью. (...) С Россией была достигнута выгодная договоренность. (...) ЛОТ намерен развиваться, осваивая новые сообщения с Азией, а это связано с перелетами над Сибирью. (...) Польский перевозчик летает над Сибирью в Пекин и Токио, а с октября начнет доставлять пассажиров в Сеул». («Жечпосполита», 20 сент.)

• Польское морское судоходство располагает 59 судами: 34 зарегистрированы на Багамах, 14 — в Либерии, 7 — на Кипре, 3 — на Мальте, 1 — на Маршалловых Островах, а в Польше — ни одного. «“Если бы в соответствии с сегодняшними правилами наши суда перешли под польскую юрисдикцию, стоимость их содержания возросла бы на 70%”, — полагает Януш Нахаёвский, начальник административно-кадровой службы Польского морского судоходства». (Лешек Бай, Вадим Макаренко, Мариуш Рабенда, «Газета wyborcza», 22 сент.)

• «С 1 января новое военизированное формирование “Геологическая охрана” получит право ношения коротко- и длинноствольного огнестрельного оружия, наручников, дубинок, а также газовых баллончиков и парализаторов. В задачи новой структуры входит борьба с лицами, нелегально добывающими уголь и другие породы в рудниках, каменоломнях и карьерах. (...) “Геологическая охрана” станет частью нового учреждения — Государственной геологической службы, в распоряжение которой перейдет основная часть имущества Государственного геологического института. Это старейший научный институт в Польше, который через три года собирался отмечать свое столетие. (...) Ни в одной цивилизованной европейской стране геологические институты не объединяют с органами управления по добыче полезных ископаемых». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 20 сент.)

• «По данным Главной комендатуры полиции, за минувшие полгода следственными органами было зафиксировано почти в четыре раза больше преступлений, связанных с получением взяток, чем год назад. Если за первые шесть месяцев прошлого года было выявлено 958 таких правонарушений, то в этом году их количество достигло 3,8 тысяч. Это больше, чем за весь 2015 год, когда случаев так называемой “пассивной коррупции” было чуть более 2 тысяч». («Жечпосполита», 27 сент.)

• «Европейская комиссия решила, что вступивший в силу 1 сентября закон о налоге на розничную торговлю нарушает правила государственной помощи, и рекомендовала приостановить действие закона (...). Согласно данному закону, польские фирмы ежемесячно выплачивали государству определенную часть выручки, полученной от розничной торговли, по трем разным ставкам. (...) “У комиссии имеются

опасения, что применение прогрессивных ставок налога, основанных на размере дохода, приносит селективную выгоду предпринимателям с более низкими доходами и в связи с этим, согласно нормам ЕС, представляет собой разновидность государственной помощи». (Из Брюсселя Анна Словеская, Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 20 сент.)

- «Министр финансов Павел Шаламаха во вторник приостановил действие нынешней редакции закона о налоге на розничную торговлю, вступившего в силу 1 сентября». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 21 сент.)

- 29% поляков положительно оценивают то, как правительство руководит компаниями, принадлежащими государственному казначейству. Зато 54% оценило качество управления отрицательно. 17% респондентов не смогли определиться с точкой зрения по данному вопросу. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 23–24 сентября. («Жечпосполита», 27 сент.)

- «Более чем на 30 млрд злотых уменьшилась за последние 12 месяцев рыночная стоимость биржевых компаний, контролируемых государством. Дешевизна некоторых из них побилла все рекорды». («Дзенник газета правна», 3 окт.)

- «Главный фондовый индекс Варшавской биржи за последние 12 месяцев снизился на 19,3%». («Газета wyborcza», 22 сент.)

- «Одновременно в двух, трех и даже пяти наблюдательных советах государственных компаний заседают люди из правящей партии». «Одно физическое лицо может состоять в наблюдательном совете только одной компании с участием Государственного казначейства либо органа территориального самоуправления, превышающем 50%. Это черным по белому записано в законе, действующим с 2000 года». (Томаш Юзвик, «Дзенник газета правна», 27 сент.)

- «Назначениями в управляющие органы компаний с участием Государственного казначейства занимается специальный совет по делам госкомпаний при премьер-министре Беате Шидло». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 5 окт.)

- «Массовое выявление случаев кумовства и политической протекции в государственных компаниях со стороны людей, близких к Пис, — это в настоящий момент самая серьезная политическая проблема партии Ярослава Качинского, ставящая под удар состоятельность лозунга “Перемены к лучшему”. (...) Почти ежедневно мы узнаем об очередных персонажах, связанных с политиками из правящей партии, получивших хлебные должности в государственных компаниях либо заключивших с этими компаниями выгодные контракты. Медийным и политическим символом человека, который после выборов сделал головокружительную карьеру, не блистая при этом соответствующим образованием и опытом, стал

Бартломей Мисевич, пресс-секретарь оборонного ведомства (...) и директор политического кабинета министра национальной обороны Антония Мацеревича. У 26-летнего Мисевича нет высшего образования. Он фармацевт, профессиональный опыт получил, работая в аптеке. (...) Одно время он был уполномоченным министра обороны по вопросам Экспертного центра контрразведки НАТО. (...) Поговаривают, что авторство шуточного лозунга "ТКМ" ("Теперь, курва, мы") принадлежит нынешнему маршалу Сейма Мареку Кухцинскому. (...) Сегодня это уже не столько "ТКМ", сколько "Доходные перемены" (двойной парафраз выражения "Достойные перемены", а также строчки песни "Отчизну свободную верни нам, Боже", которая в шуточном варианте Анджея Дуды прозвучала как "Отчизну доходную верни нам, Боже" — В.К.) (Витольд Гловацкий, «Польска», 23–25 сент.)

- «Как показывает опрос Института рыночных и общественных исследований от 23–24 сентября, 43% поляков считают, что Антоний Мацеревич должен быть уволен с поста министра обороны». («Жечпосполита», 26 сент.)

- «Министр национальной обороны подчинил себе командование войсками территориальной обороны (другие рода войск подчиняются Генеральному командованию). (...) Сомнения вызывает правовое обоснование создания новых командных структур. Министерство обороны объясняет, что его прямой контроль над войсками территориальной обороны является временной мерой». («Жечпосполита», 27 сент.)

- «Во вторник поздно вечером, не предупредив официальный Париж, за неделю до визита в Варшаву президента Франсуа Олланда, правительство прервало переговоры с французской компанией "Airbus" о поставках в Польшу вертолетов "Caracal". Для Олланда вертолеты "Caracal" были своего рода проверкой серьезности намерений нашей страны относительно выстраивания европейской политики в области обороны. (...) Франция, самая мощная военная держава Евросоюза, в контексте оборонительной политики отводила Польше особую роль, считая ее одной из немногих стран европейского сообщества, серьезно относящихся к вопросам обороны». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 6 окт.)

- «Президент Франции Франсуа Олланд отменил свой визит в Варшаву в связи со срывом по вине польской стороны переговоров по контракту с компанией "Airbus" на поставку 50 вертолетов "Caracal"». (1 программа Польского радио от 8 окт., цит. по памяти)

- «"Срыв переговоров по контракту серьезно повлияет на дипломатические отношения Франции и Польши, — сообщает агентство "Рейтер" со ссылкой на свой источник во французском МИДе. — Аннулирование контракта вынуждает

нас пересмотреть характер нашего сотрудничества с Польшей в области обороны и уточнить, что останется в силе, а что нет”.

Источник агентства “Блумберг” во французских дипломатических кругах также информирует, что пересмотрены будут все военные контракты с Польшей».

(Бартош Т. Велицкий, «Газета wyborcza», 8-9 окт.)

- «Министр национальной обороны сообщил о том, что небо над Польшей будет охранять ракетная система “Пэтриот”. Это значит, что к 2019 г. оборонный концерн “Raytheon” поставит в Польшу две ракетных батареи. Еще шесть основательно модернизированных батарей придут в Польшу после 2020 года. Решение польского оборонного ведомства дало старт началу переговоров (...) об условиях контракта стоимостью 40 млрд злотых». («Жечпосполита», 7 сент.)

- «Армия готова к переговорам о поставках 1600 ракет “Пёрун” (“Молния”) и 400 пусковых установок. Расходы, связанные с заказом ракет, составят 1 млрд злотых. (...) Правительство решило, что в связи с уникальными техническими характеристиками инновационных ракет “Пёрун” их экспорт пока что будет запрещен. (...) Информация о боевых возможностях ракет “Пёрун” останется тайной. (...) Судя по некоторым параметрам, нам удалось исключительно своими силами создать противовоздушное оружие, превосходящее легендарные американские ракеты “Стингер” и российский ракетный комплекс “Игла”», — считает Анджей Кичинский, главный редактор журнала “Армия и техника”. (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 3 окт.)

- «В середине 2019 г. пройдут совместные маневры и обучение немецких и польских вооруженных сил в Польше и за нашей западной границей. (...) Польский бронетанковый батальон из 34-й бригады в Свентошуве был оперативно подчинен немецкой 41-й гренадерской бронетанковой бригаде, а один из немецких батальонов, в свою очередь — польской бронетанковой бригаде». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 15 сент.)

- «Генерал Бен Ходжес, командующий американскими вооруженными силами в Европе, на пресс-конференции в Варшаве подтвердил, что Конгресс США уже утвердил финансирование американской военной миссии в Европе. (...) Дивизия, направляемая в Польшу, (...) будет насчитывать 450 боевых машин и 4 тыс. военных. (...) В Ожише до конца апреля появится подразделение из 800 американских военных, которые образуют так называемую «рамочную» бригаду НАТО. Она будет дислоцироваться на Сувалкском перешейке — 104-километровом отрезке польско-литовской границы, где россияне могли бы отрезать нас от стран Балтии. В марте в нашей стране также разместится военно-воздушный батальон,

оснащенный, в частности, вертолетами “Apache” и “Blackhawk”». (Анджей Белецкий, «Жечпосполита», 3 окт.)

• «В пятницу в университете Витаутаса Великого в Каунасе состоялась польско-литовская конференция, приуроченная к 25-летию установления дипломатических отношений между Польшей и Литвой. (...) Ян Парыс, глава политического кабинета министерства иностранных дел Польши, заявил, что польским военным бывает сложно объяснить, почему они должны защищать Литву. “Парадоксально, но ситуация с польским меньшинством в Белоруссии куда лучше, чем в Литве”, — заявил Парыс. (...) “Не понимаю, как можно утверждать, что ситуация с правами человека в авторитарной стране, называемой «последней диктатурой Европы», лучше, чем при устойчивой демократии, каковой без сомнения является нынешняя Литва. Такие заявления оскорбляют присутствующих здесь литовцев”, — парировал высокопоставленный представитель литовского МИДа Роландас Качинскас». (Анджей Почобут, «Газета выборча», 19 сент.)

• «64,6% литовских поляков заявляют, что им нравится и даже очень нравится президент Владимир Путин. Критически относятся к нему только 11% респондентов. Об этом говорят результаты опроса, проведенного компанией “Baltijos tyrimai/Gallup” среди представителей национальных меньшинств Литвы». (Анджей Почобут, «Газета выборча», 22 сент.)

• «В рейтингах общественного доверия, в которых лидируют скандинавские страны (...), мы занимаем одно из последних мест, опережая лишь Болгарию, Кипр и Словакию. (...) Наше проблемы, связанные с низким уровнем доверия, вызваны, в частности, тем, что мы не усвоили правил честной игры, в соответствии с которыми побеждать нужно не за счет других. Любая теория общественного доверия гласит, что степень этого доверия растет прямо пропорционально пониманию граждан, что у их интересов есть защитники. А это происходит, когда работа правовой системы и органов правосудия характеризуется стабильностью. (...) Ситуация вокруг Конституционного суда — это совершенно ненужный скандал, подрывающий доверие граждан к основам права, а усугубляет ситуацию чудовищный механизм законотворчества, который представляется весьма произвольным. Вместо того, чтобы опираться на демократические процедуры поиска компромисса, механизм этот сводится к диктатуре парламентского большинства. (...) Другим элементом, ослабляющим доверие, выступают подозрения граждан в проявлениях кумовства в сфере госуправления. (...) С точки зрения гражданина, важным условием ощущения

безопасности является уверенность в адекватности школьно-образовательной системы. Однако этот фактор нивелируется, когда в результате школьных реформ за парты садятся шестилетние дети, а гимназии ликвидируются», — проф. Петр Штомпка. («Жечпосполита», 10-11 сент.)

• «Мы не прививаем нашим гражданам ценностей определенной политико-правовой культуры, которую можно было бы назвать этикой гражданской ответственности. (...) Мне, как гражданину, хотелось бы, чтобы председателя Конституционного суда все не только знали, но и уважали. Своего рода лакмусовой бумажкой, подающей нашему обществу тревожный сигнал о слабости правосудия, я считаю реакцию масс-медиа на смерть судьи Станислава Домбровского, первого председателя Верховного суда, в 2014 году. Умер один из важнейших представителей третьей власти в Польше, а СМИ отреагировали на эту новость практически полным молчанием», — судья Барбара Пивник, бывший министр юстиции и генеральный прокурор. («Жечпосполита», 8-9 окт.)

• «История с Конституционным судом — это не пустяки. Это фундаментальный вопрос. Наши демократические общества держатся на независимости судей, и с этим нельзя шутить. (...) Мы не требуем, чтобы в каждой стране обязательно был свой Конституционный суд, но если уж он есть, то ему нужно обеспечить независимость. Это касается и других судов. (...) Настоящая идеологическая война происходит в этом мире не между христианством и исламом, капитализмом и социализмом, а между людьми, которые верят в открытое общество, и теми, кто настроен против него», — Франс Тиммерманс, первый заместитель председателя Европейской комиссии. («Газета wyborcza», 1-2 окт.)

• «Важнейший вопрос — приведение президентом к присяге трех судей, выбранных парламентом предыдущего созыва. (...) Хотелось бы подчеркнуть, что это абсолютно принципиальное условие сохранения независимости правосудия и его ключевой роли в предотвращении монополизации власти. (...) Уважение к суду — это основа демократии. (...) Чтобы американское общество и дальше одобряло нашу готовность защищать Польшу, она должна соответствовать образу страны, полностью поддерживающей фундаментальные демократические принципы. (...) Поговаривают о том, что Польша проиграна, что она идет по пути Турции и России. Мы знаем, что это неправда, и президент тоже знает об этом. Но мы также знаем, что в политике оценочные суждения становятся абсолютно реальным фактором, которому нужно противодействовать. (...) Конфликт в связи с назначением судей должен быть разрешен. (...) Появились опасения относительно свободы печати,

независимости прокуратуры, статуса неправительственных организаций... (...) Эти опасения носят принципиальный характер, и правительство должно как можно быстрее решить знаковую проблему Конституционного суда, чтобы их развеять», — Том Малиновский, заместитель госсекретаря США. («Жечпосполита», 21 сент.)

• «Необходимо корректировать некоторые решения, но нельзя постоянно переворачивать их с ног на голову. А мы поступаем именно так. Сейчас мы полностью перестраиваем пенсионную систему, разрушаем здравоохранение. (...) Реформируя систему социального и медицинского обеспечения, мы ходим по кругу и в итоге возвращаемся к ситуации более чем двадцатилетней давности. (...) На первый взгляд перед нами сильная, крепкая, решительная власть, которая знает, чего хочет и куда идет. В действительности же она все интенсивнее приводит в движение процессы, которых не в состоянии контролировать и как-то ими управлять. У нее есть определенные цели, однако средства, которые власть использует, не способствуют достижению этих целей. У меня складывается ощущение, что в большинстве случаев мы наблюдаем весьма активную, но при этом хаотичную деятельность. Кто управляет Польшей? Становится все более очевидным, что страной управляет хаос. А в этом случае экономическая деятельность осложняется таким уровнем нестабильности, что люди начинают больше беспокоиться о минимизации потерь, нежели об умножении выгоды. Именно поэтому предприниматели инвестируют свои деньги реже, чем раньше, хотя правительство и провозгласило своей ключевой задачей увеличение инвестиционных капиталовложений», — Ежи Хауснер, бывший вице-премьер и член Совета денежной политики. («Дзенник газета правна», 19 сент.)

• «История учит, что революция должна продолжаться несколько лет, чтобы в стране произошли действительно реальные и глубокие изменения. Мы руководим Польшей всего десять месяцев. Однако первые позитивные результаты нашей работы уже заметны. Я положительно оцениваю этот неполный год», — Ярослав Качинский. («Газета Польска цодзенне», 5 окт.)

• «Наше будущее находится в руках человека, который в своей жизни не путешествовал, не знает иностранных языков, не знает и не понимает, как устроен мир, и какие процессы в нем происходят», — Паулина Вильк. («Газета wyborcza», 10–11 сент.)

• «После 1989 года мы могли предъявлять к нашему государству разные претензии, но оно все-таки развивалось, вступило в ЕС и НАТО — и все это летит к черту из-за одного маньяка. Он — маньяк, поскольку продолжает настаивать, что его брат погиб в результате покушения. Он — маньяк, поскольку заботится только о своих интересах, а не об интересах Польши. Он —

маньяк, поскольку пытается построить авторитарное государство и стать его единоличным властителем. (...) Наш вождь хочет, как он сам говорит, навести порядок. (...) В любой стране можно обнаружить такую группировку, как Национально-радикальный лагерь, но только у нас он действует абсолютно безнаказанно. (...) Им позволено выкрикивать на улицах все, что угодно, избивать людей. Более того, разрешая такие вещи, правительство еще и создает себе из этих молодчиков боевые отряды, поэтому все это очень опасно. (...) Господин президент называет их “патриотами”. (...) Они фальсифицируют историю. Оскорбляют Валенсу. Прямо на улице Вейской, перед кафе “Чительник” появился плакат «“Гражданская платформа” — предатели Родины!». (...) Министр культуры Глинский, профессор, убирает из учреждений культуры тех, кто ему не нравится — а это как раз то, чего министр культуры не имеет права делать. (...) Нам создают полицейское государство. Зёбро предлагает давать пять лет тюрьмы за махинации с НДС. (...) И еще говорят, что в Польше демократия, раз можно собираться на улице, и никто не стреляет в демонстрантов. (...) Пока это всё игрушки. А что будет дальше? (...) То, что происходит сейчас в Польше — это безумие, не поддающееся пониманию. Как и в случае с Мандельштамом, непонимание выступает здесь признаком здоровья. Мир неисправим, как писал Монтень. Люди не равны, они отличаются друг от друга и интеллектом, и отношением к морали», — Юзеф Хен. («Газета выборча», 8-9 окт.)

• «Около 12 тыс. человек — значительно меньше, чем перед отпускным сезоном — приняли участие в варшавской демонстрации Комитета защиты демократии, прошедшей под лозунгом “Одна Польша — долой разобщение!”». (...)

Манифестацию в столице провели также профсоюзы сферы здравоохранения (десятки тысяч демонстрантов), по всей стране также прошли “черные протесты”, причиной которых стал обсуждаемый в Сейме законопроект о полном запрете аборт». («Тыгодник повсехный», 2 окт.)

• «Около 98 тыс. человек по всей стране приняли участие в 143 акциях так называемого “черного протеста”, сообщил главный комендант полиции Ярослав Шимчик. По данным организаторов, количество участников манифестаций могло достигать 150 тысяч. Полиция по всей стране зафиксировала только семь мелких инцидентов, связанных с нарушением порядка». («Газета выборча», 5 окт.)

• «Размах и массовость Всепольской забастовки женщин удивили не только правящую партию. Забастовка женщин, состоявшаяся в понедельник, была организована достаточно спонтанно. Протест охватил не только самые крупные города — на улицы вышли также жители небольших населенных

пунктов. (...) Забастовка женщин прошла в понедельник, в рабочий день. Не все, кто поддерживал эту идею, имели возможность участвовать в акции лично. (...) Интернет наводнили фотографии из офисов, школ и фирм, где целые коллективы пришли в этот день на работу во всем черном. (...) На время забастовки женщин во многих городах был закрыт целый ряд фирм и организаций, в частности, рестораны, культурные учреждения, пункты оказания услуг, включая автомойки». (Магдалена Островская, «Трибуна», 5-6 окт.)

- «“То, что мы отклонили общественный законопроект о либерализации аборт, было нашей ошибкой”, — признал вчера на заседании парламентской фракции Пис ее руководитель Рышард Терлецкий. (...) В воскресенье министр иностранных дел Витольд Ващиковский презрительно отозвался о готовящейся манифестации: “Пусть развлекаются, если считают, что в Польше нет более серьезных проблем”. (...) “Хочу сказать четко и ясно: правительство Пис не разрабатывало и не разрабатывает никакого законопроекта, связанного с изменениями закона о запрете в Польше абортов. Такой работы мы не ведем”, — заявила вчера премьер-министр Беата Шидло». (Агата Кондзинская, «Газета выбора», 5 окт.)
- «После “черного протеста”, приобретшего неожиданный размах, события стали развиваться с удивительной быстротой: слово взяли епископы, Пис отказался от заявленной ранее подготовки собственных законопроектов, а созванная после обеда в срочном порядке и без предварительного согласования парламентская Комиссия правосудия и прав человека неожиданно одобрила заявление об отклонении законопроекта “Стоп аборт”. Все это произошло непосредственно перед дебатами в Европейском парламенте о соблюдении прав женщин в Польше». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 6 окт.)
- «Жизнь каждого человека является абсолютной и неприкосновенной ценностью; епископы напоминают, что не поддерживают законопроектов, предусматривающих наказание женщин, совершивших аборт», — говорится в официальном сообщении Конференции Епископата Польши, обнародованном в среду 5 октября. (по материалам «Жечпосполитой» от 6 окт.)
- «Депутат Кристина Павлович из фракции Пис в ходе заседания парламентской Комиссии правосудия и прав человека, состоявшегося 5 октября, объявила: “Своим сегодняшним заявлением Епископат уполномочил нас отклонить законопроект”». (Петр Гадзиновский, «Трибуна», 7-9 окт.)
- Вчера депутаты большинством голосов отклонили

общественный проект закона о полном запрете абортaв. «За отклонение общественного законопроекта “Стоп абортaм”, подготовленного институтом “Ordo Iuris” проголосовали 352 депутата, против — 58, из них более половины принадлежали к фракции Пис. (...) “Мне непонятно поведение коллег из Пис. Вы всегда твердили об охране жизни, а теперь отказываетесь от своих слов. Вы лжете”, — заявила Геновефа Токарская, депутат от крестьянской партии ПСЛ. (...) Иоанна Банасюк с парламентской трибуны убеждала депутатов, что вокруг законопроекта появилось множество мифов: “Вы полностью исказили мою позицию, о которой я заявила две недели назад”». (Якуб Оворушко, «Польска», 7–9 окт.)

• «46 членов фракции Пис не послушались своего лидера во время голосования по законопроекту о полном запрете абортaв». «Ярослав Качинский лично убеждал депутатов Пис, почему сейчас они должны отклонить общественный законопроект о полном запрете абортaв. (...) Убедить удалось не всех. 32 депутата Пис проголосовали не так, как он хотел, 9 воздержались, а пятеро вынули свои карты для голосования, хотя и оставались в зале заседаний». (Агата Кондзинкая, «Газета выборча», 8–9 окт.)

• «На сайте “Гостя недзельного”, самого популярного еженедельника в Польше, размещены целых четыре материала относительно дебатов об абортaх и Пис. “Такого парада лжи, цинизма и презрения к собственным избирателям, который устроили политики Пис, давно уже не было в польском парламенте”, — так начинает свою статью “Верх лицемерия” Анджей Граевский. (...) “Маски сброшены”, — заявляет публицист Войцех Тейстер. По его мнению, Пис охраняет жизни зачатых детей только на словах и “несет ответственность за убийства польских детей в результате абортaв в той же степени, что и ранее «Гражданская платформа»”. (...) Не слишком выбирает выражения портал “Polonia Christiana”: “Депутаты от Пис, неизменно ссылающиеся на наставления католической Церкви, (...) явно испугались манифестаций вульгарных абортационисток и европейских леваков. Правящая партия обманула своих избирателей и предала обреченных на смерть детей”». (Себастьян Кляузинский, «Газета выборча», 8–9 окт.)

• «“Люди почувствовали в себе силу и полны решимости. Я не исключаю даже всепольской забастовки учителей”, — заявляет Славомир Броваж, председатель Союза польских педагогов (СПП). В организованных вчера СПП пикетах против запланированной правительством реформы образования, предусматривающей введение (читай: возвращение — В.К.) восьмилетней начальной школы, ликвидацию гимназий и увеличение срока обучения в лицеях и техникумах на год,

участвовало по всей стране более 25 тыс. человек», — Ольга Шпунар. «На фотографиях, сделанных во время манифестации, видны транспаранты с такими, например, надписями: “Нет школе времен ПНР”, “Не хочу возвращения в ПНР”». («Газета wyborcza», 11 окт.)

• «Некоторые действия людей из ПиС абсолютно неприемлемы. Если “Гражданская платформа” растаптывала и предавала определенные этические ценности, то теперь у меня складывается впечатление, что люди из ПиС растаптывают человеческое достоинство и вообще не собираются считаться с мыслями, чувствами, желаниями и потребностями человека, и в первую очередь не собираются считаться с его правами. Для нас, представителей Церкви, это сигнал, призывающий быть рассудительными, не дать себя обольстить, не сотворить кумира из какой-либо политической ориентации, программы, а уж тем более политической партии», — о. Анджей Чая, епископ Опольский. («Газета wyborcza», 21 сент.)

• Под-держ-ка пар-тий: «Право и справедливость» — 29%, «Современная» — 25%, «Граж-дан-ская платфор-ма» — 13%, Кукиз'15 — 10%, Коалиция левых сил — 5%, «Вместе» — 5%, крестьянская партия ПСЛ — 3%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики – вольность и надежда») — 3%. О своем намерении участвовать в выборах заявили 57% респондентов. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 29 сентября. («Жечпосполита», 31 авг.)

• «Режим личной власти лидера партии, которая располагает большинством в парламенте и лояльным президентом, стал реальностью», — проф. Антоний Дудек. («Газета wyborcza», 10 окт.)

• «Президент Дуда и премьер-министр Шидло (...) по-прежнему возглавляют рейтинг доверия ЦИОМа. (...) Президенту доверяют 59% опрошенных, не доверяют — 29%. Беате Шидло доверяет половина респондентов, 34% участников опроса, напротив, не питают к ней доверия. Третье место занимает Павел Кукиз: ему доверяют 47% опрошенных, не доверяют — 24%». («Газета wyborcza», 24-25 сент.)

• «С глубокой скорбью я прощаюсь с Анджеем Вайдой, величайшим художником в истории польского кино, одним из создателей польской киношколы, режиссером, который в своих картинах представил исторический опыт нашего народа и по-новому прочитал канон польской литературы, придав судьбам поляков новый смысл и универсальное значение, лауреатом престижнейших кинематографических наград мира (...) и многочисленных международных кинофестивалей (...), кавалером ордена Белого Орла, ордена Возрождения Польши, французского ордена Почетного Легиона и многих других наград. Президент Республики Польша Анджей Дуда».

(«Жечпосполита», 11 октября)

- На похоронах Шимона Переса «будет присутствовать Анджей Дуда, президент страны, из которой — с учетом тогдашних границ — происходил Шимон Перес. Будущий президент Израиля, получивший при рождении имя Шимон Перский, появился на свет в 1923 году в Вишневе, в Новогрудском воеводстве (ныне — территория Белоруссии). (...) Польша, заявил Дуда, — это родина большинства еврейских партий, ставших впоследствии израильскими. 61 из 120 депутатов Кнессета первого созыва происходил из нашей страны. Шимон Перес — последний из великих израильских политиков, родившихся на территории Польши. Его место в истории по праву находится рядом с такими польскими израильцами, как Давид Бен-Гурион и Менахим Бегин». (Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 29 сент.)

- В понедельник Анджей Дуда выступил на саммите ООН по проблеме беженцев и иммигрантов. «“Масштабы миграции огромны, в Польше находится около миллиона экономических мигрантов, в свою очередь, из Польши уехало на Запад около двух миллионов поляков”, — заявил президент Польши». («Газета wyborcza», 20 сент.)

- Решением Совета Европейского союза «с 6 октября в Варшаве начинает свою работу Европейское агентство пограничной и береговой охраны. Его сотрудники могут быть направлены на проблемный участок границы Шенгенской зоны даже без согласия страны, на территории которой этот участок расположен». («Жечпосполита», 20 сент.)

- «Кардинал Казимеж Ныч в ходе экуменической молитвы 1 октября сказал, что “помощь беженцам — это великое испытание и проверка нашей веры” и призвал “не усыплять свою совесть, заявляя, что это не беженцы, а всего лишь мигранты”. “Не станем ретушировать Евангелие, склоним свои головы в память о тех, кто шел в Европу и не попал в нее”, — добавил Ныч. (...) Глава Конференции Епископата Польши архиепископ Станислав Гондецкий заявил: “Евангелие призывает каждого из нас, в особенности сегодня, когда многие беженцы переживают трагедию войны и угрозы своей жизни, прийти к ним на помощь, проявить христианское гостеприимство”». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 7 окт.)

- «Суд Воломина приговорил Яся Капелю, поэта и публициста, к штрафу в размере 500 злотых (...) за “оскорбление польского народа”. (...) Поэт переработал государственный гимн, изменив в нем четыре строки и припев: “Марш, марш, беженцы, / в Польшу прорвитесь пешими, / с народом и страной / жить одной судьбой”». («Газета wyborcza», 11 окт.)

- Должна ли Польша впускать больше трудовых мигрантов?

“Нет”, — ответили 79,1% респондентов, “да”, — считают 11%, “трудно сказать, не знаю”, — 9,9%. В ответ на вопрос, из каких стран Польша должна принять трудовых мигрантов, 87,5% опрошенных назвали Украину, 62% — Белоруссию, 33,3% — Россию, 21,5% — Вьетнам, 16,8% — Китай, 13,8% — Сирию, 8,8% — Афганистан, 1,8% — Ирак. Опрос исследовательского института “Danae”. («Жечпосполита», 12 сент.)

• «В текущем году увеличилось количество инцидентов, связанных с избиениями. Так, побои были нанесены группам украинцев в Кутно, Познани (четыре случая), Белостоке и Андрухове. (...) Нарастающая волна вербальной и даже физической агрессии в отношении “чужих” является следствием реализуемой со все большим размахом политики в области истории. Согласно ее ключевым постулатам, только мы, поляки, были и остаемся жертвами агрессии и происков наших злобных соседей, зато наша многовековая экспансия на восточные территории несла соседним народам одно лишь благоденствие в виде польской культуры и римско-католической веры», — Эугениуш Чиквин, главный редактор. («Пшеглэнд православный», октябрь)

• «“Я живу здесь с 90-х годов, но впервые вижу такой рост агрессии”, — говорит Ярослав, украинец из Пшемысля. “Сын постоянно приходит домой с рассказами о том, как гнались за его знакомой, избивали одного приятеля и обзывали другого. Только за то, что они украинцы. (...) “Реконструкция Волынской резни только подогрела эмоции, — говорит Романа Золотнюк. — Зверя выпустили из клетки. Ожила память о сгоревших деревнях. (...) Вернулся страх. (...) Я все чаще ловлю себя на том, что мне страшно говорить на улице по-украински. (...) Я перестала беседовать с поляками о польско-украинских отношениях. (...) Зато во весь голос заговорили поляки — стойкие и храбрые. Поляки, которым нужен враг. (...) “Сначала была церковная служба, потом (...) мы отправились на кладбище, чтобы возложить цветы на могилы украинских солдат, — рассказывает 28-летний Петр Куцаб. (...) Их ярость вызвала рубашка отца. Это была черная вышиванка с красным шитьем. Обычная украинская национальная одежда. (...) Я поспешил отцу на помощь. Я говорил им: «Это мой папа, оставьте его в покое». Кто-то пнул меня ногой в спину. (...) Они сорвали с отца рубашку, а потом и повязку с цветами украинского национального флага. (...) Обрывки рубашки валялись на улице. Отец был сам не свой, расстроенный, полуголый”. (...) “Глаза тех, кто напал на нас во время процессии, были налиты кровью, — вспоминает украинец из Пшемысля. — (...) Глаза полицейских долгое время смотрели в другую сторону. Мои глаза были мокрыми от бессилия”. И добавляет: “С того момента я постоянно задаю себе вопрос:

неужели мы снова идем к катастрофе, после которой останется жгучее чувство стыда, а следующие поколения будут возлагать друг на друга вину за нее?»». (Конрад Ожендек, «Газета выборча», 29 сент.)

• «Главной причиной геноцида на польских окраинах стало увлечение людей идеями крайнего национализма. (...) Фильм «Волынь» не направлен против украинцев. Этот фильм показывает, к чему может привести крайний национализм. А это уже чертовски актуально. (...) Действие фильма «Волынь» заканчивается в 1943 году. Это авторский фильм, своего рода эпос. (...) История, к сожалению, изобилует примерами того, на что способен человек, вооружившийся соответствующей идеологией и дающий согласие — пусть даже и молчаливое — на совершение преступлений. (...) Я надеюсь, что хотя бы часть украинцев посчитает этот фильм правдивым», — Войцех Смажовский, режиссер фильма «Волынь». («Политика», 21-27 сент.)

• «13 августа о. Яцек Мендляр написал у себя в Фейсбуке: «Заклятые враги католической Церкви, заклые враги всего мира — это еврейский империализм и масоны. Как правило, они действуют сообща, более того, высокопоставленные масоны чаще всего являются евреями. И те, и другие — враги Христа. Они ненавидят его так же сильно, как ненавидят христиан». 16 августа репортер Войцех Тохман призвал администрацию Фейсбука удалить скандальный пост, вызвавший широкий резонанс. В ответ он услышал, что запись не нарушает правил сетевого сообщества». (Магдалена Кичинская, «Тыгодник повшехный», 25 сент.)

• Белостокская прокуратура закрыла дело о возбуждении ненависти о. Яцеком Мендлярком во время проповеди в Белостоке, где священник служил мессу, посвященную годовщине Национально-радикального лагеря. «Прокурор Марек Чешкевич, возглавляющий Окружную прокуратуру в Белостоке, в качестве обоснования такого решения указал, что священник ссыался на исторические и библейские источники, а также приводил примеры преступлений евреев во время египетского рабства. (...) Национальная прокуратура не собирается предпринимать никаких служебных действий относительно решения Белостокской прокуратуры». (Михал Вильгоцкий, «Газета выборча», 29 сент.)

• «Сегодня антисемитизм стал популярной общественной позицией. И меня это приводит в ужас. К примеру, когда люди сжигают чучела евреев. (...) Нынче принято делить поляков на хороших и плохих. Хорошими считаются те, кто слушает о. Рыдзыка либо ходят на марши Национально-радикального лагеря», — Рышард Бугайский, режиссер. («Польска», 23-25 сент.)

- «Суд стал на сторону учительницы, которую притесняли за то, что она сняла крест, висевший в учительской». «Трудовой суд в Ополе (...) пришел к выводу, что директор школы (...) нарушила ст. 18 Трудового кодекса, в которой говорится о равенстве работников в их отношениях с администрацией. (...) “В своем решении судья ссылаясь на показания моих коллег, — рассказывает притесняемая учительница, — которые даже в суде утверждали, что у меньшинства нет никаких прав, и оно обязано подчиняться большинству». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 20 июня)
- Высказывания Болены Решки, директора начальной школы в поселке Гершвальд под Олыштыном: «Только католик может быть настоящим поляком», «Это польская школа, и флаг Евросоюза мне не нужен», «Мы, католики, не будем подчиняться меньшинству», «Задача учителя — поддерживать авторитет священника», «Где же еще мы узнаем правду, как не в храме». (по материалам «Газеты wyborczej» от 29 сент.)
- «По данным полиции, в 2015 году в среднем каждые 7,5 часов в Польше совершалось преступление по этническим, религиозным или расовым мотивам. Это на 40% чаще, чем в 2014 году. (...) В Пшемисле чернокожий мальчик, игравший с другими детьми, подвергся оскорблениям со стороны белого мужчины, который вышвырнул ребенка с игровой площадки. Почти все инциденты подобного рода происходят прямо на улицах наших городов. (...) Свидетели таких нападений, как правило, не реагируют. (...) Все начиналось с “патриотических” маршей в дни национальных праздников. (...) Сегодня манифестации откровенно профашистских организаций уже никого не удивляют», — Ян Менцвель. («Газета wyborcza», 10 окт.)
- «Националистическая идеология возвращается. Растет страх перед беженцами и террористами. Масс-медиа буквально сочатся кровью. Сцены жестокости становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. В таких условиях школа обязана противодействовать этим тенденциям, воспитывая людей в духе эмпатии, толерантности и партнерства, интеграции и взаимодействия с другими культурами. Однако обещанные «перемены к лучшему» в системе польского образования ведут к диаметрально противоположному результату. Мы начинаем пропагандировать в школах наше национальное превосходство, пугать учеников врагами Польши, идеализировать гибель за родину», — Кристина Старчевская. («Ньюсуик Польска», 26 сент. — 2 окт.)
- «Как же легко перейти эти границы, создав целую систему, в основе которой лежит зло — стоит только некоей политической силе прийти к власти и поддаться этому искушению. Для этого не нужна армия подонков. Достаточно

взять на работу в органы безопасности несколько необразованных молодых людей, дать им немного власти, создать хорошие условия для жизни и подождать полгода. Вы получите преданных функционеров, которые пойдут за вами в огонь и воду. И внушить им можно будет все, что угодно», — Петр Липинский. («Газета выборча», 29 сент.)

Польша как убежище

Польша конца сороковых — начала пятидесятых не выглядит «землей обетованной». Однако для тысяч греков и македонцев, бежавших от последствий гражданской войны у себя на родине, она предстанет безопасным и изобильным местом.

***

После окончания Второй мировой войны, в 1946 году, на волне террора и репрессий против бывших членов левого партизанского движения в Греции вспыхнула гражданская война между правыми сторонниками монархии — которых поддерживали правительства Великобритании и США — и коммунистической Демократической армией Греции. В результате после поражения греческих коммунистов в 1949 году тысячи партизан, а также гражданские лица из контролируемой ими северной части Греции были вынуждены покинуть страну. Они нашли убежище в странах тогдашнего восточного блока: Албании, Югославии, Чехословакии, Румынии, ГДР, СССР, Венгрии и Польше.

Эта группа не была однородной. Среди взрослых беженцев, мужчин и женщин, находились дети — эвакуированные еще в ходе гражданской войны в 1948 году. Крупные сообщества составляли греки и македонцы — автохтонная славянская народность, населяющая северную Грецию (Эгейскую Македонию), была среди них и небольшая группа валахов — представителей субэтнуса романского происхождения.

СПИРО ГАГАЧОВСКИЙ

Родился в 1941 году в македонской семье в деревне Буф в северо-восточной Греции. Его отец был шорником, а семья занималась сельским хозяйством. В детстве он работал на выпасе коров и овец. У него было трое братьев и три сестры.

Высокая часть северо-западных гор вокруг деревни Буф кишела партизанами. На лесистых горах Кострец, Чука, Горнико партизаны построили укрепления. Правительственные войска заняли юго-восточные горы, прикрывая лежащий у их подножия город Лерин (Флорина). Они установили батареи своих орудий на вершинах гор Бигла (Вигла), Калапо и Пешкинка. Деревня оказалась на линии боевых действий. Под покровом ночи партизаны стали устраивать вылазки в деревню за продуктами, одеждой и т.п. Их выдавали собаки громким лаем, отголоски которого доходили до плацдарма греческих правительственных войск на взгорье Калапо. При

лунном свете они, как на ладони, видели всё, что происходило в деревне. Наутро в качестве наказания они обстреливали деревню из пушек либо врывались в нее, вытаскивая жителей из домов, запугивая их и избивая прикладами винтовок. [...] Деревня [...] пыталась как-то жить. Люди, обуреваемые мыслями о том, чего ждать дальше, вспахали и засеяли поля, расположенные в непосредственной близости. Пастухи сильно ограничили территорию выпаса. Владельцы разных заведений стали закрывать свои магазины, кофейни, мастерские... В церкви прекратились службы, но она была открыта целый день. Люди все чаще задумывались, не покинуть ли деревню. [...] В Буфе принудительный набор в партизаны начался в мае 1947 года. Время от времени в отряды призывали десяток-полтора человек. В июне призвали мужа сестры. Он попрощался с женой и трехмесячным сыном, не предполагая, что уже никогда не увидит его. Партизанским эмиссарам не помешала даже язвенная болезнь дядюшки Симе — в июле и ему пришлось попрощаться с женой, дочерью и годовалым сынишкой. Его забрали.

Греки в отместку [...] все чаще обстреливали деревню. Появились первые жертвы среди гражданского населения. Жатва и осенние полевые работы, нередко под градом снарядов, легли на плечи женщин, стариков и детей. Всю деревню охватил страх. Люди начали строить укрытия. Наше, сооруженное во дворе, под яблоней, было небольшим. В нем с трудом помещалось около 10 человек. Сверху его накрыли бревнами, а на них грудой навалили куски гранита. Если потесниться, мы все могли укрыться в нем.

Семьи посмелее приняли решение покинуть деревню и отправиться в Республику Македония, входившую в состав Югославии. Ночью старики и женщины с детьми брали с собой самое необходимое и направлялись по горной дороге в сторону взгорья Кофчек, контролируемого партизанами — и дальше, огибая с запада обезлюдившую и сожженную деревню Раково, пересекали границу на перевале, который вел к Кишовской равнине и деревне Велушина. [...]

В больших городах партизаны начали совершать все более смелые вылазки из своих укрытий и тревожить монархистские силы. Они нападали на военные и полицейские посты, силой захватывали то, что было им необходимо, уводили нужных им людей, особенно врачей и фельдшеров. Войска с удвоенной силой отвечали атаками на незащищенные деревни.

Расстреливали каждого, кто сочувствовал партизанам. Жизнь превратилась в кошмар. Люди спасались бегством. Тогда произошли первые организованные отправки детей с территорий, охваченных боевыми действиями, в Албанию и Югославию, а оттуда большинство из них отправляли в страны

народной демократии.

[...]

В горах Граммос продолжались бои, а я, как повелось с некоторых пор, пас скот в местах, считавшихся безопасными [...]. Поблизости, вдоль дороги, находились каменные ограждения высотой около метра. В какой-то момент метрах в ста от меня разорвался снаряд. Напуганная скотина преодолела ограждение с левой стороны и побежала через луга вниз, к реке. Я едва успел рефлекторно прикрыть руками голову и присесть под ограждением, как в нескольких метрах от меня разорвался второй снаряд. Меня осыпало поднятой взрывом землей. Я онемел и ненадолго лишился слуха. Испуганный, сидел так добрых несколько секунд. Несмотря на невыносимую боль и шум в ушах, я слышал приглушенные, все более слабые отголоски падавших на деревню снарядов. В воздухе разносился запах пороха. Я поднялся. Взглянул на воронку поодаль, где упал снаряд. Меня охватил еще больший страх. Одурманенный, как будто получив обухом по голове, в рыданиях, я бегом вернулся домой. Выстрелы стихли. Когда я дошел до дому, сбежались все. Мать обняла меня, говорила что-то. До меня ничего не доходило. [...]

Десять дней спустя, в начале августа 1947 года, в деревню явилась группа партизан. Они пришли насильно вербовать шестнадцатилетних парней и восемнадцатилетних девушек. [...] Сестра, испугавшись, спряталась в сено над овчарней, как можно дальше от входа. Через некоторое время в дверь постучали. Вошли трое партизан: македонец и два грека. Изложили свое дело. Мать с дедом ответили, что детей нет. Те начали кричать, трясти их, наконец бить. Потом обыскали весь дом и спустились вниз. Тетка и вторая сестра забрали нас в спальню. В страхе мы стояли у окна, устремив взгляды на двор и овчарню, которую обыскивали партизаны. Потом один из них залез по лестнице и встал у входа над овчарней. Заорав, он несколько раз ткнул штыком в грудь сена. Он спустился, и все вернулись к террасе, где стояли дед с матерью. Снова раздались крики.

В какой-то момент мы увидели, как мать вывели на середину двора. Они поставили ее в нескольких метрах перед собой, под яблоней, намереваясь расстрелять. Мы подняли ужасный крик вперемешку с плачем. Появился еще один партизан. Он что-то сказал тем двум, самым агрессивным. Они еще немного поорали какие-то угрозы, но в конце концов все-таки ушли. Мать, ошеломленная, по-прежнему стояла под яблоней. Подошел дед, взял ее под руку и увел. Они сели на ступеньки. Оба плакали, как и все мы. Наутро сестра украдкой подалась в Лерин, а под вечер мать расхворалась. Две недели спустя, 15 августа, она умерла. [...]

Жители Буфа массово покидали деревню. С начала военных столкновений и до середины октября оттуда ушло больше половины жителей. [...]

Через какое-то время, под вечер, мы слышали рокот и заметили в небе два самолета. Мы все были дома. Мы побежали в укрытие. Деревню начали бомбить. Каждый миг до нас доносились отзвуки взрывов бомб, а потом тревожные крики людей и громкий вой животных. Не прошло и получаса, как самолеты улетели. Мы выползали из укрытия. Напротив нашего дома мы увидели зарево пожара. Пылала овчарня и сарай наших родственников, дедушки Йована Гагачова. Крики и плач людей смешались с тревожным блеянием овец, воем коров и других животных, сгоравших живьем. Мы стояли, остолбеневшие и беспомощные. Никто не сумел помочь гибнущим существам. Через полчаса остались лишь пепелища и скелеты сгоревших животных, над которыми поднимался неописуемый смрад и дым. Ни одно животное не спаслось. Это была самая трагичная по своим последствиям атака на деревню. Сгорело более десяти дворов. Погибло 38 человек и в несколько раз больше животных. Раненых людей и животных никто не считал.

На следующее утро дед решил: «Мы покидаем деревню!». Но куда? В Битолу^[1]? Нет, ведь граница закрыта. В Лерин? Тоже нет, так как члены нашей семьи в партизанах. Это было бы слишком опасно для деда, тетки и сестры. Итак, оставался только запад, территории, контролируемые партизанами. С самого утра дед принялся рыть яму во дворе, прямо возле угла дома. Мы спрятали в ней мешки с самыми ценными вещами и засыпали яму. Менее ценное мы сложили в укрытие, вход в которое тоже засыпали. Под вечер дед с братом Доном оседлали осла, прикрепили у него с боков две большие плетеные корзины, уложили спереди и сзади от седла два больших шерстяных покрывала, а на седло мешок с продуктами и необходимыми вещами. В одну корзину посадили малышей: двухлетнего Гоче и трехлетнего Цане, а во вторую самого младшего брата Эндрия, который болел полиомиелитом и с трудом ходил. Ворота мы оставили открытыми, чтобы животные могли утром выйти. Я попрощался с собакой, погладив ее за ушами. Она чужая, что мы ее оставляем. [...]

После захода солнца мы двинулись на запад, в горы, к перевалу на вершине Пенеригата (2025 метров над уровнем моря). Вместе с нами шло еще несколько семей. Ночь была безоблачной. Светила луна. Мы опасались, что нас заметят и атакуют с воздуха, поэтому спешили. Перед рассветом мы достигли перевала. Сразу после него мы остановились, чтобы отдохнуть и немного вздремнуть. Мы чувствовали себя в относительной безопасности. Солнце было уже довольно

высоко, когда мы снова отправились в путь, вниз по склону горы, а потом вдоль реки к деревне Герман (Агиос Германос в Северной Греции). По пути мы останавливались еще несколько раз. Опухшие ноги давали о себе знать. К вечеру мы уже были у цели, в Германе.

[...]

В начале мая 1948 года в Германе приступили к организации очередной операции по спасению детей в возрасте 2-14 лет с территорий, охваченных гражданской войной. Велась широкая агитация среди опекунов, целью которой была эвакуация детей в страны народной демократии. Буфская община довольно скептически относилась к этой операции. Агитаторы посетили и нас. Долго разговаривали с дедом, теткой и сестрой. Через несколько дней партизаны организовали пропагандистский праздник для местного населения, а прежде всего, для беженцев, которые, как и большинство, уже вдоволь хлебнули этой войны. Более десятка семей из Буфа, в том числе и нас, привезли на машинах. Там было несколько десятков молодых партизан и партизанок, а также несколько сот женщин, стариков и детей. Партизанский оркестр играл народную танцевальную музыку. Партизаны танцевали, а в перерывах пели патриотические песни. [...]

В середине июня приехали два закрытых брезентом грузовика. Они остановились на площади перед церковью. По деревне быстро разлетелась весть об эвакуации буфских детей. Каждую семью, дети из которой значились в эвакуационном списке, по очереди посещал агитатор с двумя партизанами, которые должны были сопровождать нас до Албании. Они успокаивали сомневающиеся семьи, рисуя перед ними и старшими детьми чудесные картины. К вечеру первые семьи стояли на площади рядом с автомобилями. Явилась в полном составе и наша. Среди собравшихся царило серьезное и подавленное настроение. Никто не радовался. Дед, сестра и тетка держали нас при себе. Кажется, у них были сомнения, правильно ли они поступают. Они размышляли, не отказаться ли от принятого решения. К деду подошел один из партизан. Они долго беседовали, точнее, он говорил, а дед слушал. Агитатор встал между машинами и начал вызывать нас по списку, в котором были имена 32 детей и двух опекунов. [...]

Переключка закончилась. Грусть перешла в плач. Наши тоже плакали. Я смотрел на дедушку. По его щекам текли слезы, исчезая под усами. Было удивительно, откуда у этих людей, после стольких страданий, еще находились силы, чтобы плакать. Дед все смотрел на нас, предчувствуя, что больше нас не увидит. Зарычали автомобильные моторы. Борта закрыли, и машины поехали. Мы смотрели на удалявшиеся фигуры людей. Плач становился все тише, пока, наконец, не умолк. [...]

И вот грузовики, в которых ехали в неизвестность дети из Буфа, остановились неподалеку от городка Приенес в Албании. Сопровождающие в партизанской форме откинули брезент, опустили задние борта и объявили: «Приехали, вылезайте». На детей, лежавших в кузовах автомобилей, упали первые утренние лучи солнца. Мы поднялись. Распрямили затекшие конечности. Стоя в машинах, мы смотрели по сторонам. Перед нами, на совершенно пустом месте, у подножия голого горного массива, стоял десяток больших деревянных бараков без полов, окон и дверей. Эти бараки во время итальянско-албанской войны 1939 года служили располагавшимся в Приенесе итальянцам в качестве конюшен и складов. Наступила тишина. Ее ненадолго прервали произнесенные почти шепотом слова моего пятилетнего брата, обращенные к его сверстнице Поце: «Поца, вставай, свобода пришла». [...]

Мы молча стояли у грузовиков и смотрели на просыпавшуюся среди бараков жизнь, напоминавшую лагерь кочевников. Мы ждали сопровождающего, который направился в ту сторону. Подошла небольшая группа здешних женщин и детей и встала в нескольких метрах от нас, внимательно к нам приглядываясь. Наконец сопровождающий вернулся в обществе прихрамывавшего мужчины в партизанской одежде. Тот был греком. Сказал нам несколько патетических слов, которые переводил сопровождающий, и мы пошли к первому барaku с краю. Нам велели войти внутрь, в большое помещение, где вдоль стен был в форме подковы сколочен из сырых досок деревянный помост шириной около двух метров. Нам объявили, что все мы будем жить здесь. [...]

В полдень нас позвали к одному из бараков, где на костре, в большом котле, готовили пищу. Младшие дети получили половинную, а старшие целую пайку хлеба и, соответственно, половину либо целый половник теплого блюда в «манерке». Обычно это был баклажанный суп без соли и без вкуса (отвратительный!), фасолевый или картофельный суп, сваренный на сале или мясе из консервов. Иногда по вечерам или по утрам нам доставалась дополнительная порция хлеба с мармеладом либо овечьим сыром. [...]

Лето было в разгаре, стоял жаркий август. Однажды утром по дороге проехала огромная колонна пустых, не покрытых тентами, серых грузовиков. Они направлялись к греческой границе. Под вечер колонна возвращалась. Машины были переполнены партизанами. Они ехали, не останавливаясь, в направлении Приенеса и Эльбасана. [...] На эти несколько дней в лагере воцарилось настроение подавленности. Мы даже не заметили, что нам еще сильнее уменьшили рацион питания. [...]

Спустя несколько дней, однажды утром, к нам неожиданно

нагрянул отец. Мы не виделись больше года, с момента его мобилизации на службу к партизанам. Радость была огромной. Возможно, за десять дней до этого я, на самом деле, видел его в колонне автомашин с партизанами. Отцовский отряд после проигранного партизанами сражения отступил в Албанию. Там, после нескольких дней пребывания под Корчей и неудачного контрнаступления, их перевезли поближе к партизанскому учебному лагерю под Приенесом. Во временном лагере, без крыши над головой, собралось, по слухам, 2–3 тысячи партизан. Там их разоружили. Он узнавал о нас у командования. В конце концов ему сообщили, что мы находимся в гражданском лагере по Приенесом. [...]

В начале октября отец попрощался с нами. Снова комок в горле и горькие слезы. Его забрали. Он не знал, куда едет. [...]

Был разгар осени 1948 года. Начались дожди. Барак протекал со всех сторон, особенно с крыши. Ночи становились все длиннее и холоднее, а дни — все более серыми и короткими. В конце октября нам, наконец, сообщили: «Уезжаем!». Но куда?

Победители в войне не собирались требовать нас назад и так и не сделали этого, а те, что нас забрали, не намеревались нас отдавать. Но отъезд так отъезд, тем более что он давал новую надежду. Мы быстро уложили свои скромные пожитки. [...]

Мы отправились в путь по бездорожью Албании. Перед заходом солнца машины остановились и на них откинули брезент. Мы сидели в грузовиках еще с полчаса. Стало холодно. Кто-то заметил: «Эй, там вода!». Вскоре машины двинулись в ту сторону. Чем ближе мы подъезжали, тем больше воды было видно. Мы оказались в каком-то морском порту. Подъехали к огромному судну. [...]

После недельного путешествия в погоне за солнечным закатом судно остановилось. Прежде чем это произошло, нам велели спрятаться. По лестницам, с палубы на палубу, мы шли за двумя мужчинами вниз. Спустились в машинное отделение и уселись в указанном месте, на полу у стены. Мы ждали примерно час, пока в машинном отделении вновь не раздался гул, и судно медленно тронулось. Оно шло потихоньку около часа, после чего опять остановилось. Вскоре оно снова двинулось, но уже полным ходом. Через четверть часа после этого мы вернулись на палубу. Нам вновь пришлось расстилать наши убранные постели. [...]

Спустя годы мы узнали, что поочередно проходили заминированный, контролируемый англичанами Гибралтарский пролив, по которому могли пройти только под их надзором, и канал Ла-Манш. Было похоже, что нас — детей исхода — нелегально провозили «контрабандой». После двухнедельного путешествия, ближе к полудню, мы приближались к суше. Издали виднелись очертания большого

города. Это была Гдыня. Это была Польша. Никто из нас никогда не слышал ни об этом городе, ни об этой стране.

Спиро Гагачовский вначале попал в санаторий для греческих и македонских детей в Душники-Здруе, затем в государственные воспитательные центры и школы в Згожельце, Шклярской-Порембе, Плаковице, Полице и Щецине. Окончив Щецинский политехнический институт, он работал на месторождениях меди в Нижней Силезии. На пенсии написал воспоминания «Прощание с родиной» (Любин 2009), из которых взят публикуемый фрагмент. Живет в Любине.

ФАНИС БИСТУЛАС

Родился в 1930 году в деревне Мазараки в Эпире, в северо-западной Греции. Присоединился к партизанам в 1948 году, принимал участие в крупнейших столкновениях с правительственными силами за горный массив Граммос. С ранением в живот попал в госпиталь для греческих партизан в албанском городе Гирокастра.

Это было 12 июля 1949 года. Вечером нас накормили обильным, как никогда, ужином. Потом, когда было уже темно, к бараку подъехали военные грузовики, крытые брезентом. Раненые начали выходить из барачных корпусов и собираться на площади. Кто-то называл номера, люди садились, и машины уезжали. Пришла моя очередь. Я залез в машину, тент в ней был опущен и хорошо зашнурован. Как долго мы ехали, я не помню. [...]

Когда я вылез из машины на площадке у порта [Дуррес в Албании], то впервые в жизни увидел море вблизи. На рейде стояло огромное судно [«Костюшко»]. Мы по очереди забирались в ящик или корзину, а кран поднимал нас на верхнюю палубу. Оттуда нас забирали люди в белых халатах и вели по крутым лестницам вниз, на первую и вторую палубы. Меня положили на первой — здесь помещалось более 350 кроватей, на каждой лежало по два одеяла. Это были раскладушки, прикрепленные к палубе. [...] Размещение всех раненых (около 750 человек) продолжалось всю ночь. Под утро судно начало отходить от берега. Я узнал, что мы плывем по направлению к Африке. И всё, больше никто не хотел ничего говорить. [...]

Один из греков, знавший русский язык, наконец узнал, куда мы плывем. Он разговаривал с моряками, а потом переводил всем нам. Оказалось, что в Польшу. Не знаю, скольким из нас было известно, где эта страна. Мы только узнали, что это большое и богатое государство, не в пример бедной Албании, что в Польше много хлеба. [...]

Так как мы постоянно плыли на север, то становилось все

холоднее, и наше руководство потребовало вернуть одежду, которую у нас забрали. Это была большая груда одежды, а людей несколько сотен. Конечно, никто не мог найти своих вещей, так что брали что попало, лишь бы подходило. Я подошел к этой куче в самом конце, когда почти ничего не осталось. Только какие-то разбросанные кальсоны и тулуп. Взял, что было. [...] Мы были всё ближе к цели, и нам становилось все холоднее, несмотря на то, что стоял июль. Небо пасмурное, часто шел дождь. Такой сильный контраст, сильная климатическая перемена, происшедшая за какие-то две недели. Но нам это не мешало, мы не обращали на это внимания. Для нас самым важным было, куда мы плывем, и как там будет. Мы думали только о лечении, чтобы как можно скорее выздороветь. К этому холодному климату нам нужно было привыкать, пусть это и нелегко. Но нам говорили, что в Польшу мы плывем ненадолго, чтобы подлечиться и вернуться в нашу прекрасную, теплую страну. Это укрепляло наш дух.

Конец путешествия наступил неожиданно. [...] Когда утром я проснулся, большинство людей уже вывели. Я вышел на верхнюю палубу. Солнце уже взошло, стоял туман, но было довольно тепло. Судно остановилось на рейде примерно в полутора километрах от берега. На суше были видны какие-то рыбацкие домишки, к судну подплывали несколько лодок, принимали людей и отвозили на берег. [...] Там ждали военные грузовики с белыми тентами. Они забирали людей из лодок и отъезжали по асфальтовой дороге. По обеим ее сторонам виднелся сосновый лес. [...]

Мы долго стояли на берегу. Смотрели то на море, то на песчаные дюны. Вдали мы видели какие-то заброшенные дома. Все это было для нас чуждым, неприветливым. Больше всего докучали комары, которые кусали лицо. [...] Большинство из нас впервые оказалось вне Греции. Мы неожиданно попали в другие климатические условия. Но самое главное — подальше от войны, в безопасное место, где не слышны выстрелы. Мы были в стране, в которой царило спокойствие и в которой много хлеба. [...]

Нас привезли прямо к воротам большого здания [военного госпиталя № 250 в Дзивнуве]. Вспомогательный персонал сразу же провел нас в столовую. Столы были уже накрыты. На них находились корзинки с ломтиками хлеба, блюдечки с маслом, тарелки с твердым мармеладом, нарезанным кубиками, и все столовые приборы. Посредине стояли большие посуды, в которых был кофе с молоком. [...] Мы не знали, за что сперва браться, для чего служат все эти предметы: бокалы, тарелки, ножи и вилки. Переглядывались, робко принимаясь за еду. Персонал постоянно всего подкладывал. Мы были голодны с дороги и хотели пить. На судне было недостаточно продуктов,

не хватало питья. [...] Видя, что никто не собирается заканчивать трапезу, греческие распорядители стали выгонять нас из столовой. Они выкрикивали номера, которые мы получили на судне, и велели построиться перед зданием, где ожидали грузовики. [...] Прежде чем попасть в свои отделения, нам пришлось пройти через большой зал с перевязочными столами. Врачи и медсестры вызывали каждого по его номеру. Нам нужно было раздеться, они осматривали и перевязывали раны. Старую одежду забирали и бросали в кучу. Мы получили новые рубашки и пижамы. Врачи обследовали каждого и направляли в соответствующее отделение. Меня определили на общую хирургию. [...] Общение с персоналом происходило через переводчиков, так что вся эта процедура затянулась на несколько часов. Когда за мной уже закрепили кровать, медсестра велела мне искупаться. Впервые в жизни я видел такую роскошную ванную. [...]

В собрании на площади [в первый день] принимало участие большинство греческих раненых и, несомненно, весь персонал. Все было хорошо организовано. Мы начали верить, что попали в хорошие руки, что эти люди не только хотят, но и наверняка смогут нам помочь. Мы встретились на этой площади, чтобы поближе познакомиться. Руководство госпиталя даже привезло какой-то оркестр, моряки играли на аккордеонах. Вначале мы чувствовали себя неуверенно. Поляки стояли по одну, а мы по другую сторону площади. Вдруг какие-то польки посмелее начали приглашать нас танцевать. Так начался прекрасный танцевальный вечер, который продолжался допоздна. Греческий комитет тоже старался не ударить лицом в грязь. Нам хотелось показать, что мы тоже умеем играть на музыкальных инструментах и танцевать. У нас был грек, который играл на кларнете. Его посадили на стул и танцевали вокруг него. [...]

На другой день после приезда был первый врачебный обход. Заведующим в нашем отделении был хирург Хаусман. В течение десяти месяцев у меня было много таких врачебных обходов, но этот был самым важным. [...] У меня сразу возникло доверие к доктору Хаусману. Я верил, что он меня вылечит. Во время этого обхода доктор попросил через переводчика, чтобы я рассказал свою историю. Спрашивал, когда и где я был ранен, и как меня лечили. Доктор слушал меня, время от времени потягивая носом, и кивал головой. Я обратился к переводчику с просьбой, чтобы доктор сказал мне, возможно ли «залатать» дыру в моей толстой кишке. До сих пор все говорили, что сделать это не удастся. Когда я говорил это, я заплакал. Для меня это был самый важный вопрос. Я был молод, хотел жить нормально. Мне стало представляться, какой кошмар я буду переживать с такой раной. Все это происходило в перевязочной.

Доктор тщательно осмотрел рану. Улыбнулся и сказал, что все будет хорошо. Переводчик повторил это несколько раз. Поскольку я испытывал доверие ко всему персоналу, то уже не сомневался, что меня вылечат.

Фанис Бистулас покинул госпиталь в Дзивнуве в июле 1950 года. Ненадолго он оказался в Згожельце, а затем во Вроцлаве, где работал на кирпичном заводе. Окончив горный техникум в Валбжихе, устроился на работу в Нижнесилезское предприятие горнопромышленного оборудования, где проработал 30 лет. Свои воспоминания он выпустил в книге «Из Греции в Польшу» (Нова Руда, 2004), из которой взят публикуемый фрагмент. Умер в 2004 году.

ВЛАДИСЛАВ БАРЦИКОВСКИЙ

Хирург-ортопед, офицер Войска Польского, годы жизни 1916–2015. В июне 1949 года в качестве заместителя командира по лечебным вопросам руководил секретным хирургическим военным госпиталем № 250 в Дзивнуве, предназначенным для лечения беженцев из Греции, прежде всего партизан.

25 июля 1949 года судно пришвартовалось в порту Свиноустье. [...] Накануне утром командир госпиталя полковник [Рышард] Каминский приказал подготовить несколько сот одеял, напитки в банках из-под молока и много бокалов. Все это погрузили на грузовики и ждали наготове. В колонну также включили все санитарные машины, бывшие в распоряжении части. Несколько часов колонна стояла неподвижно. Приказ выдвигаться не поступал. День заканчивался. Все уже думали, что тревога была преждевременной. Однако вечером со стороны штабного здания появился газик сопровождения. Колонна тронулась. Все вздохнули с облегчением, устав от ожидания. Кавалькада машин миновала пост в Мендзыводье. Теперь дорога вела в порт. [...]

Ночью вся процессия въехала в порт. На рейде стояло огромное судно. На рассвете началось движение. Когда приступили к выгрузке, было холодно и еще темно. Тяжелораненых помещали в специальные клетки, которые переносили с палубы краном. Они немного мерзли во время этого короткого путешествия над судном, пока не оказывались на суше. Там возле них сразу же появлялись какие-то люди в неизвестной им форме, заботливо укутывали одеялами, укладывали на носилки и грузили в санитарные машины, которые тут же уезжали. Все пациенты потом подчеркивали, что первое впечатление было очень благоприятным. Внимательная опека, которой их окружили, придала им бодрости после периода

неопределенности. Они чувствовали, что попали в хорошие руки.

Прибывшие выглядели необычно — одеты наполовину в гражданское, наполовину в военную форму, их пилотки походили на американские. Они были грязными, заросшими, запущенными и грустными. Ничего не говорили. Производили впечатление удивленных и неуверенных. Они с любопытством присматривались к стоявшим на берегу солдатам, некоторые вопросительно ощупывали их воинские знаки различия. У тяжелораненых были лишь временные перевязки — грязные окровавленные бинты и тряпки. Из-под них виднелись гниющие раны. Было похоже, что на судне не хватало перевязочных средств, а у тех, кто делал перевязку, были неумелые руки. У некоторых бросались в глаза деформации конечностей. [...] Впечатление было сильным — картина нищеты и отчаяния. После завершения операции машины быстро покинули Свиноустье. Они проехали через пустое Мендзыздрое, прежде чем курортники успели проснуться. Первая транспортировка стала сильным переживанием для персонала госпиталя. Мы давно готовились к ней. Я волновался, прежде всего, по причине ответственности, которая на мне лежала. [...] Мы облегченно вздохнули, когда первые санитарные машины подъехали к отремонтированному концертному залу, превращенному в распределитель. Все оживилось, беспокойство прошло. [...]

Эти в большинстве своем простые люди пережили ад. Они приехали измученные, исхудавшие и больные, часто изможденные длительными страданиями. Плохо зафиксированные конечности причиняли им боль при каждом движении. У многих был жар. Некоторые тяжелобольные были даже не в состоянии радоваться окончанию путешествия. Но в основном они старались этого не показывать. И лишь немногие внешне проявляли недоверие. [...] Не все хотели сдавать оружие, хотя им объяснили, что они отдают его просто на хранение. Они были привязаны к своим пистолетам и партизанским обрезам. [...]

Они лежали на кроватях, поставленных рядами по обе стороны огромного зала. С восхищением рассматривали груды тазов для мытья, графины с водой, стопки пижам и тапочек, банки из-под молока, наполненные напитками. Некоторые преодолевали рефлекс брать еду про запас, под подушку. А вдруг завтра не будет, как это случалось в партизанах. Но из происходящего вокруг они могли сделать вывод, что эта страна богаче тех, в которых они находились раньше. [...]

Труднее всего нам было найти общий язык с нашими пациентами. В первые часы знакомства много недоразумений возникало из-за того, что жесты подтверждения и отрицания у

греков и поляков имеют противоположное значение. Слово «нэ» и качание головой означало подтверждение, тогда как «охи» и кивок — отрицание. Иногда это вызывало, особенно у более тяжелых больных, нетерпеливые жесты. Однако большинство пациентов без слов понимали указания сестер, которые порой сопровождались грубоватыми, доброжелательными тычками, со смехом воспринимавшимися обеими сторонами.

Источник: Владислав Барциковский. Греческий госпиталь на острове Волин. – Щецин 1989.

***

Люди прибывали из Греции в Польшу в несколько этапов и разными путями. Первыми приехали дети — в три приема в 1948 и 1949 годах, привозимые по большей части поездами из временных центров, прежде всего из Румынии. Для них подготовили воспитательные центры на курортах Нижней Силезии, в частности Лондек-Здруй, Щавно-Здруй и Мендзыгуже. В 1949–1950 годах в Польшу прибывали взрослые, в основном морским путем из албанских портов — в Свиноустье, Дзивнув и Гданьск. Оттуда раненых перевозили в госпиталь № 250 в Дзивнуве на острове Волин, а остальных поездами до Мендзыгуже или Душники-Здруя. После 1950 года в результате операции Красного Креста по воссоединению семей до Польши добралось еще несколько сот беженцев. В результате этой акции в 1955 году их было здесь уже более 15 тысяч, в том числе 7410 македонцев, 7357 греков и 448 валахов^[2].

В первые годы пребывание беженцев в Польше было строгой государственной тайной, а внутри самой группы царил чемоданное настроение и готовность к дальнейшей борьбе. В 1950 году греков и македонцев собрали в Згожельце, где для детей были созданы школы, а для взрослых рабочие места и дома-интернаты. Однако со временем, когда ослабла пропаганда Коммунистической партии Греции, призывавшая к немедленному возвращению на родину, организационные структуры беженцев стали расширяться, а сами они интегрироваться с польским населением и адаптироваться к новым условиям. Был создан Союз политических беженцев из Греции в Польше со штаб-квартирой во Вроцлаве, начала выходить собственная газета. Уже в первой половине 50-х годов многие взрослые были трудоустроены на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях в Нижней Силезии и Бещадах. В 1951 году македонские и греческие дети были устроены в воспитательный центр в г. Полице, а затем в польские средние школы.

Трудно определить, сколько бывших беженцев живет сейчас в Польше. Большинство македонцев еще в 60-е эмигрировало в

Югославию либо Болгарию, а оттуда в Канаду, Австралию и США. Политические перемены в Греции, начавшиеся после падения военной диктатуры в 1974 году, сделали возможным возвращение беженцев на родину. Те, что остались в Польше, приняли польское гражданство и интегрировались с польским обществом.

Анна Курпель (р. 1985) — этнолог и антрополог культуры, кандидат исторических наук, автор книги «Четыре фамилии, два имени. Македонские военные беженцы в Нижней Силезии» (Познань, 2015). Проводит исследования культурного наследия Нижней Силезии, работает в Польском этнологическом обществе и фонде «Стрекоза»^[3].

Karta

---

1. Битола — город в юго-западной части Республики Македония. — Прим. пер.
2. По данным: A. Słabig, Aparat bezpieczeństwa wobec mniejszości narodowych na Pomorzu Zachodnim w latach 1945-1980, Szczecin 2008.
3. Вроцлавский фонд «Стрекоза» (Fundacja Ważka) занимается вопросами сохранения культурного наследия Нижней Силезии. — Прим. пер.

В первый момент — культурный шок

Продавщица в овощном при виде детей поинтересовалась: усыновленные? На следующий день она не стала ни о чем спрашивать, но положила в пакет два лишних помидора. В другой раз дала плитку шоколада и не взяла денег. Но не все так реагировали на экзотику местного значения. Доброжелатели советовали не подавать руки, потому что «они» разносят сотни болезней. Старшую зовут Ален, младшую — Мелансин. В паспортах у обеих написано, что им двенадцать. Они приехали из Бурунди — страны, где идет бесконечная гражданская война, на улицах нет светофоров, а в домах — горячей воды. Поездкой девочки обязаны своему таланту: проект «Brave Kids» объединяет маленьких артистов со всего земного шара. После недолгого пребывания в Польше и выступлений им предстоит вернуться обратно в мир нищеты и насилия. Время, проведенное в Польше, — единственные каникулы в их жизни.

***

— Искусство должно помочь детям вырваться из нищеты, депрессии, одиночества, — говорит Юстина Варецкая из «Brave Kids».

Ален и Мелансин занимаются национальными танцами, подобно своим соотечественницам — Орепе и Саре. Они побывали в Валбжихе, Варшаве и Вроцлаве. Принимающие семьи обеспечивают крышу над головой, питание, возят на занятия. С каждым годом база семей «Brave Kids» растет.

— О проекте я узнал год назад, на Пасху, — говорит Збигнев Хробак, временный опекун Орепы и Сары. — Почитал и — не посоветовавшись с семьей — заполнил анкету. Мою заявку приняли. У меня жена и две дочери, двенадцати и восемнадцати лет. Я хотел, чтобы они соприкоснулись с другой культурой.

— У нас открытый дом, — рассказывает Малгожата Скочелас, временная мама Ален и Мелансин. — Моя работа связана с танцем, и когда мы проводим мастер-классы, иногородние участники живут у меня, спят на диване. А в прошлом году приятельница ездила в кругосветное путешествие и написала мне на Фейсбуке, что есть такой проект.

***

В первый момент — культурный шок. Потому что в Непале собак не водят на поводке, в Бурунди женщина носит за мужчиной сумки с покупками. А в Индонезии пешеходу даже при зеленом сигнале светофора приходится лавировать среди машин. К тому же дети из сельской местности не знакомы с благами цивилизации.

— Дети были потрясены автоматическими дверями в трамвае. Стояли, как загипнотизированные, и смотрели, как они открываются и закрываются, — вспоминает Люцина Лесьняк, у которой гостили индонезийцы.

Збигнев Хробак: — В торговом центре «Аркадия» Орепа и Сара боялись ступить на эскалатор. В конце концов удалось их уговорить, но девочки так судорожно цеплялись за меня, что едва не оторвали рукава.

В первые дни все заняты тем, чтобы найти общий язык, но полагаться приходится, в основном, на жесты. Большой палец, поднятый вверх, означает, что еда вкусная, а палец, опущенный вниз — что «Brave Kids» не голодны. Хуже всего волнистая линия ладонью, потому что она требует уточнений, а вербально договориться невозможно.

— Я знаю пять языков, — говорит Малгожата Скочелас, — но только одна из живших у нас девочек говорила по-французски, причем плохо. Марыся, моя дочка, придумала составить вместе с Ален и Мелансин словарь из картинок и слов. Они показывали друг другу разные вещи и записывали — в польской транскрипции и на их языке — основную лексику. В пиковых ситуациях на помощь приходил смартфон с приложением, в котором произнесенное слово мгновенно переводится на нужный язык.

Варецкая из «Brave Kids»: — Семьи не могут выбирать себе гостей. Они участвуют в проекте по принципу «свидания вслепую» или лотереи. Конечно, мы стараемся учитывать знание языков, наличие детей-сверстников и опыта путешествий, открытость миру и людям. Мы отказываем тем, кто, например, просит ребенка непременно из Уганды. У нас не магазин, — подчеркивает она.

***

Связи образуются постепенно, соединяя чужих детей и временных родителей. В течение дня нет времени для разговоров и нежностей, потому что с девяти до пяти у «Brave Kids» занятия. Подрастающие танцоры, певцы и жонглеры совершенствуют свое мастерство. Польские опекуны должны только привезти и увезти детей. Для интеграции остаются вечера и уикенды. Самые популярные развлечения в Варшаве — смотровая площадка на Дворце культуры и освещенные

фонтаны у Замка. Однако ничто не может сравниться с совместной готовкой. Девочки из Бурунди ели раз в день и исключительно курицу с картошкой. Маленькие бразильцы посыпали шоколадное мороженое кукурузой, а их ровесники из Индонезии вообще терпеть не могут шоколад — им подавай рис с острыми приправами. Иранские дети наслаждались рулькой и колбасой, потому что дома они свинины не едят, а здесь Аллах не увидит.

— Мы каждый день вместе готовили и вместе пировали — а это ведь то, на что обычно не хватает времени. Чудесные моменты, — вспоминает Хробак.

У Эрика из Бразилии слепая мама. Многие его ровесники вообще не знают своих биологических родителей. Не у всех есть свидетельство о рождении.

— Поэтому так сложно сделать им въездные визы, — объясняет Варецкая. — Некоторые дети перед поездкой в Польшу вообще впервые в жизни получают документы. А кто-то пытается обрести здесь новых родителей.

— В первый день мы друг друга изучали. На второй они спросили, могут ли называть меня мамой. Я расплакалась, — вспоминает Ивона Чихович, у которой гостили непальцы — шестнадцатилетняя девушка и восемнадцатилетний парень. Показывать свои чувства не возбраняется, но нельзя их покупать. — Не следует делать детям дорогие подарки. Только всякие мелочи по случаю и сувениры, — объясняет Люцина Лесьняк. Таким образом организаторы «Brave Kids» заботятся о безопасности маленьких участников проекта. Однажды опекун подарил ребенку из Уганды планшет.

— Если ребенок вернется домой с дорогим подарком, его могут побить и обокрасть. Лучше подарить фотографию в рамке, — советует Варецкая.

Ален больше всего обрадовалась толстовке. В прошлом году после заключительного концерта во Вроцлаве похолодало. Малгожата Скочелас с мужем, детьми и временными дочками ждали автобуса, который должен был отвезти девочек на самолет в Бурунди. — Она уехала в этой толстовке, это единственная вещь, которая осталась у нее на память о нас. Сама она подарила нам национальный головной убор из соломки.

Какова дальнейшая судьба девочек, мы не знаем — у них нет ни электронной почты, ни профиля в Фейсбуке, они исчезли бесследно. Только время от времени через действующий в Бурунди фонд удастся получить расплывчатую информацию — мол, все в порядке.

***

— Это было для всех нас очень ценное время — две недели без

«мама, я хочу...», — говорит Скочелас, мать троих детей — восьми, одиннадцати и тринадцати лет. В этом году они ждут в гости ребят из Молдавии. В день их приезда дочка Малгожаты приглашены на день рождения. Но уже сказали матери, что никуда не пойдут — будут вместе с родителями встречать гостей в аэропорту. И уже освободили для них свою комнату.

Поляк, но оттуда

Когда она была маленькой, тетка посоветовала выбрать польское имя. Сказала: «Мин Там поляки не запомнят». Она выбрала имя Оля. Потом жалела — слишком короткое, бесцветное. Вот Александра — это звучит. Через несколько месяцев узнала, что «Оля» и есть «Александра».

В подготовительном классе Мин Там играла с мальчиками, потому что девочки много болтали, а она совершенно не понимала, о чем. Но в первый класс пошла уже хорошо говорящая по-польски Александра. — Эй, ты, узкоглазая! — кричали ей на переменках. К счастью, в школе, кроме нее, была еще мулатка, так что они вместе ходили в столовую. — Смотрите, китаянка с негритянкой, — слышалось вокруг. — Вообще-то я вьетнамка, а она мулатка, — парировала Оля за двоих. — Как-то на уроке физкультуры она расплакалась. Делать было нечего, и дети от скуки принялись дразнить Олю — она, мол, в Бога не верит. Оля говорила, что все религии равны, что Бог у каждого свой... Но ее и слушать не захотели.

Маи: — Мой папа приехал в Польшу из Вьетнама в 1989 году с двумя сотнями долларов в кармане. Во Вьетнаме по сравнению с Польшей была тогда страшная нищета. Позже он привез сюда маму, брата и меня. В школе ко мне приставали мальчишки. Кричали: — Убирайся в Тайвань, китаёза.

Элси: — Мы уехали из Чечни после первой чеченской войны. Я тогда был совсем маленьким. Поначалу в школе было непросто, особенно после теракта 11 сентября. Драться приходилось чуть ли не каждый день. Меня обзывали террористом, плевали в лицо.

Тина: — Дети бывают жестоки. В начальной школе меня обзывали цыганкой, румынкой. Родители твердили мне и сестрам, что мы должны гордиться тем, что мы грузинки.

Элси: — Мой светлой памяти отец говорил: Элси, если кто-то тебя оскорбляет, иди к учителю. Если он не поможет, иди к родителям того, кто тебя обидел. Если они не помогут, иди к директору. Если он не поможет, врежь обидчику как следует.

Клуб будущего

Олин дядя женился на польке. Новая тетя помогала делать уроки. Оля начала получать хорошие оценки и оказалось, что в школе не так уж плохо. Родители говорили, что учеба — это

главное. Мама посещала Клуб будущего, где вьетнамские родители обсуждали будущее своих детей. Все сходились на том, что необходимо высшее образование, желательно что-нибудь прикладное. Художник или специалист по маркетингу — не профессия. Лучше врач, юрист. Лицей нужно закончить в Польше, а вуз — на Западе. У Оли уже есть план. Она только что получила аттестат одного из лучших варшавских лицеев. Поступила в Высшую экономическую школу. Место, в общем, неплохое, но Оля не уверена. Ей бы хотелось еще попробовать себя, поискать, чем заняться в жизни. Но она не в обиде на родителей, что те на нее давят. Все свободное время Оля посвящает учебе. Родителям не выпало такого шанса, как ей. В Польшу они приехали в девяностые годы. Мама — учительница, папа — электрик. Бросили свою страну, свою профессию, чтобы на Западе попытаться счастья в торговле. Подобно почти всем варшавским вьетнамцам, работают на рынке Вулька Косовска. Это тяжелый физический труд, у Олиной мамы больные колени. Стоит ли удивляться, что для нее родители хотят лучшей судьбы, чем торговля шмотками? Элси: — Я не имею права отдыхать, мне и так слишком везло в жизни, я не один раз избежал худшего. Избежал войны. Польские друзья помогли моим родителям начать новую жизнь. Я изучаю международные отношения. Я бы хотел, чтобы в будущем, наряду с Кавказом, важнейшим партнером Чечни стала Польша.

Олины родители видят ее будущее так: дочка получит образование, найдет хорошую работу и не будет зависеть от мужчины. Она будет вести себя достойно, уважать вьетнамские традиции, не станет громко смеяться. Выйдет замуж за вьетнамца. Сбережет честь до свадьбы, потому что любой порядочный парень хочет взять в жены девушку. Родители говорят, что с поляком прочных отношений не построишь. Польский мужчина меньше времени посвящает семье, а во вьетнамской культуре это очень важный момент. Кроме того, мама хочет свободно общаться с будущим зятем. Она так и не выучила польский язык. Молодой человек Олиной двоюродной сестры — поляк, и она скрывает его от родителей. Мама требует, чтобы Оля ночевала дома. На вечеринки ходить разрешается, но при условии, что она обязательно вернется до полуночи. Однажды Оля хотела переночевать у подружки, которая живет двумя этажами ниже. Мама не разрешила, потому что у подружки есть брат — мало ли что. Только один раз она ночевала у подруги-вьетнамки — у той три сестры. Но лишь после того, как Олина мама убедилась, что отец подруги уехал, и в доме нет мужчин. Элси: — Вся семья хочет, чтобы это была чеченка. Но сердцу не

прикажешь. Я не знаю, кто станет моей женой.

Маи: — Моя мама с грустью сказала, что я желтая снаружи, но белая внутри. Я никогда не была послушной, часто не соглашалась с родителями, мы ссорились. Моя мама хотела, чтобы я нашла мужа-вьетнамца. А у меня муж — поляк и не ест рис.

Тина: — Родители — более восточные люди, чем я. Грузинские традиции для них очень важны.

Невезучие из Вилянуга

Оля злится, когда родители и бабушка с дедушкой твердят ей, скольким они ради нее пожертвовали. Сожалеет, что азиатская культура, в которой она выросла, столь формализована. Никто не погладит по головке, не скажет перед сном: «Я тебя люблю». И потом, несправедливо, что сын во Вьетнаме ценится больше, чем дочка. Сын по традиции остается в доме, а дочь присоединяется к семье мужа. Родители Оли хотели сына. У Олиной подружки недавно появилась третья сестра. Их вообще считают чужаками. Мало того, что живут в Вилянуге (тогда как почти все варшавские вьетнамцы селятся в Рашине или на Охоте), так еще и четыре дочери. Вот ведь не повезло! Но Оля отмечает и преимущества вьетнамской культуры.

Уважительное отношение к старшим, о чем многие поляки давно забыли. Она видит, как ее соотечественники помогают друг другу. Поддержке во вьетнамском обществе придается большое значение.

Элси: — В Польше и вообще в Европе все строится на индивидуализме: я, я, я... это самое главное... мои потребности, мое счастье. Чеченцы всегда говорят: наши потребности, наше счастье. Силу государства определяет сила семьи, сила социума.

Тина: — В Грузии стержень, смысл жизни — семья. Мне это по душе, хотя иногда бывает утомительно. Считается, что если женщина за тридцать не имеет семьи, значит, с ней что-то не так. Меня постоянно спрашивают, когда я выйду замуж и рожу детей. Еще мне мешает, что в Грузии не соблюдаются правила дорожного движения. За рулем все ведут себя как сумасшедшие. Это связано с ментальностью. Мужчина — мачо, он уверен в своей непогрешимости. И еще это откладывание всего на потом. Ужасно раздражает.

Маи: — В доме моих родственников пахнет рисом. А я вьетнамские блюда не готовлю.

Во Вьетнаме все казалось влажным и грязным. Оле ничего не нравилось. Но, может, это потому, что у нее там нет подруг. Вместе с родителями она навещала родственников. Старшее поколение, потому что все ее сверстники в Польше. Иногда Оля не понимала, что ей говорят, и родители сердились, что дочь

забывает вьетнамские слова. А Оля злилась, что они сорят на улице. В Польше это не принято! Родители хвастались, что живут в Европе. В такси мама сетовала, что ханойские улицы такие шумные. — А вот там, где мы живем... — рассказывала она таксисту. В этом году, надеялась Оля, будет иначе. Она хотела поехать в лагерь для вьетнамской молодежи, проживающей за границей. Увидеть новые места, развлекаться, жить в хороших отелях, но родители настояли, чтобы дочка провела каникулы с ними.

Маи: — Во Вьетнаме я была впервые за тринадцать лет. Мама показала мне больницу, где я родилась. Мне бы хотелось ездить туда каждый год. Я чувствую, что это тоже моя вторая родина.

Элси: — Я столько лет хотел поехать домой, увидеть родные края, соседей, которые пережили войну. Когда наш поезд пересек границу, у меня на глаза навернулись слезы.

Транзитная страна на берегах Вислы

Вьетнам точно отпадает. Слишком влажно и жарко. Но и в Польше Оля, пожалуй, не останется. Вьетнамцы, которые учатся за границей, часто оказываются лучшими студентами, сразу получают предложения работы. На Западе платят больше. И потом, в Польше все еще не хотят брать на работу иностранцев. Если в Англии или Штатах на место претендуют, скажем, десять иммигрантов, то в Польше — максимум один иностранец на девять поляков. Из второго поколения «польских» вьетнамцев мало кто остается в стране. Мама говорит, что в Польше Оля себе мужа не найдет, потому что все перспективные вьетнамские парни уже уехали. — Получается, что мы воспринимаем Польшу как перевалочный пункт, — размышляет девушка. Первое поколение иммигрантов нашло здесь работу и дом, второе получило хорошее образование. — Нам дали очень многое, но мы все же отправляемся дальше. Молодежь хочет лучше зарабатывать, найти более интересную работу, а не только торговать, меньше выделяться и привлекать к себе внимание. Кроме того, многие стремятся к независимости от родителей. Но ведь поляки и сами уезжают на Запад. И потом, мы пользовались Польшей не задаром. Всю жизнь мои родители тяжело работали, платили налоги. — Где бы Оля ни поселилась, она всегда будет приезжать в Польшу.

Тина: — Я не была в Грузии около девяти лет, но такое ощущение, будто я уехала вчера.

Маи: — Мой брат уехал во Вьетнам. Однако вскоре вернулся.

Тина: — Когда-то я хотела переехать в Грузию. Но это, наверное, потому, что я не знала, чем заняться. Пока я живу здесь, здесь у меня друзья, и мне хорошо.

Элси: — Если Бог даст, я буду курсировать между Польшей и Чечней. Я не планирую осесть где-то постоянно.

Норм мусульманин

Оля уже имеет право голосовать. Ей восемнадцать лет, у нее польское гражданство. Но на этот раз она не пошла. Оля не интересуется политикой. Ее папа однажды голосовал, на выборах мэра Варшавы. Отдал голос за того, кто лучше относился к иммигрантам. Оба считают, что не вправе вмешиваться в чужие дела. — Но это немного глупо. Это ведь и наши дела! — критикует Оля отца и себя.

Маи: — Я получила гражданство, но потом у меня его отобрали. Чиновник ошибся, и решение отозвали. На протяжении пяти лет у меня не было документов.

Элси: — Вчера я получил гражданство и чувствую себя счастливым. Сознать себя гражданином свободного демократического государства — это прекрасно. Нам потребовалось на это шестнадцать лет. Я буду голосовать за того, за кого сочту нужным.

Тина: — Я тринадцать лет ждала гражданства, уже и аттестат получила, а гражданства все не было. Мне не хватало этого, чтобы почувствовать себя дома.

Маи: — Вьетнамцы могли бы принимать более активное участие в жизни, ходить на выборы. Но я не знаю, что еще Польша могла бы им дать.

Лозунг «Польша для поляков» Оля старалась не принимать на свой счет. Однако это ее задевало. Вроде бы и знаешь, что вьетнамцев не имели в виду, но все равно неприятно. К азиатам поляки более терпимы, только иногда возникает тема собачьего мяса.

Маи: — Все говорят, что иммигранты — это угроза, но, мол, к вьетнамцам это не относится. Они никуда не лезут, ничего не требуют. В Варшаве живет много вьетнамцев, но их, в сущности, не видно. Только если ты начинаешь кому-то мешать или чего-то добиваться, возникает вопрос, откуда ты родом.

Элси: — Меня бесит, когда в интернете распространяют ложь о мусульманах.

Тина: — Я была в шоке, когда поняла, как ненавидят иммигрантов.

Элси: — Кроме нескольких радикальных расистов, которые говорили действительно отвратительные вещи, я в Фейсбуке никого не забанил. Мне казалось, что моя задача — показать людям, в чем они ошибаются. Я спорил, объяснял, что то, что они пишут об исламе — неправда, свидетельство невежества, что я точно так же, как они, боюсь ИГИЛ, террористов и радикалов.

Тина: — Шумят больше в интернете. В реале никто не решился подойти и что-то мне сказать.

Элси: — Многие говорили: Элси, ты классный, ты норм мусульманин, но вот другие...

Маи: — Когда знакомые говорят о беженцах, они забывают, что я тоже иммигрантка. С родителями мы не обсуждаем сегодняшнюю ситуацию в Польше. Отец только велел в кафе садиться так, чтобы видеть вход.

Элси: — Я ради любопытства написал как-то на сайт Марша Независимости: — Привет, я живу в Польше пятнадцать лет. Чувствую себя поляком. Но я также чеченец и не знаю, могу ли пойти на марш, потому что в этом году лозунг — «Польша для поляков. Поляки для Польши». Не хотелось бы лажануться.

Посыпались тысячи комментов. Одни писали: «Убирайся вон из Польши». Другие: «Если любишь Польшу, приходи».

Маи: — Поляки все лучше умеют договариваться с другими.

Элси: — Я хочу подчеркнуть, что на каждый негативный коммент в мой адрес приходится тысяча слов поддержки.

Тина: — Когда я в Польше, я думаю по-польски. Приезжая в Грузию, я начинаю думать по-грузински.

Оля думает по-польски. Вьетнамский для нее не родной. Со знакомыми вьетнамцами она разговаривает по-польски.

Родители решили, что раз они вьетнамцы, то и Оля — тоже вьетнамка. Но они никогда с ней на эту тему не говорили. А Оля уже чувствует себя больше полькой. С Польшей ее связывают друзья, язык, стиль жизни и интересы. Хотя полька она тоже не до конца. С Азией ее связывают внешность, семья. Иногда Оля сама не уверена, кто она.

Маи: — Вопрос, откуда я, автоматически ставит меня в положение Чужого.

Элси: — Я чувствую себя в одинаковой степени поляком и чеченцем. Меня поражает, насколько мои сестры, родившиеся в Польше, разбираются в чеченской культуре. Когда я чего-то не знаю и спрашиваю совета, они говорят: — Элси, «по-чеченски» мы бы сделали так-то и так-то.

Маи: — В Англии я говорила, что я полька. Здесь я ничего не говорю.

Элси: — Я имею возможность смотреть на все с разных точек зрения. С точки зрения культуры польской и чеченской, европейской и кавказской, исламской и христианской. Я считаю, что это дар.

Маи: — Вьетнам во мне силен. Хотя я чувствую себя полькой, какая-то часть меня всегда будет «оттуда».

Тина: — Я страшно не люблю, когда меня спрашивают, кем я себя чувствую — полькой или грузинкой. Потому что не знаю, что ответить.

Не вариться в берлинском соусе

Не вариться в берлинском соусе

Фото: East News

Петр Черкавский: *Вы много лет живете в Берлине, хотя родились в Гданьске. Чувствовали ли вы с детства многокультурный характер этого города?*

Магдалена Парыс: Будучи маленькой девочкой, я, конечно, понятия не имела, что мои мама и тетя закончили ту же школу, что и Гюнтер Грасс или, например, почему один из наших соседей лучше говорит по-немецки, чем по-польски. Правда, я иногда недоумевала, откуда у нас в доме взялись сгоревшая кофемолка или старая масленка, но эти маленькие загадки просто-напросто были неотъемлемой частью моего детства. В Гданьске жили мои дедушка с бабушкой и прадедушка с прабабушкой, но все равно инстинктивно я чувствовала, что — хотя мы в Гданьске далеко не первое поколение — в нашем доме когда-то жили совсем другие люди. — *Вы упомянули Грасса, писателя, который заявлял о своей большой любви к Гданьску и демонстрировал заботу о польско-немецких взаимоотношениях. Однако его высказывания под конец жизни вызывают противоречивые чувства. Каково ваше отношение к этой сложной фигуре?*

— Поздние высказывания Грасса действительно могли

вызывать смущение и требовали критического осмысления. Но жизнь человека не состоит только из того, что он сказал уже в старости. В конце концов, мы имеем дело с писателем знаменитой Группы 47, в которой он вместе с Генрихом Беллем, Ингеборг Бахман и многими другими закладывал основы послевоенной немецкоязычной литературы. Писателем, который за двадцать лет до революции 1968 года начал громко говорить о том, что Германия должна держать ответ за свое нацистское прошлое. Его заслуги невозможно переоценить. Я думаю, многие не помнят или не хотят помнить, что у этого человека огромные заслуги в сфере польско-немецких отношений. Сразу же возникает вопрос, у кого из западных писателей хватало смелости в 70-х (после волны рабочих забастовок) и 80-х приезжать на Побережье и открыто выражать свою солидарность с оппозицией? Это правда, что его признание в службе в СС было сделано слишком поздно, но в определенном смысле оно также было актом огромной отваги. Ведь он мог спокойно умереть, почив на лаврах. И все же решил быть честным по отношению к себе и своим читателям. Мне кажется, сейчас его книги нужно прочесть еще раз, в совершенно новом контексте. Я уверена, их ценность вырастет. Следует помнить, что Грасс прежде всего — писатель социально ангажированный. Но, тем не менее, именно этот писатель — со своей ностальгически-философской позицией, с вечным поиском идентичности своего родного города — сильнее всего трогает меня на глубоко эмоциональном уровне. Благодаря ему я поняла смысл континуальности существования, он вернул смысл вещам, казалось бы, необратимым.

— *Что именно вы имеете в виду?*

— С малых лет, когда мне пришлось переехать в Щецин, а затем в Берлин, я упражнялась в тоске по Гданьску. Закрывала глаза и представляла себе дом моей бабушки или живописные улочки Вжеща. Слезы, проливаемые мною от тоски по Гданьску, доводили мою маму до отчаяния. Я действительно физически страдала, у меня все время болела голова, я не могла спать по ночам. В трамвае я садилась только с той стороны, где стоял бабушкин дом. Но которая это сторона, ведь если встать так — то эта, а вот так — противоположная? Я по-своему, по-детски, упражнялась в лояльности. Вскоре мне пришлось насовсем покинуть и Гданьск, и Польшу. И оказалось, что я скучаю уже не только по Гданьску, но и по Щецину. Я бы не хотела больше никогда в жизни так скучать. Может быть, поэтому я так часто переезжаю, чтобы слишком не привыкать? Как-то, спустя годы, я начала запоями читать именно Грасса. К сожалению, слишком поздно. Я была поражена тем, что человек, который рос в окружении другой культуры и в совершенно другие

времена, может любить Гданьск так же, как я. Он — немец, я — полька, а тоска по одному и тому же городу одинаковая. Это очень важное для меня переживание, оно полностью перевернуло мои взгляды на локальность, принадлежность и т.д. Одновременно я открыла для себя Гомбровича. Долгое время я считала, что Грасс и Гомбрович писали для меня одной.

— Однако Барбара Бош, главная героиня вашего романа «Фокусник», награжденного Европейской литературной премией, родом не из Гданьска, а из Вроцлава. Почему вы выбрали именно этот город?

— Когда я создавала героиню, то сразу стало понятно, что у нее будет сложная идентичность. Вроде бы она уверенная в себе, ассимилированная, но ее корни все еще в Польше. Но я не могла связать ее судьбу с Гданьском, потому что тогда все искали бы в ней автобиографические черты, а я хотела рассказать историю, а не писать дневник. Книга, в которой я более непосредственно обращаюсь к своей судьбе, наверное, еще впереди. Так что мне нужно было найти какую-то альтернативу Гданьску. Я выбрала Вроцлав, потому что, несмотря на все различия, в истории этих городов есть точки соприкосновения. Таким образом, Вроцлав стал для меня невероятно близким.

— Вы уехали из Польши в Германию в возрасте 13 лет. Трудно было приспособиться к совершенно новой действительности?

— Очень. Я знаю, что в эпоху Шенгена и открытых границ этого не понять. Я сама, путешествуя недавно по странам Бенилюкса, в какой-то момент поймала себя на том, что не знаю, где нахожусь — все еще в Бельгии или уже в Голландии. В середине 80-х ситуация была диаметрально противоположной, Польшу и Германию разделял железный занавес, а с точки зрения тогдашних властей я покинула страну нелегально. Мой отъезд носил характер окончательный и бесповоротный. Мне было тем более сложно, что я входила в подростковый возраст, когда весь мир выглядит враждебным и мрачным. Мне казалось, что никто меня не понимает. К этому прибавлялся тот факт, что в Польше остался мой отец, в Гданьске — моя семья, мои подружки, вся жизнь тринадцатилетнего ребенка. У моих родителей были они сами, были я и мой брат, а мне казалось, что у меня нет никого. И пусть это прозвучит странно, но гораздо больше мне была по душе серость, облезлые стены и запах дыма из труб, чем разноцветный Берлин. Я снова скучала.

— Как вы с этим справлялись?

— В самые худшие моменты меня всегда выручали книги. В них я находила ответы, подсказки, вдохновение. Я читала все, что попадалось в руки. Если друзья жаловались мне в письмах, что им приходится обсуждать на уроках «Антека» или «Нашу клячу», то я проглатывала эти книги по собственной воле и писала по ним сочинения в стол. Помню, в то время я

зачитывалась «Эмансипированными женщинами» Пруса, «Хвалой и славой» Ивашкевича, но и Сенкевич мне тоже нравился. Если бы не польские книги и польское радио, я, и правда, не знаю, как пережила бы первые месяцы в Берлине. Кроме того, меня спасла попросту молодость — я быстрее всех в семье выучила язык, нашла подруг в школе. Кто знает еще один язык — получает еще одну жизнь.

— Сегодня на страницах книг вы создаете захватывающие портреты Берлина, в котором живете тридцать лет. Что в этом городе такого, что спустя столько лет он продолжает вас вдохновлять?

— В следующих книгах, над которыми я сейчас работаю, не будет Берлина. Он утомил меня. Недавно один польский писатель, живущий на чужбине (как-то карикатурно это звучит в сегодняшней Европе, правда?) сказал, что я не могу хорошо писать о Берлине, если не живу в нем пятьдесят лет. Сказал это с ухмылкой старшего коллеги-писателя, вдобавок мужчины, но если отбросить этот шовинизм, то мне кажется, что ему случайно удалось сказать нечто универсальное. Правда, мне нет еще пятидесяти, но в Берлине я ходила в школу, окончила университет и прожила в нем почти всю юность и взрослую жизнь, и я все еще не уверена, что знаю этот город. Неправильно думать, что Берлин уже известен, освоен. Когда человек говорит мне, что знает всю подноготную Берлина, я с сомнением улыбаюсь и советую высунуть нос за пределы района, где он живет. Каждый день я узнаю об этом городе что-то новое, потому что этот город меняется каждый день. Недавно я вызвала возмущение, когда в статье для «Газеты выборчей» отважилась написать, что Берлин воняет. Такая локальная цензура кажется мне смешной и ограничивающей. Сама я живу в мещанском районе, пользуюсь его удобствами, но знаю, что настоящее лицо города выглядит не так. В Берлине меня восхищает интенсивная, динамичная джентрификация. Бывает, что в здании, которое еще недавно стояло заброшенным, вдруг открывается самый модный клуб в городе, чем хуже развалина — тем лучше тусовка и т.п. Восторг восторгом, но и здесь не стоит преувеличивать — при всем своем колорите, Берлин на фоне таких городов, как Стамбул или Нью-Йорк — это все-таки только одна из точек на карте. Из него нужно часто уезжать, чтобы можно было в нем жить, не вариться в одном и том же берлинском соусе.

— Символом джентрификации стал в последнее время район Нойкельн.

— Слава Нойкельна вполне обоснована, но уже завтра район может стать совершенно другим. Недавно я водила по Нойкельну знакомого журналиста из Польши, мы прогуливались ночью среди веселой толпы берлинцев и

туристов. Магазин с платьями за сотни евро соседствует там со швейной мастерской, которая шьет костюмы только для турок, рядом — арабский клуб, а за перекрестком — польско-немецкая книжная лавка. Между всеми этими зданиями вдруг выбегает стадо крыс. Но еще более интересный район — Кройцберг. Уже много лет это — цитадель контрастов и культурной мозаики, место, которое не теряет своей аутентичности, потому что здесь всегда так же — по-другому. С недавних пор важную позицию на карте города занимает Фридрихсхайн. Есть районы, где заправляют вьетнамцы, а есть такие, где скинхеды, есть места невозможно скучные, где раз в неделю косят газон и подстригают живые изгороди. Я живу как раз в таком. Я знаю, что уже набила оскомину, но повторю еще раз: Берлин действительно полон противоречий, здесь не знаешь, что ждет тебя за углом. В этом есть все же какая-то симпатичная последовательность: так было тридцать лет назад, так и сейчас.

— Германия сегодня приводится как пример сильной европейской демократии. Но действительно ли немцы полностью освободились от бесславного нацистского прошлого?

— Какое-то время я думала, что они полностью справились со всеми травмами. Будучи подростком, я восхищалась «воспитанием нации», которое было проведено в этой стране после 1968 года. За немецкие вины просили прощения так часто, что мне, наконец, стало это надоедать. Муж, который был на 10 лет старше меня, вспоминал, что чувствовал то же самое. В молодости я часто встречала людей, которые нашли в себе силы однозначно и открыто отрезать себя от позорного прошлого своих отцов и дедов. Именно такие люди создали прекрасные места памяти, начиная с берлинского Музея Холокоста. Спустя годы я, однако, чувствую, что на этой идиллической картинке появляется все больше царапин, и о них я должна писать. Честно говоря, не хочу, но должна, это сидит где-то во мне.

— Насколько большую роль в формировании немецкого восприятия прошлого сыграли события 1968 года?

— Беспрецедентную. В 1968 году родилась новая Германия, наступили перемены, которые отразились на культурной, общественной и бытовой жизни. До революции практически не существовало прав женщин, жена почти во всем подчинялась мужу. С 1968 года начинается как бы новая жизнь Германии, это время, предварившее дружеские контакты с Польшей. Молодые люди в 1968 году были достаточно смелы, чтобы бескомпромиссно требовать сведения счетов с прошлым страны, чтобы противостоять полиции, дать пощечину президенту Германии за то, что он принадлежал к НСДАП. Они спрашивали родителей: что вы делали во время войны? Вы

можете представить себе у нас что-нибудь подобное в таком масштабе, такую готовность создания новой истории?

Конечно, Германия получила травму преступления, не сравнимую ни с какой другой в истории человечества, но какова же должна была быть ее тяжесть, какова потребность в очищении и какова решительность молодого поколения, чтобы так жестко требовать суда надо всем и всеми. Бунт — это, к сожалению, также и зарождение террористической деятельности РАФ.

— Давайте поговорим немного о недавнем прошлом. Помнят ли вообще берлинцы, что еще двадцать с небольшим лет назад их город разделяла непреодолимая стена?

— Это зависит от личного опыта. Я сама в детстве очень страдала от ограничений свободы, от того, что мы жили на острове, каким был тогда Западный Берлин. Стена в определенном смысле означала конец мира. Сегодня, когда я вижу, как на месте стены играют дети, люди встречаются в кафе, а раз в году проходит Берлинале, — я просто чувствую себя счастливой. Я отлично помню ограждения, солдат с собаками, сторожевые башни. Видеть там сегодня туристов, музеи, кинотеатры — это невероятное чувство. Каждый раз, видя все это, я вспоминаю: я свободна, а значит — счастлива.

— При этом в своих книгах вы описываете последствия многочисленных ошибок, допущенных при объединении страны. Почему между восточной и западной частью все еще сохраняется такая диспропорция?

— У меня складывается впечатление, что политики неправильно обозначили свои приоритеты. Что с того, что в провинциальных городках бывшей ГДР отремонтировали дома и улицы, если люди много лет массово эмигрируют на Запад? Города на Востоке Германии вымирают по многим причинам, прежде всего — из-за низкого естественного прироста. Те, кто остался, разряжают свою фрустрацию при голосовании. Это они несут ответственность за то, что немецкая политическая сцена становится все более радикальной. Другое дело, что трудно представить себе альтернативную картину объединения. Реформы надо было провести очень быстро и на основании принципов, действующих в ФРГ. Ситуация остается далекой от идеала, но, как знать, может быть, другая власть справилась бы с этим заданием значительно хуже?

— Есть ли шанс, что пропасть между Востоком и Западом Германии будет постепенно уменьшаться?

— Конечно, мир знает только одно лекарство от таких болезней — время. Много зависит также от политиков, но оптимизм вселяет тот факт, что среди наиболее влиятельных людей в стране оказывается все больше выходцев с Востока. Ведь в ГДР выросли и канцлер Меркель, и президент Гаук. Можно не

соглашаться с их мировоззрением, но нельзя отрицать, что оба они — высокоинтеллигентные люди и эффективные политики. Однако общее отсутствие должного интереса к восточным землям со стороны значимых политиков из года в год ослабляет стремление к интеграции со стороны жителей и усиливает политический радикализм. Сами жители также усугубляют этот исторический разрыв. Не так давно я слышала историю об актрисе из Мюнхена, которая поступила в прекрасную театральную труппу в бывшей ГДР, а коллеги отвергли ее как непрошенного гостя с Запада. Конечно, это крайний случай, но такое все еще случается.

Двадцать пять лет прошло с момента падения стены, целая взрослая жизнь, а Германия все еще не срослась. Если посмотреть с этой перспективы на Польшу, то оказывается, что на фоне Германии она выглядит не так уж и плохо, правда?

— *Отсюда можно сделать вывод, что дихотомия восток-запад касается не только экономики, но и человеческих взаимоотношений?*

— Именно их сильнее всего. Уверяю вас, вопрос: «Из какой ты части Германии?» — в конце концов будет задан в каждом дружеском разговоре между немцами. Может быть, это звучит абсурдно, но такое разделение распространяется также и на молодое поколение. Недавно моя дочь, вернувшись из школы, спросила: «Мама, а ты, собственно, в какой Германии росла — в богатой или бедной?».

— *Существуют ли подобные предрассудки на более универсальном уровне, касаются ли они, например, взаимоотношений между поляками и немцами?*

— Нам предстоит еще многое сделать, а процесс преодоления барьера стереотипов и недоверия продлится еще очень долго, но все же ситуация постоянно улучшается. В том числе потому, что сегодня эмиграция — гораздо более распространенное явление, чем раньше. За границу, в частности, в Германию все чаще уезжают люди образованные, владеющие несколькими языками. Ситуация в Берлине специфична ввиду того, что поляки составляют там самое большое национальное меньшинство после турок. Поэтому естественно, что среди них есть представители всех слоев общества. Однако привыкших к культурному разнообразию берлинцев твоя национальность интересует меньше, чем образование. Если ты закончил престижный вуз и хорошо говоришь по-немецки, тебя примут с распростертыми объятиями.

— *Находит ли отражение в политике этот рост доброжелательности на межчеловеческом уровне?*

— Многие немецкие политики и публицисты очень положительно отзываются о польской трансформации и том направлении, которое выбрала наша страна после 1989 года. Все

чаще подчеркивается роль «Солидарности» в крушении коммунизма, а также опосредованно — в падении Берлинской стены. В последние месяцы в связи с 70-й годовщиной окончания Второй мировой войны много говорилось о трагедии, которая выпала на долю поляков в этот период. В самом центре Берлина, например, долго показывали выставку, посвященную Варшавскому восстанию. Но давайте скажем честно: все это выглядит немного как прекрасный сон из другой эпохи. Сейчас все это вытеснила одна вездесущая проблема — проблема беженцев. Я думаю, что польская довольно неоднозначная позиция по этому вопросу очень негативно отразится на польско-немецких связях. Германия решает эту проблему самостоятельно, с невероятным отчаянным упорством. Это ощущается во всех сферах жизни, не только политической. В школе моих детей открывают новые классы для беженцев, ни дня не проходит без того, чтобы что-то не собирать, подвозить, помогать. Между тем польские политики используют аргумент беженцев в политических ссорах, а сами поляки массово эмигрируют и пользуются всеми благами и преимуществами Западной Европы. Немцы чувствуют себя брошенными, их недовольство и разочарование растут. С этим серьезным кризисом им приходится сталкиваться в реальности и не на шутку. Все чаще пишут о тихом умирании Европы. Это нехороший прогноз, не сулящий добра ни Польше, ни остальной Европе. Я всегда была оптимисткой, но проблема беженцев — это не сезонный кризис. Перед нами — невероятный вызов, и — хотим мы того или нет — он коснется всех европейских стран. Уже вот-вот.

— Связь с Германией подчеркивает значительная группа польских литераторов. Как вы оцениваете их усилия?

— Очень положительно. Я люблю и ценю творчество Бригиды Хельбиг, Януша Рудницкого и Лешека Освенцимского, одного из основателей берлинского Клуба неудачников. Тон немецкой литературе в последние годы задают иммигранты, я думаю, только вопрос времени, когда в этой группе появится писатель или писательница из Польши, но пишущая по-немецки.

— Интересно, как вы оцениваете позицию женщин в немецкой литературной среде. Можно ли говорить в этом случае о равноправии?

— Среди читателей литературы женщины давно обгоняют мужчин, а женщины-авторы без преград попадают в списки бестселлеров или шорт-листы самых престижных премий. Постепенная феминизация нашего сообщества становится фактом во всей Европе. Из двенадцати авторов, которых в этом году Европейский парламент наградил Европейской литературной премией, было девять женщин^[1]. Как на этом фоне выглядит Польша — понятно. Важная премия не может

быть присуждена писательнице, если на нее номинируют одних писателей-мужчин. Я знаю, что учредили специальные премии для женщин, но почему это сделали? Именно потому, что равноправия в Польше нет.

— *После этих признаний мне трудно поверить, что к вашим любимым фильмам относятся мизогинические «Псы» Владислава Пасиковского.*

— Я согласна, что в этом фильме к женщинам относятся как к вещам, но, к счастью, это не единственный его посыл. «Псы» открыли мне доступ к совершенно неизвестному ранее сообществу. Эта реальность «самцов» привлекла меня, девочку-подростка из хорошей семьи, своей выразительностью и простотой. Достаточно сказать кому-то: «Вали отсюда, сука!» — и все понятно. Для истории, описанной мной в «Фокуснике», как раз этот способ выразаться очень пригодился, но ведь это только форма подачи, не более того. Мир «Псов» кажется мне достойным внимания еще по одной причине: он находится на грани распада. Сегодня мужчины часто весьма чувствительны и раздражены, сами спешат занять защитную позицию. Носом чуют перемены и заблаговременно впадают в истерику. Известный польский журналист сказал мне недавно на полном серьезе: «Я завидую, что ты женщина. Благодаря этому тебе легче в жизни». Удивительно слышать такое в стране, где, не считая немногочисленных исключений, главную роль играют писатели-мужчины, а женщина, избранная главой правительства, докладывает председателю партии о выполненном задании. Кажется, что это только слова, шутка, но они отражают то, что в Польше так ужасающе распространено: отсутствие уважения к женщине. Звучит банально, но чувствуется в каждой сфере жизни. Это принятие женщиной подчиненной роли поденщицы: обед, работа, муж, дети, а муж пускай лежит. Вы заметили, что почти в каждом польском доме мужчина лежит? Может лежать — и лежит, пришел с работы — и лежит, зарабатывает — и потому лежит. Даже в Западной Германии, где путь к равноправию не был устлан розами, я не видела, чтобы мужчины лежали настолько массово. Пусть это лежание будет синонимом польского мужчины вообще. Знаете, кто обратил мое внимание на это? Знакомый поляк из Берлина, юрист. Он сказал, что в Польше не может на это смотреть, и что если бы он так лежал в Берлине, жена, наверное, раз и навсегда вынесла бы его из дома вместе с кроватью.

— *Ваши книги, в основном, благодаря их прозрачному, точному повествованию, кажутся чуть ли не готовыми сценариями для фильмов. Значит ли это, что во время работы вы черпаете вдохновение в кино?*

— Процесс создания, к сожалению, так меня поглощает, что на

это не остается времени. Мне гораздо проще в таких случаях посмотреть сериал, например, House of cards, или послушать классику детективного жанра в форме аудиокниги — так я лучше всего отдыхаю.

— *И так же трудно найти время для чтения?*

— Как раз это занятие всегда будет для меня свято. Я могу не выполнить обязательств перед своими издателями и не сдать книгу в срок, лишь бы не нарушать своих читательских привычек. Больше всего я люблю возвращаться к классикам: Толстому, Манну или Ивашкевичу. Меня продолжают вдохновлять также Карл Краусс и Тухольский. Больше всего я люблю тексты, в которых они иронично доказывают, что практически все современные конфликты возникли при участии прессы или других СМИ. Отголоски этой точки зрения, несомненно, можно найти в «Фокуснике». Мне нравится также современное польское разнообразие жанров, я читаю даже тогда, когда желания нет — потому что меня часто просят написать короткую рецензию на обложку. Я обожаю польских писательниц, их энергию, любовь к жизни, свежесть; я имею в виду Ольгу Токарчук, Сильвию Хутник, Гражину Плебанек, Магдалену Гжебалковскую, Виолетту Гжегожевскую, Ингу Ивасюв, Катажину Бонду. Это удивительно, сколько в Польше креативных, прекрасных писательниц, и каких разных! И все время появляются новые...

— *Я слышал, вы когда-то хотели стать археологом. Эти интересы отразились как-то на том, что вы пишете?*

— Да, я два года училась на археолога. Мне кажется, что учеба дала мне скрупулезность и просто маниакальную внимательность к деталям. Например, сейчас я пишу книгу, которая, в сущности, не должна была требовать от меня никаких дополнительных разысканий. Однако недавно я все-таки достала докторскую диссертацию о Щецине, где будет развиваться действие романа. Я собиралась ее только пролистать, но, естественно, разошлась и теперь дочитаю до конца. Неважно, что я, скорее всего, не использую ни предложения из нее — благодаря этому чтению у меня появится уверенность, что я хорошо готова к теме, а это значительно облегчит сам процесс написания.

— *В ваших романах еще много отсылок к вашим увлечениям. Это правда, что вы — как один из героев вашей дебютной книги «Туннель» — поклонница Элвиса Пресли?*

— Да! Первый плакат, который появился у меня на стене — как раз плакат известного концерта Элвиса 1968 года. Это было в восьмидесятых, мне было не больше восьми лет, и у меня странные мурашки пробегали по коже от вида этого брюнета в черном кожаном костюме. Потом было время Билли Айдола, Кейт Буш, «Депеш Мод», но Элвис все равно многие годы

оставался для меня кем-то очень важным. Его музыка сопровождала меня в самые трудные моменты жизни. Первое, что я купила, приехав в Германию, — это его альбом «G.I. Blues». Я была тогда в ужасном настроении, а его песни были такие светлые и радостные... Нельзя сказать, что я до сих пор с утра до вечера слушаю Элвиса, но Пресли для меня — это своего рода Богоявление, глоток энергии. Мне достаточно послушать концертное исполнение его песни «If I Can Dream», чтобы вдруг наполниться такой силой, что я без проблем заканчиваю сцену, с которой мучилась неделями. Думаю, Элвис не раз еще появится в моих книгах. В нем есть какая-то невероятно близкая мне творческая правда.

— Инспектор Ковальский — это тип сурового мужчины, который, однако, удивляет нас трогательной привязанностью к своей собаке. Почему вы решили именно таким образом показать натуру своего героя?

— Не знаю. Это был незапланированный прием. В один прекрасный день в процессе работы над книгой появилась собака Бабси, и стало понятно, что она останется. Многие элементы приходят ко мне непонятно откуда. Я давно уже перестала об этом думать. То же самое с темами — я и их редко когда выбираю сознательно. Они приходят и хотят быть описанными, а я — только медиум, который перелагает их на бумагу. Иногда все начинается с имени, которое меня завораживает, иногда — с прочитанной статьи. Иногда что-то пишется само собой. Я не вполне контролирую это, труднее всего мне писать по заказу. Я чувствую себя как в корсете и вдруг чувствую, что мне нечего сказать.

— Под конец я хотел бы обратиться к финалу «Фокусника». Вы долго намекаете, что в книге будет хэппи-энд, а в последний момент иронически ставите его под вопрос. Откуда эта склонность к игре с читателем?

— Если бы меня попросили описать свое авторское кредо одним предложением, то я бы сказала, что ненавижу шаблоны и быстро начинаю скучать. Помню, будучи молоденькой девушкой, я сидела в гостях у одной из своих старших подруг и спросила ее робко, могу ли я в своем тексте использовать какой-то нетипичный ход. И услышала в ответ: «Писатель может все». Я очень благодарна ей за это.

— Чего вы боитесь как писатель?

— Самой себя. Я чрезвычайно критически отношусь к тому, что делаю. И, как я уже сказала, быстро начинаю скучать, что еще больше затрудняет работу. Тексты я редактирую бесконечно, а когда уже наконец все вычищу, то сражаюсь за них, как львица, и не разрешаю ничего менять. Иногда боюсь и своих собственных идей. Бывает, что темы, за которые я берусь, — «неудобные» и касаются событий, которые все в Германии

предпочли бы замолчать. Когда я начала работать над той книгой, которую пишу сейчас, даже мой муж — довольно суровый тип, может, в чем-то прототип комиссара Ковальского из «Фокусника» — сказал, что на этот раз я все-таки переборщила, и писать об этом небезопасно. В такие моменты я чувствую страх и одновременно автотерапевтическое желание немедленно этот страх преодолеть. Во время работы я иногда чувствую себя девочкой-подростком, которая, затаив дыхание, переходит в Берлине границу между Восточной и Западной Германией. Я не обязана была этого делать, но мне хотелось самой себе доказать, что я ни капли не боюсь гэдээровских пограничников. Я люблю меряться силами сама с собой, провоцировать, ставить перед собой сложные задачи. Неплохо также, когда кто-то скажет мне со стороны, что я не справлюсь. Знаете что? Когда я думаю о том, что я тут наговорила, то вижу сплошные противоречия — сразу видно, что я из Берлина.

odra
miesięcznik

-
1. Речь идет о 2015 годе, где в списке награжденных было 8 женщин. — Прим. пер.

Багаж прошлого

Магдалена Парыс (р. 1971) — польская писательница, с 1984 г живущая в Берлине. На сегодняшний день она опубликовала — не считая более коротких вещей — два романа, второй из которых, «Фокусник», был отмечен в 2015 г. Литературной премией Европейского союза. С самого начала критики — причем не только польские — высоко оценивали ее произведения, точно описывающие багаж коммунистического прошлого, с которым Германия после 1989 года, а с ней и другие страны, вступала в процесс трансформации.

Собственно, дебютом писательницы стал изданный в 2011 году роман «Туннель», заглавие которого не только отсылает к туннелю, прорытому между тогдашними Западным и Восточным Берлином, но и метафорически описывает переход от социализма к демократии. Процесс трансформации, который внешне как будто касался только бывшей Восточной Германии, на самом деле затронул и Запад. Огромным преимуществом романа становится отражение этого процесса, хотя многоголосое повествование «Туннеля» на первый взгляд сосредоточено на отдельных частных судьбах. Детальная, кружевная реконструкция порой неожиданных взаимоотношений между героями романа приоткрывает читателю сложную историю Германии после 1945 года, а также дает повод задуматься над символическим значением узла польско-немецких связей — Гданьска. Мы оказываемся в мире 80-х, на границе между Западом и Востоком. Все действие романа — а оно занимательно еще и тем, что восстанавливается в ходе своего рода следствия, в котором повествование представляет собой палимпсест накладывающихся друг на друга свидетельств об описываемых событиях, — раскрывает более или менее тайные отношения и связи героев с сетью спецслужб и учреждений, что не только прекрасно отражает реалии того времени, но и намекает на то, что старые связи и соотношения сил и сегодня играют серьезную роль в общественной жизни, поскольку скрываемые договоренности и отношения все еще влияют на поступки и жизнь героев.

Заголовок «Туннель» может быть прочитан еще и как метафора перехода из прошлого в будущее, выхода из коммунизма в новую действительность, которая представляет собой не просто смену системы: те, кто в нее вступает, несут с собой и в себе багаж былого опыта и груз пережитого, от которых

непросто избавиться. Они инфицированы, они переносят, часто не подозревая об этом, заразу. Их память — как живая, так и собранная в записях — опасна для тех, кто, устраивая себе удобную жизнь в новых реалиях, хочет скрыть свое прошлое. Но память опасна и для самих «переносчиков», о чем они часто не догадываются до тех пор, пока не сталкиваются с прошлым. Пока дело не доходит до конфликта с прошлым, они не знают, что именно они знают: им приходится докапываться, расследовать, внимательно присматриваться к тому, что было, чтобы понять, что важно сегодня. Но дело в том, что перемены и метаморфозы дальше уходят корнями в прошлое, коренятся в подобных процессах послевоенного времени, когда Германия разделилась и когда, как и полвека спустя, люди меняли свою идентичность, замазывая прошлое. Так что книга Парыс, пользуясь инструментарием детективного романа, передает меандры немецких (иногда переплетенных с польскими) судеб после 1945 года. Это не только интересное чтение, но и — а может быть, в первую очередь — повод задуматься над нередко скрытыми механизмами, управляющими историей, если понимать ее не абстрактно, а как естественную среду судеб конкретных людей, на первый взгляд не имеющих к большой истории никакого отношения.

Следующее произведение, «Фокусник», изданное в 2015 году — это своего рода продолжение первого романа, прежде всего, в плане повествования, который касается переноса коммунистического прошлого в мир, возникший после трансформации 1989 года, вдобавок прошлого преступного, скрываемого, но используемого в игре за обустройство новой действительности, что, конечно, рискованно, но дает ощущение силы, позволяя с циничной дистанции наблюдать за общественной, а особенно политической жизнью.

Действие происходит в далеком прошлом, во времена, когда граждане Восточной Германии (ГДР) всеми возможными способами, особенно после постройки Берлинской стены, пытались вырваться на Запад: конструировали дома воздушные шары, провозили людей в чемоданах и багажниках, рыли — о чем шла речь в предыдущем романе — туннели, наконец, убегали через зеленую границу, особенно там, где, как считалось, можно было найти слабое место в железном занавесе. В «Фокуснике» это слабое место — границы Болгарии, через которые можно было пробраться в тогдашнюю Югославию или в Турцию: попытки предпринимали не только немцы, но и поляки. Там же Штази, тайная полиция ГДР, устраивала засады на беженцев — по сегодняшним данным, в этих местах погибло около 100 человек. Так обстоит дело и в романе. В письме к дочери друга фотограф Герхард, ведущий частное расследование с целью выяснить обстоятельства

исчезновения коллеги, сообщает: «Дагуся, мне тяжело это писать: твоего отца, мужа твоей матери, моего друга, заманили на границу и там убили».

Можно сказать, что тогда существовал — малоизвестный, но реальный — «болгарский путь»: «Между тем, граница охранялась и была такой же коварной и труднопреодолимой, как граница Германий или берлинская граница. Франк считал, что там дело доходило даже до охоты на беженцев. Особенно немецких. Солдатам была обещана премия за поимку». И дальше: «За каждого застреленного немецкого беглеца — восемь тысяч восточных марок. Большие деньги». В романе Парыс перед нами прекрасная реконструкция этой «сделки», а кроме того, — рассказ о ее последствиях в современном обществе. Операция «Фокусник», которую проводила Штази (объясним еще раз молодым читателям — тайная полиция ГДР), все еще длится, незаметно влияет на судьбы людей, живущих уже в совершенно другом мире.

Это взаимопроникновение прошлого и настоящего, несомненно, одна из сильных сторон романа: повествователь намекает на то, что нам не понять сегодняшнего дня без знания скрываемых в труднодоступных тайных папках и неохотных признаниях свидетелей эпизодов коммунистической действительности, которая более или менее явно вписана в ход событий настоящего — хотя бы благодаря возможности шантажа участников с помощью раздобытых «крючков» из, казалось бы, давно минувшей эпохи.

В книге превалирует описание немецкой жизни, но есть и линия, касающаяся убитого отца Дагмары, в которой присутствует польский фон. Дагмара, живущая в Берлине немецкая журналистка, родом из Вроцлава. Во время одного из своих приездов в Польшу она организует на телевидении круглый стол с участием местных политиков. Это замечательная сцена: привычная к западным стандартам, определяющим принципы политических выступлений, героиня вдруг оказывается в провинциальной глуши: «Уже спустя три минуты она почувствовала разочарование от полнейшего невежества публичных политиков в том, что касается происходящего в мире, даже совсем недалеко, почти что под боком, в Европе, в той же Венгрии. Дальше и спрашивать страшно, даже стыдно».

В то же время ее удивляет градус ведущихся споров: «Уже потом, в самолете, она долго думала о том, каково это, когда все кричат, и учитываются только эмоции... (...) Как бы это было, останься они с мамой в Польше, если бы отец не погиб в отпуске в Болгарии, мама не сбежала бы с ней сразу после этого в Западный Берлин, как бы тогда было (...)» Столкновение

налаженной общественной жизни с польской эмоциональностью — которая, несмотря ни на что, кажется привлекательной в своей естественности и спонтанности — в этом эпизоде романа показано по-настоящему мастерски. Отталкивает местечковая провинциальность и зашоренность, но при этом очаровывает, во всяком случае трогает, непосредственность и стихийность. Кроме того, на втором плане появляются негативные эмоции по отношению к «немке», которая «поучает», что, понятное дело, недопустимо и возмутительно для тех самых «публичных политиков», которых «чужая», да еще и «швабская» журналистка призывает к порядку.

Произведения Парыс — это, прежде всего, романы-сенсации, прекрасно документированные и отлично написанные, но стоит поискать в них и чего-то большего, чем детективный сюжет — например, свидетельства о сложном процессе трансформации после 1989 года, о его специфике в Германии, а также описания универсальных механизмов, функционирующих на заднем плане посткоммунистической Европы, не только Восточной.

Фокусник

(отрывок из романа)

Она связалась со всеми, с кем только могла. Задействовала все свои каналы. Но фильма под названием «Забастовка» нигде не нашла. Человек, который много лет работал на «Свободной Европе», клялся, что ни о каком Бошевском в жизни не слышал.

Благодаря знакомому поляку, который тридцать лет вкалывал в архиве ZDF^[1], она перевернула все зарегистрированные в компьютерах и незарегистрированные — как оказалось, такие тоже еще существуют — архивы. Длинные ряды пожелтевших карточек в деревянных ящиках, которые она, будучи молодой журналисткой, перебирала с горящими глазами, спокойно стояли годами на том же месте. Ничего не изменилось. Она охотно сопровождала Герхарда, когда тот навещал своего коллегу в архиве телевидения. Потом приходила одна. Хотела все знать, все закутки и закоулки. В этом здании ее завораживала каждая деталь. Но на этот раз запах прошлого не рассеивал ее внимания — она пришла с конкретной целью. Она подозревала, что компьютерные базы данных, к которым у нее был свободный доступ, не исчерпывали интересующих ее тем. Архивист, выслушав Дагмару, заключил, что никогда не слышал о пленках с записями Герхарда 1980 года. Конечно, в архиве есть короткие фрагменты с забастовок в Гданьске, есть множество разных документов того времени, но точно нет ничего о Петре Бошевском. О Валенсе — есть, есть о Михнике, Ярузельском, но о каком-то Бошевском?

— Вы уверены? Я имею в виду только то, что снимал Герхард. Они стояли в одном из многочисленных хранилищ, от пола до потолка заполненных бесчисленными рядами пленок. В соседнем помещении громоздились полки с картотеками, которых как-то никто не спешил оцифровывать.

— Вы думаете, что я мог бы забыть о чем-то подобном? — Пожилой мужчина в допотопных очках был немного похож на муху, и фамилия у него была соответствующая — Мушинский. Она подняла на него вопросительный взгляд. Ей не хотелось его расстраивать, но, честно говоря, она считала, что еще как мог бы, даже наверняка забыл.

— Девочка, дорогая, — улыбнулся он кисло. — Я работаю здесь столько лет, сколько тебе сейчас. Пойдем, я поставлю чай!

У нее не было ни времени, ни желания пить чай, но она пошла. Герхард ценил Мушинского.

— Я эмигрировал из Щецина в 1975 году, — начал он свой рассказ несколько минут спустя, попивая чай из старого стакана, напоминающего тот, из которого тетя Веся пила чай во Вроцлаве.

— За пять лет до этого, в декабре тысяча девятьсот семидесятого года, мне было пятнадцать лет. Я шел домой из школы и совершенно случайно оказался в толпе бастующих рабочих судоверфи. Я видел горящий Воеводский комитет ПОРП^[2], штурм Воеводского комиссариата гражданской милиции, броневики и танки. Я был там, где стреляли, где гибли люди.

Он пил чай спокойно, как будто говорил об отпуске или о том, что снова пошел дождь.

— Самым молодым погибшим в той забастовке был пятнадцатилетний мальчик, товарищ моего брата.

Он замолчал и обвел взглядом картотеку, на фоне которой Дагмара увидела картину горящего здания полиции, бастующих судостроителей и мертвого мальчика.

Из горящего Щецина ее вырвал голос Мушинского.

— Я знаю каждый фильм Герхарда. Каждый! — повторил он с ударением. — Ты думаешь, что я бы не знал, будь у меня здесь такие записи? Я знаю тут каждый кадр периода «Солидарности», но Бошевского не знаю. А кто это?

— Мой отец.

— Отец? — он удивленно поднял брови.

Наверное, как большинство знакомых Герхарда, он думал, что Дагмара — его родная дочь.

Она немного рассказала ему о своем отце, о том, что Герхард его знал, о том, что он ездил в Свидник, в...

— В Свидник? — архивист почесал затылок. — Из Свидника у меня кое-что есть, но 1979 года!

— Есть?

То, что он принес ей в круглой пыльной коробке, удалось открыть лишь спустя несколько часов, благодаря помощи человека, который работал здесь уже только на четверть ставки. Он приехал, потому что Мушинский очень его просил.

— Когда-то я работал на полную ставку, потом на полставки, теперь на четверть, такие времена, — говорил он, снимая футляр с допотопного оборудования.

Пятнадцать минут камера показывала каких-то людей. Они кричали, бегали с польским флагом, с иконой Божьей Матери. Она потеряла надежду на то, что когда-нибудь сможет что-либо найти, что это верный путь. Вдруг из толпы появилось лицо отца. Он стоял на каких-то мешках у железнодорожных рельсов и кричал. Непонятно, что, потому что голос, едва

узнаваемый, терялся в реве и криках людей.

Это все.

Она сглотнула слюну и оперлась на холодную стену.

— Все в порядке? — спросил архивист, с беспокойством глядя на ее ошарашенное лицо. — Может, воды?

Лучше водки, — подумала она и упала на стул.

Это точно не тот фильм, о котором упоминал Герхард в дневнике. Тот был снят в Гданьске, а этот в Свиднике. И все равно она хотела его получить.

Архивист обещал, что самое позднее завтра-послезавтра даст ей копию, пусть она только подпишет эту бумагу, вот здесь. Она вышла с образом отца на изнанке век. Отец. Худой, уставший и как будто ниже ростом, чем тот, который был у нее в памяти. Она села в машину. Хотела позвонить Вальдемару, но не хватило сил. Поехала прямо на виллу Герхарда. Она все время возвращалась в его кабинет.

Зазвонил телефон. Вальдемар Чапески.

— Хорошо, что позвонила.

Она коротко и по делу рассказала ему, где была и что только что видела.

— Сейчас буду! — коротко ответил он.

Едва перешагнув через порог, он спросил:

— Зачем тебе этот фильм? — он был бледен, как труп.

— Как зачем, я хочу посмотреть, стоило ли из-за него умирать,

— ответила она возбужденно.

Чапески молчал.

— Ради кого умирать? — спросил он наконец.

— Ради фильма, — почти крикнула Дагмара.

Он попытался погладить ее по пылающей щеке, но она отвернулась.

У него не было сомнений, что он не может сказать ей, кто попался с этим проклятым фильмом на границе. Петр Бошевский с некоторого времени больше не верил морякам. Не верил никому.

А дело было так: совершить короткую поездку во Вроцлав уговорил его тогда Герхард. Он попросил Вальдемара, чтобы тот помог ему перевезти деньги для бастующих. Во Вроцлаве Вальдемар познакомился с отцом Дагмары — Бошевским. Он не отказал, когда тот попросил его кое-что для него сделать.

Вальдемар видел Петра Бошевского только раз в жизни, но не забыл потом никогда. Деньги удалось ввезти в Польшу. Эта контрабанда удалась; следующая, и последняя в его жизни — нет. Он попался на границе. Они подошли так, как будто уже ждали его. Обыскали и нашли пленку под твердой стенкой чемодана. Всего два дня он просидел на гэдээровской границе, всего два, его даже не тронули. У него забрали нечто гораздо более ценное — фильм, который Дагмара теперь так упорно

ищет.

Имея в руках копа из Западного Берлина, в те времена можно было что-нибудь получить, выторговать. О Вальдемаре Чапески пограничники ГДР знали все — в каком районе работает, кто его непосредственный начальник, с кем дружит, кто его соседи. Они говорили. Он молчал. Да никто его ни о чем и не спрашивал. У него было впечатление, что они знают больше него, мелкой сошки в какой-то игре.

Все произошло чрезвычайно быстро. Через два дня он уже был дома. Он заплатил за это многолетним карьерным застоем и множеством неприятностей. Год практически не работал.

Чапески с усилием сжал веки. На западной стороне это обошлось ему дороже, чем на восточной. Герхард умер, Бошевский убит, а он, Вальдемар Чапески, даже палкой не получил. Какие палки, палок на границе не было, ничего не было. С ним носились как с писаной торбой. Он понятия не имел, на кого его обменяли, кого потребовали за его освобождение. Ничего не знал.

Он никогда не скажет об этом Дагмаре. Никто никогда об этом не узнает. Он давно уже понял, что иногда в жизни лучше ложь, чем правда, гораздо лучше. Ложь не всегда так уж плоха. Он никогда не признается Дагмаре, что фильм, который ему не удалось провезти, скорее всего, стоил жизни ее отцу. Чем больше он об этом думал, тем возможнее ему это казалось.

Спящие демоны — угрызения совести за то, что он не выполнил задание — снова вернулись.

Он должен взять себя в руки. Дагмара и он должны взять себя в руки.

Перевод Анастасии Векшиной

-
1. Второй канал немецкого телевидения — Здесь и далее прим. пер.
  2. Польская объединенная рабочая партия.

Культурная хроника

Люди культуры — художники, писатели, артисты, продюсеры и организаторы культурных мероприятий, издатели, журналисты, ученые, общественные деятели — организовали в Варшаве трехдневный (с 7 по 9 октября) Конгресс культуры. Дискуссия, прошедшая во Дворце культуры и науки, касалась того, какая культура сегодня нужна Польше, как сохранить ее автономию, обеспечить свободу творчества, какое образование нужно детям и молодым людям, как уберечься от языка ненависти. Это была инициатива снизу, а программа Конгресса определилась демократически. Мероприятие обошлось без патроната министерства культуры и государственной поддержки (ни министр культуры, ни официальные представители ведомства культуры не приняли приглашения). Со всей страны в ответ на обращение организаторов поступило несколько сотен предложений по темам, которые деятели культуры посчитали ключевыми. Эти темы были распределены по 42 рабочим группам, так называемым секциям, и объединены в несколько блоков. Например, участники дискуссии «Пока мы не живы»^[1] обсуждали польскую гражданскую войну, разыгравшуюся в языке. Войну, которая «парализует общественную сферу в стране, отбрасывает назад в цивилизационном процессе и грозит маргинализацией в мире». Конгресс привлек свыше 2 тыс. участников, еще 2,5 тыс. человек следили за его работой он-лайн.

[1] «Póki nie żyjemy» — аллюзия на строку «póki my żyjemy» («пока мы живы») гимна Польши. — *Примеч. пер.*

Это был уже четвертый Конгресс культуры в новейшей истории Польши: первый, жестко оборванный введением военного положения, прошел в 1981 году, второй — в декабре 2000 года, третий, явившийся попыткой осмыслить двадцать лет польской свободы, состоялся в 2009 году.

К участникам Конгресса культуры обратилась с письмом проф. Мария Янион, выдающийся историк литературы, исследователь польского и мирового романтизма. В своем послании автор «Романтической лихорадки», в частности,

пишет: «Характеристики, которые давались предыдущим правительствам, при небольшой корректировке остаются актуальными. План Моравецкого — это модернизационная утопия XIX века, повторю: XIX века, позитивистская утопия. Ей сопутствует мощный регресс в сфере мифов, символов и ценностей. Грехом предыдущих властей была недооценка роли творцов и работников культуры. Сегодня мы видим реальный, централизованно запланированный поворот к культуре отмершего, эпигонского романтизма: канон стереотипов «веры и отечества» и Смоленск, как новый мессианский миф, должны объединить и утешить «униженных и оскорбленных» предыдущей властью. Сколь же непродуктивна и вредна доминирующая в Польше мартирологическая матрица! Скажу прямо: мессианство, а в особенности государственно-клерикальная его версия — это проклятие, гибель для Польши. Я всей душой ненавижу наше мессианство».

Литературная премия «Нике» попала в этом году в руки дебютантки Бронки Новицкой за сборник «Накормить камень». Председатель жюри Томаш Фиалковский так охарактеризовал книгу: «Сорок четыре выверенных в языковом плане, резких, как удар ножа, необычных образца поэтической прозы (...) складываются в повествование о вхождении ребенка, затем девочки в мир людей и вещей, о познании границ между различными способами бытия». Юбилейная, в двадцатый раз присуждавшаяся премия вызвала, однако, немало споров. В интернет-издании «Политики» Юстина Соболевская написала о «неправильном» и «худшем за все время» вердикте жюри «Нике». Петр Братковский (член жюри) защищал, разумеется, принятое решение: «Я поражен этой маленькой большой книгой, метафоричной и безукоризненно коммуникативной, блистательно жестокой». А вот фельетонист Ясь Капеля на страницах «Критики политической» резко атакует: «И в самом деле, членам жюри „Нике“ нынешнего года удалось невозможное. Среди массы интригующих, весомых и прекрасно написанных книг, изданных в 2015 году, они выбрали нечто абсолютно незначительное». И далее: «Если бы я догадался, что за написание такой книжки можно огрести сто тысяч, то писал бы такие каждый уикенд. Только неловко было бы публиковать. Жаль деревьев. Даже отправить в издательство постеснялся бы». Последнее слово, как всегда, за читателями, которые либо потянутся в книжные магазины за книгой, либо нет.

А «Нике» читателей «Газеты выборчей» получила Магдалена Гжебалковская за репортажную книгу «1945. Война и мир», в которой собраны свидетельства поколения участников Второй мировой войны. Репортажи касаются таких тем, как переселения, чистки, судьба еврейских сирот после Холокоста, послевоенное восстановление польских городов и катастрофа немецкого корабля «Густлофф». В анонсе издательства («Агора») отмечается, что «репортер предоставляет слово жертвам. Палачам тоже уделяет много места — особенно когда может благодаря этому показать, как после войны изменились роли и судьбы».

В нынешнем году двойным лауреатом литературной премии Центральной Европы «Ангелус» стал румынский писатель армянского происхождения Варужан Восканян за роман «Книга шепотов». Лауреата назвали 15 октября во время торжественной церемонии в музыкальном театре «Капитоль» во Вроцлаве. Эта же книга получила и читательскую премию им. Натальи Горбаневской. «Книга шепотов», вышедшая в издательстве «Ксёнжкове климаты» в переводе Иоанны Корнась-Варвас, посвящена геноциду армян, имевшему место в Османской империи в период с весны 1915 по осень 1916 года. «„Книга шепотов“ описывает, каким образом армяне уживаются со своей тягостной историей, — написал в рецензии Мацей Роберт. — Восканян сосредоточился, прежде всего, на тех армянских беженцах, которые с 20-х годов прошлого века начали прибывать в Румынию. Среди них были деды писателя — и вокруг их воспоминаний Восканян строит фабулу своей книги».

Лауреат «Ангелуса» получил 150 тыс. злотых, автор перевода — 20 тыс.

Белорусский писатель Макс Щур 12 октября был объявлен лауреатом присуждавшейся в пятый раз литературной премии им. Ежи Гедройца. Это премия белорусского ПЕН-клуба (при поддержке польского посольства в Минске) вручается за лучшую книгу на белорусском языке. Щур получил ее за роман «Закончить гештальт» («Завяршыць гештальт») — дневник путешествия «человека с фотоаппаратом» во времени и пространстве из Чехии в Голландию. Чек для победителя на

сумму 5 тыс. евро выставил польский «Идея Банк», работающий в Белоруссии.

В первый раз присуждена литературная премия Верхней Силезии «Юлиуш». Капитул признал лауреатом Малгожату Чинскую за биографическое эссе «Кобро. Прыжок в пространство», посвященное Катажине Кобро — скульптору, авангардной художнице, предвестнице модернизма, бурная судьба которой связана с большевистским переворотом. «Юлиуш» — это первая литературная премия, учрежденная в Верхней Силезии. Денежное содержание премии — 40 тыс. злотых. Она будет ежегодно присуждаться за лучшую книгу, написанную и изданную на польском языке в предшествующем премированию году.

17 октября мы узнали лауреатов премии им. Беаты Павляк за лучший польский репортаж. Премия ex aequo присуждена двум книгам о беженцах «Большой прилив» (об итальянском острове Лампедуза) Ярослава Миколаевского и «Зерно и кровь. Путешествие по следам ближневосточных христиан» Дариуша Росяка (о Сирии и Ираке). Александр Смоляр, председатель правления присуждающего премию Фонда им. Стефана Батория, сказал: «В этом тяжелом году, году беженцев, хотелось бы, чтобы наши политики обратились к этим книгам. Это глубоко христианские книги».

7 октября выдающийся польский поэт и эссеист Адам Загаевский получил в Пече, на юге Венгрии, Большую поэтическую премию имени поэта XV века Януса Панныуса (50 тыс. евро) присуждаемую венгерским ПЕН-клубом. «Мы решили, что духу премии соответствовало бы ее присуждение польскому творцу в год 90-летия венгерского ПЕН-клуба и 60-летия венгерской революции 1956 года», — сказал Польскому агентству печати ПАП генеральный секретарь ПЕН-клуба Иштван Турци.

На XLI кинофестивале в Гдыне (19–24 сентября) жюри под председательством Филипа Байона оценивало 16 фильмов, представленных на главный конкурс. Причем восемь названий — это дебюты, а девять фильмов созданы молодыми

режиссерами, родившимися в 80-х. Главную премию, «Золотых львов», получил дебютный фильм Яна П. Матушинского «Последняя семья», основанный на биографии художника Здислава Бексинского (Анджей Северин), его жены Зофьи (Александра Конечная) и их сына музыкального журналиста Томаша (Давид Огородник).

«Это не детективная драма об убийстве известного художника, который творил свои картины, словно воссоздавая кошмарный сон, исполненный смертельного страха, — написал в «Политике» Януш Врублевский. — Но и не реалистическая биография семейства невротиков. Бексинские в «Последней семье» предстают воплощением идеи, выходящей далеко за пределы повествования о жизни и творчестве необычного художника. Это экстремальный фильм об умирании, не оставляющий никаких надежд и иллюзий. Выдающееся произведение, неоднозначное, символическое, как проза Беккета, Кафки или Достоевского, который, пожалуй, первым написал об идее самоубийства как человеческой реализации».

«Серебряных львов» получил фильм «Мацея Пепшицы «Я убийца», триллер на основе истории «Вампира из Заглембе» — серийного убийцы 60-х годов.

Серьезное поражение на фестивале потерпела считавшаяся фаворитом картина Войцеха Смажовского «Волынь». Фильм получил лишь премии меньшего калибра — за грим, операторскую работу и лучший актерский дебют (Михалина Лабач). Вердикт жюри попытался скорректировать председатель правления Польского телевидения Яцек Курский присуждением Смажовскому специальной премии руководителя Польского ТВ (100 тыс. злотых), однако режиссер отказался принять ее.

Фильм «Волынь», обращенный к драматическим событиям волынской резни, вышел на экраны кинотеатров 7 октября и сразу поляризовал как публику, так и критику. Это повествование об истреблении поляков украинскими националистами с февраля 1943 по февраль 1944 года. Режиссер подчеркивал, что «это фильм отнюдь не о плохих украинцах, это прежде всего голос против крайнего национализма, показывающий, на что способен человек, вдохновленный некой идеологией, дающей ему позволение убивать». Он также стремился показать, что «дикость идет не с востока, а от человека». Критик Тадеуш Соболевский из «Газеты выборчей» считает, что «Волынь» — это большой фильм,

беспрецедентный в польском кино после 1989 года. «Картина не расследует, чья вина больше, не ведет ни к какому политическому выводу. Она дает целостный образ мира, в котором зло ищет для себя выход и находит его».

Однако именно в политическом плане трактуют фильм Смажовского Каролина Вигура и Ярослав Куиш из «Критики политической». В статье «Волынь. Китч зла» они пишут: «Показанные в „Волыни“ украинцы выкрикивают: „Слава Украине! Героям слава!“. У молодого поколения поляков, которые вместе с украинцами скандировали те же лозунги, поддерживая киевский Майдан, это отнимает спонтанный язык единения, который родился во время мирных революций 2004 и 2014 годов». Поэтому, по мнению авторов, утверждение, что фильм должен способствовать польско-украинскому единству, звучит как грустная шутка. «Лишенный современного контекста, фильм в нынешней исторической и политической ситуации — нечто совершенно ненужное. (...) Это скверная дань жертвам. А вот вредная ли — будет зависеть от реакции зрителей».

Популярный актер Януш Гайос, незабываемый Янек Кос из сериала «Четыре танкиста и собака», исполнитель многих замечательных ролей в театре и кино, был отмечен степенью почетного доктора Лодзинской высшей киношколы. Соответствующая церемония состоялась 7 октября во время традиционного торжественного празднования начала учебного года.

В Познани с 8 по 23 октября прошел XV конкурс скрипачей им. Генрика Венявского. В этом престижном музыкальном состязании участвовали 40 музыкантов со всего мира, в том числе девять польских. В финальный, четвертый тур прошла польская скрипачка Мария Влощовская. Почетным председателем жюри, состоявшем из 14 членов, был в нынешнем году Кшиштоф Пендерецкий, а председателем — Максим Венгеров, уроженец Новосибирска, выдающийся российский скрипач, эмигрировавший в Израиль. На отборочное прослушивание пришли заявки от 250 молодых исполнителей из 40 стран. Венгеров всех слушал лично. Общий премиальный фонд конкурса составил 100 тыс. евро.

Премьеру «Евгения Онегина» Петра Чайковского в постановке Павла Шкота подготовил Большой театр в Лодзи (29 октября). Партии исполняются на языке оригинала, то есть по-русски. Согласно постановочной концепции режиссера, спектакль разворачивается как ретроспекция — воспоминания старого Онегина, который мысленно возвращается во времена молодости. В истории лодзинской оперной сцены это уже третья постановка «Онегина»: ранее опера шла в постановках Мацея Пруса (1983) и Веслава Охмана (2008).

18 октября на стене Collegium Novum Университета Адама Мицкевича в Познани появился мурал памяти Станислава Баранчака. Поэт смотрит со стены на прохожих, запуская бумажный самолетик с начертанной на нем строкой стихотворения «А так немного не хватало». Мурал открыт к 70-летию со дня рождения Баранчака (поэт родился в Познани в 1946 году) и приурочен к празднованию 40-летия Комитета защиты рабочих, одним из основателей которого был автор знаменательного сборника стихов «Я знаю, что это неправильно».

Прощания

9 октября в Варшаве умер Анджей Вайда, режиссер театра и кино, создатель польской школы кинематографа, один из крупнейших мастеров в истории мирового кино, обладатель «Золотой пальмовой ветви» и «Оскара» за совокупность творчества (2000). В таких картинах, как «Канал» и «Пепел и алмаз», он подводил итог Второй мировой войны. Вайда — один из основоположников кино морального беспокойства («Без анестезии»). В «Человеке из мрамора» и «Человеке из железа» он показал серость и патологии жизни во времена ПНР и зарождение «Солидарности». Экранизировал также литературные произведения: «Пепел», «Свадьбу», «Березняк», «Барышень из Вилько», «Пана Тадеуша». Один из общепризнанных его режиссерских шедевров — «Земля обетованная» по роману Реймонта. Снял «Катынь», а также фильм «Валенса. Человек из надежды».

— В его фильмах отражается история Польши. Это история страха, надежды, веры, гибели многих польских поколений, — сказал о режиссере писатель Януш Гловацкий.

Последний фильм Вайды, «Послеобразы», о Владиславе Стшеминском, авангардном художнике, который противопоставил себя доктрине социалистического реализма и был уничтожен коммунистической властью, в этом году был избран польским претендентом на «Оскар».

Анджей Вайда нашел упокоение в Кракове на Сальваторском кладбище. Ему было 90 лет.

13 октября в возрасте 82 лет умер Анджей Копичинский, популярный актер театра и кино, известный, прежде всего, по роли инженера Стефана Карвовского в сериале «Сорокалетний» (реж. Ежи Груза). Сериал, выпущенный Польским телевидением во времена Эдварда Герека, метко отразил реалии повседневной жизни, действительности ПНР, а также характерную для режима того времени «пропаганду успеха». Копичинский возвращался к этой роли еще дважды: в 1976 году в фильме Ежи Грузы «Я мотылек, или Роман сорокалетнего» и в 1993 году в сериале «Сорокалетний 20 лет спустя».

-
1. «Róki nie żyjemy» — аллюзия на строку «róki my żyjemy» («пока мы живы») гимна Польши. — *Примеч. пер.*

Войцех Касс

Стихотворения

Войцех Касс (Фото: А. Яжембовская)

Песнь умиротворения

Скоро мне сорок шесть
И только сейчас я чувствую эту волну,
что наполняет меня и качает:

тишина, монастырский покой,
заросли иван-чая.

Кто же так нежно смотрит,

незримой рукой меня обнимает?
Кому знакома печальная радость
глубокого, как подземелье, взгляда?

Сегодня я мог бы, и вправду мог бы,
встретить Смерть,
сегодня я мог бы
уйти вместе с ней,
покинув земную твердь —

туда, где за белой корой березы
горят смолы золотые слезы,
уйти бы спокойно
по склону.

Глаза ее светятся, тихо мерцают,
тускнеют и, как лепестки, опадают

туда, где рассыпали краски
ромашки, ирисы,
анютины глазки.

Песнь Весолека^[1]

Ежи Маркушевскому

Чаша озера вдруг переполнилась солнечной пылью,
отразив облака, заплутавшие в синих ветрах,
словно урну и флягу с виски мы в небе похоронили.
Что за вода бережно примет твой прах?

Посреди ноября мы идем через лес сосновый,
тонкий пруттик в руках легок, как сладкий сон.
Две лампы в корзинке, свеча. На устах — ни слова.
Что за место ты выбрал для собственных похорон?

Сын мой бросает ветки в озеро то и дело,
зыбкую рябь осеннюю режут они, как ножи.
Да станет святой водой роса на камнях замшелых.
Что за могила тебя выбрала, расскажи?

По дороге назад, то грустя, то смеясь чему-то,
мы грибов наберем и увидим, взглянув наверх —
облака заблудились в синих провалах мутных.
Что за земля упокоит тебя навек?

2008-2009-2010

Збигневу Фалтыновичу

Ты спрашивал, как живется средь наших холмов поэту?
Прибавилось седины, простреливает в бедре,
но с просеки я принес вязанку дневного света,
и стало добрей и тише в уютной моей норе.

Вот и октябрь. Деревья уже оплело барокко,
готовя их к скорой смерти, да так, что и не вздохнуть.
Я слышу, как падают желуди, слышу, как одинокая
белка в ветвях черемухи прокладывает свой путь.

И далекий девичий смех, по дороге сюда потерянный,
словно соткан из эха, тумана и темных озерных вод.
Это смеется не наше время, это с третьего берега
доносится к нам отголосок совершенно иных широт.

Тебе интересно, меняет ли окраску «Зеленый гусь»,
бывают ли его перья цвета листвы в июле?
Но я лишь пастух этой птицы, поэтому не берусь
шутить по такому поводу, пока меня не турнули.

Как там моя хандра? С кем бы сравнить ее –
с жабой болотной, с рыбой, чье брюхо белее мела?
Стало фабрикой Молоха здешнее наше житье.
Город, само собой — совершенно другое дело.

Бывает, стихотворение вырастет, словно ветка,
и остается в пейзаже, и пусть у него нет рук,
но держит оно меня в этой юдоли ветхой,
и только в зеленом взгляде его мелькает порой испуг.

Может быть, помнит мальчика, сидящего на пороге
большого дома. А мальчик оставил своих друзей
и снаряжает удочку, наблюдая полет сороки,
которую обгоняет быстрый воздушный змей.

Я вижу внизу долину, деревню у самого края,
черемуху и жасмин, замершую траву.
Здесь хорошо умирать, подумал я, и не знаю –
спал ли я, думая так? Думал ли наяву?

Да, хорошо, повторяю, звуча то смешно, то строго,

то как рожок пастуший, то как флейта. Что ж, не беда,
когда спокойно уходишь, и есть лишь одна дорога,
а выбора нет, и не нужно метаться туда-сюда.

Приехал Л., мы выпили пива. Был август, звенел кузнечик.
«Люди мельчают, увы, рабство у них в крови, —
выдавил Л. на прощание. — Но тебе беспокоиться нечего,
видно, что ты свободен. Только так и живи».

Я не свободен. Тем более, не готов,
спустившись в эту долину, спокойно сказать: «Прощаю».
(Взгляни, как кривые рожи насмешников и шутов
хохочут над самыми сложными событиями и вещами).

Пусть подождут долина, деревня и спуск крутой,
и, словно в стеклянном шаре, пороша.
Что высматривал мальчик за той далекой межей?
Свистит кулик перепуганный в траве некошенной.

Голову выше держи, пока деревья твои
медленно облетают, и листья проносятся мимо.
Свобода — только в смирении и любви.
Трудно жить с этим знанием, но иногда — терпимо.

Пране, 3-5.10.2012

Песнь моря

Кто-то с утра сегодня жарит бекон возле дома
и в магазине на пол падает белый хлеб —
всё это, однако, без разницы здешнему пляжу пустому.

Кто-то смотрится в зеркало, думая «Я — поэт»,
книжки листает свои, людей за людей не считая,
но синему морю до этого дела, конечно, нет.

Кто-то глубокие мысли высказывает резонно,
на берегу с поводка спущен огромный пес —
но что это значит для долгой линии горизонта?

На красную нить сюжета я надеваю слова,
и то же делаешь ты, и дым, и ветви, и птицы,
но к этому равнодушна холодных глубин синева.

Сопот, 25.11.2011

Так спрятался, что не можешь себя найти

Когда тебя утомит деконструкция, возвращайся в лес,
и ты отыщешь свой голос. Я переключу приемник с делирики
на лирику,
вырежу из сердца твоего пропаганду. Сэкономишь время,
опустившись на реку на рассвете.

Послушай, о чем мечтает мой сын: он хочет, чтобы у него был
свой сад, где
бы он выращивал капусту и морковь, разводил изумрудных
бабочек и кроликов,
которых он потом выпустит в лес.

Выкидыш латыни, глухомань заселит твою строку и наполнит
голос.
На каком языке будем мы говорить, на каком будем думать?

*

*С самолета ночью видны города, которые светятся, словно святые
дары.*

*Я увидел улицы Пиша, с которых поэты забрали свет,
что порошит из пустого в порожнее. Наступил темный рассвет,
настало утро раздавленных колесами кошек.*

Зачем я пишу? Чтобы не забыть того, о чем должен был написать.
Всё, что мне нужно, это чутко улавливать исчезновение — то,
что исчезает,
по-прежнему длится во мне и требует хотя бы мерцающего
тумана.

*

Ты сидишь, сгорбившись, на кухне между холодной печкой
и раковиной, слушаешь электрические тамтамы, сжимаешь
пальцами
рюмку, бормочешь: я живу, я живу. Ирония — это нехватка
любви,
а алкоголь похищает сердца любовников.

Выйди из этого онтологического диспансера, трупгорода —
на что покойнику завтрак? Поиграем в поджигателей
туч, для этого нужен огонь в венах и настоящий закат.

*

Память тех, кто младше меня, не длиннее, чем спичка, которую
Барби бросила из кабриолета цвета розовый металлик на
автостраду.
Мертвые сказали мне, что предпочитают память хризантемам.

*

Ты переключаешь телепрограммы, бродишь по интернету,
не смешно ли искать себя в этой сплошной пустоте?
Истинное присутствие не нуждается в криках «ура».

Не делай вид, что нам безразличен лежащий в траве кирпич,
который хочет быть домом, башней, вокзалом, собором.
По архитектуре слов ты узнаешь своих — смеются руины.

*

Я могу курить еще больше, ходить от стены к стене, от окна к
окну,
но мне нельзя отводить взгляд от пейзажа. Лиса пробежала,
словно полоска октябрьского света. Ревет олень.
Это олень ревет так лирично.

Когда я один, всё ладится, мешает лишь одиночество.
Когда я с людьми, всё, кроме них, летит к черту.
Молодым я вещаю об экономике поэзии, о том, как ложатся
кирпич к кирпичу, слово к слову.

*

О, терпения! ведь это первая заповедь
наведения порядка. Эй, ковбой без лассо, рыбаки без сети, лодка
без
весла, помни: жизнь — не хрусталь, а кровь. У нее вкус отрепья
и падали,
как было отлично известно Бодлеру.

Милош возвращался в Красногруду, чтобы присягнуть на
верность
мальчику, который в нем еще жил. Чтобы встретиться с ним
на границе парка и озера — вымокший до нитки подросток и
старик,
рисующий тростью знаки на воде.

*

Мою усталость снимает мальчик во мне, сил придают
его большие глаза. И хоть бы он плакал во мраке двора, внутри
заплетающегося языка улицы — он будет моим свидетелем.
Я сберегу время, опускаясь на реку на рассвете.
Я вдыхаю запах твоих волос, жена моя, и засыпаю,
как ребенок. Я вдыхаю миазмы этого мира и верчусь в постели,
словно генератор, не дающий света. Я скажу, скажу тебе что-то,
ошеломленный последним своим оборотом.

Пране, 21.05.2007

Интермеццо

Что было открыто,
а что такого
было открыто,
но снова закрыто?

Что было ясным,
а что такого
было ясным,
но стало темным?

Закрытое, темное
нынче при деле,
открытое, ясное —
на панели.

2015

Перевод Игоря Белова

Поэт и эссеист Войцех Касс, родившийся в 1964 г. в Гдыне, с 1997 г. работает в музее Константы Ильдефонса Галчинского в Пране на Мазурах. Автор книги о связях Чеслава Милоша и его семьи с Сопотом «Все мои давно умерли» (1996), а также сборника эссе «Лопнувшие струны целостности. Вокруг Константы Ильдефонса Галчинского» (2004). Опубликовал сборники стихов: «К свету» (1999), «Олень Торвальдсена» (2000), за который получил премию им. Казимеры Иллакович и премию Литературной ассоциации г. Сувалки, «Пороша и стирка» (2002), «10 Gedichte aus Masurenland» (2003, сборник стихов на польском и немецком языках), «Прилив тени»

(2004), «Звезда Боярышник» (2005), «Песнь любви, песнь опыта» (совместно с Кшиштофом Кучковским) (2006), «Водовороты и сны» (2008) и «41» (2010). В 2012 вышла его книга «Сорок один. Стихи и голоса» (сост. и ред.

З. Фалтыновича), куда вошли песни из сборника «41», дневник поэта, охватывающий период их написания, комментарии критиков и историков литературы, относящиеся к предыдущей книге, а также новые стихи. Войцех Касс состоит в Ассоциации польских писателей и ПЕН-клубе, являлся стипендиатом Министерства культуры и национального наследия (2002, 2008). Входит в состав редакции литературного журнала «Топос». Награжден премией «Новая округа поэтов» за поэтические достижения (2004), бронзовой медалью за заслуги перед культурой «Gloria Artis», премией мэра Сопота «Сопотская муза» (2011). Его стихи переведены на немецкий, английский, итальянский, испанский, литовский, чешский, словенский, сербский и болгарский языки. Недавно вышли его книги: «Ба! И двадцать одно стихотворение» (2014, поэма «Ба!» опубликована в «Новой Польше», 2014, №12), «Простор. Время» (2015) и сборник стихотворений «Поцелуй свет» (2016).

-
1. Весолек – озеро недалеко от лесной сторожки Пране в Пиской пуце. Кроме того, по-польски «wesolek» – это весельчак, зубоскал.

Выписки из культурной периодики

Эта информация поступила ко мне не из прессы, а из интернета: согласно данным Pew Research Center — организации, исследующей соблюдение прав человека, Польша в 2015 году заняла второе место, после США, в области свободы слова. То есть подтверждаются слова тех политиков, которые подчеркивали, что в этом отношении наша страна придерживается самых высоких стандартов. Имея в виду достигнутый результат, я буду с большим интересом ждать данных, касающихся потихоньку завершающегося 2016 года. Глядишь, нам, наконец, в какой-то сфере удастся не только догнать, но и перегнать Америку.

А пока что, пользуясь этой свободой, я принялся за чтение интервью, которое дал еженедельнику «Ньюсуик» известный прозаик и литературовед Стефан Хвин. Беседа озаглавлена «Латентное бешенство» и является, в частности, попыткой охарактеризовать атмосферу общественно-политической жизни в Польше, которая после победы на выборах «Права и справедливости» претерпела довольно серьезные изменения. Писатель прежде всего обращает внимание на тот факт, что правящая сегодня команда одержала победу, сыграв на комплексе «младшего брата», которым часть поляков страдает по отношению к Евросоюзу: «Как-то в Германии ко мне подошел пожилой господин, поблагодарил за авторскую встречу, похвалил Польшу за то, что страна хорошо развивается, и добавил: теперь мы еще должны помочь вам построить настоящую демократию. Я подумал: пардон, значит, мы сами не сумеем построить демократическое государство? Часть поляков воспринимает европейские дотации как благотворительную помощь старшего брата младшему, которому в жизни не повезло, и надо как-то ему построить ванную, чтобы у него было где помыться и чуть-чуть цивилизоваться. Такой сорт патернализма может раздражать. <...> ПиС хочет построить самоопределение Польши на враждебности по отношению к реальному Европейскому союзу, в который мы добровольно вступили».

Это ситуация не нова. В Западной Европе, а особенно в Германии, все еще можно встретиться с сильными

антиамериканскими установками, которые после Второй мировой войны сформировались из-за комплексов, связанных как с военной помощью США в процессе ее оказания, так и с экономической помощью (прежде всего, планом Маршалла), благодаря которой западная часть континента смогла сравнительно быстро встать на ноги, но это закончилось также и своего рода доминированием США, выразившемся в формировании структур НАТО. Да, членство в НАТО было добровольным, но, учитывая мощь партнера, означало признание собственной слабости, что никогда приятным не бывает.

Точно так же людей раздражает своеобразный патернализм отечественных интеллектуально-политических элит, приверженных модели либеральной демократии. Говоря о состоявшемся в октябре общественном Конгрессе культуры, Стефан Хвин подчеркивает: «Когда я слышу на Конгрессе о необходимости очередных проектов модернизации и о том, каким образом просвещенная элита должна преобразовать народ, чтобы тот полюбил либеральную демократию, то я симпатизирую такому подходу, потому как хотел бы, чтобы народ был немного иным, чем сейчас. Но я также знаю, что элита, которая становится в такую менторски-снисходительную позу, никогда не выиграет выборы. <...> «Гражданская платформа» допустила ошибку, поскольку полагала, что общество воспринимает исключительно рациональные аргументы. Они исключили эмоциональный фактор в политике, что лишило их политической агентивности. Не сумели выработать собственных действенных символов. <...> ПиС понимает эмоциональную природу политики, умеет играть на настроениях. Один из главных вызовов сегодня — как, опираясь на рациональную политическую программу, все же найти эмоциональную подачу. Вдобавок на языке поп-культуры. Трудное дело». Это точное наблюдение, не являющееся, впрочем, исключительно открытием Хвина. Сравнительно недавно в одном из своих эссе выдающийся политолог Мартин Круль писал, что нельзя забывать об иррациональном факторе, влияющем на формирование тех или иных позиций. Нетрудно привести примеры стимулирования политических эмоций посредством пробуждения ресентимента или активизации комплексов.

Подробнее о созванном под лозунгом «Соберемся вместе» и организованном как гражданская инициатива Конгрессе культуры, привлечшем свыше тысячи участников со всей Польши (среди которых отсутствовал приглашенный творческой интеллигенцией министр культуры), можно

прочитать в статье Петра Косевского «Конгресс многих культур» на страницах еженедельника «Тыгодник повсехный» (№ 42/2016). Путем голосования по присланным предложениям было организовано более 40 тематических секций: «Конгресс стал неповторимым случаем увидеть как в капле воды, сколь разнородные формы принимает сегодня культура и какие с этим связаны проблемы. А также был возможностью для дискуссии, подчас весьма критичной, о правлении прежней команды и даже обо всей последней четверти века. Список претензий к правлению коалиции «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ обширен: от подхода к проблемам общественных СМИ, отсутствия законов, регулирующих книгоиздательский рынок, до размера зарплат в учреждениях культуры или отсутствия социальных гарантий представителям творческих профессий». Указав на отсутствие представителей министерства, автор далее пишет: «Но среди отсутствующих были, может быть, еще более важные лица — представители широко понимаемых консервативных и правых кругов (за единичными исключениями). Можно, конечно, сказать: они сами себя исключили. Среди приславших предложения с темами дискуссий Конгресса не было представителей этих кругов. Такое отсутствие имеет свои последствия: не было столкновения разных мнений, в том числе не было голосов, поддерживающих нынешние перемены. Подобные мнения могли бы сыграть существенную роль, поскольку наиболее, пожалуй, серьезные вопросы, которые поднимались в ходе дискуссий Конгресса, касались причин нынешних резких общественных размежеваний, споров о национальной идентичности и коллективных моделях. Ощущения, что начинается процесс исключения целых групп, взглядов, позиций».

Стоило бы при этом подчеркнуть, что такое исключение имеет двусторонний характер, а отсутствие пространства диалога еще больше углубляет существующие размежевания. Можно сказать, что заблокированы все каналы передачи информации между консервативной средой и сторонниками модернизации. О самой работе Конгресса Косевский пишет: «Дефицит уважения — это относится ко многим группам. Поэтому мы должны предпринять эгалитаристские усилия, добиться исправления взаимоотношений между общественной и рыночной сферами. Хуже всего, что „мы друг друга не понимаем. У нас проблема с пониманием аргументов другой стороны“, — подчеркивал писатель и публицист Ежи Сосновский. Вместо разговора появляется символическое насилие. „Либерализм оставил в стороне проблему идентичности и проблему общности“, — сказал Михал Бони

[бывший министром в правительстве Дональда Туска]. Мы не подумали, что необходимы условия для того, чтобы граждане могли „построить себе идентичность”. Полагали, „что это просто возникнет. Но чтобы восстановить диалог, необходимо что-то более основательное”, — настаивал Михал Лучевский, социолог, заместитель директора Центра мысли Иоанна Павла II. Нужно заметить другую сторону и увидеть в ней человека. „Необходимо уйти от искушения девальвировать оппонента и суметь разглядеть в нем ресентимент, таящийся в каждом из нас”». И, наконец, автор подчеркивает: «Хотя в дебатах на большом Конгрессе отсутствовали адресаты культуры, именно они оказались в самом центре внимания. 60% населения не посещает никакой культурной институции. Только 38% посещает библиотеки, 29% — музеи, 25% — театры, а 19% — галереи. „Для большинства поляков институции культуры сегодня не нужны. Они ими не пользуются”, — отмечал социолог Марек Краевский». Трудно в таких обстоятельствах не поддаться искушению и не отнести к сфере чудес тот факт, что символическое насилие пока еще не переродилось в насилие совершенно иной природы.

Можно задуматься над тем, насколько нынешнее положение вещей в польском обществе — размежевание которого можно определять самым разным образом: как культурное, религиозное, политическое — это следствие одного лишь события или же результат процесса, в котором мы участвуем с 1989 года и который нельзя свести к одной лишь трансформации общественного строя, хотя, несомненно, трансформация была его катализатором. Этими вопросами задавался литературовед Пшемислав Чаплинский в книге «Сдвинутая карта», в которой, основываясь на материале прозы самых последних лет, ученый старается уловить смысл происходящих метаморфоз. Он говорит об этом в интервью, опубликованном под заголовком «Выселение из карты» в еженедельнике «Тыгодник повсехный» (№ 40/2016). Отвечая на вопрос о местоположении Польши, Чаплинский заявляет: «Скажу так: она не там, где располагалась до сих пор. Изменение места означает не изменение координат, а расплывчатость, нарушение или разрыв связей с культурами-соседями. Мы сейчас в процессе беспрецедентного выселения с прежней карты, хотя цель и направление этого выселения пока еще непонятны. Иначе говоря, мы живем уже где-то в другом месте не потому, что изменилась Польша, но потому, что радикальному изменению подверглось наше присутствие в более крупных образованиях, к которым мы до сих пор принадлежали. <...> В принципе, они определяются по географическим направлениям. То есть мы говорим

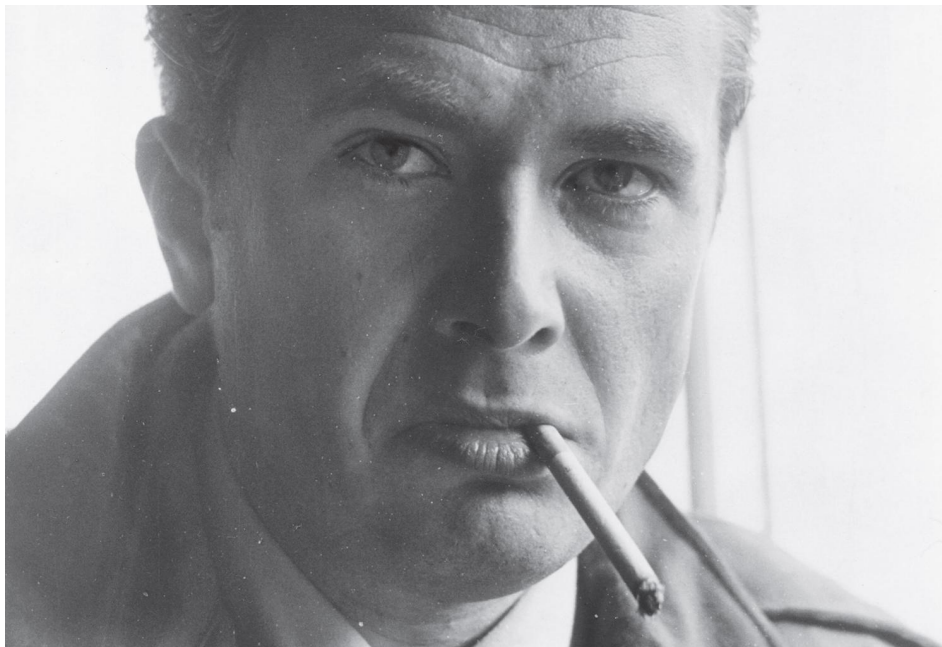
о Восточной, Центральной, Западной Европе или о так называемом Севере. Если хотите поразмышлять об этих сообществах, то лучше себе представить не столько прочные группы государств, сколько гравитационные поля разной силы притяжения — силы, независимой от тел и связей между ними. Неодинакова их историческая устойчивость, как и наше присутствие в каждой из них».

Характеризуя восточное направление, Чаплинский говорит: «В расчёт берется побратимство с Украиной, Беларусью, Литвой, а также — страшно сказать! — с Россией. Самым кратким образом то, что произошло в течение последней четверти века, можно свести к утверждению: Сенкевич победил Гедройца. Редактор „Культуры“ был поборником добрых отношений с близкими соседями. Поддерживать Украину, Белоруссию и Литву означало укреплять буферную зону, отделяющую нас от России. Это был план иного решения польского присутствия на оси Восток–Запад. Идея Гедройца основывалась на том, чтобы удаляться от России не посредством иллюзорного сближения с Западом, а отмежевываясь от нее поясом, образованным связанными друг с другом государствами». Тем не менее «фантомы и травмы оказались сильнее истины: Литву втянули в дипломатические бои за признание прав польского меньшинства, Белоруссию оставили на произвол судьбы, а Украина в идеологическом дискурсе правых превратилась в источник польских претензий на роль невинной жертвы. Завет „Культуры“ был выполнен в наиболее уродливой версии: мы отгородились от России не из-за усиления восточных соседей, а за счет того, что затеваем с ними символические войны. На восток от Польши снова начинают простираться Дикие Поля в том смысле, что, вопреки отчаянным усилиям культуры, политики расширяют нарратив XIX века». Литература же, в отличие от политиков, избрала направление модернизации: «Например, польские тексты, касающиеся Украины, прежде всего подчеркивали сходство между обеими странами, обществами и культурами. Эта аналогия служила преодолению колониального наследия, то есть пониманию, что поляки присутствовали на украинских землях с XVII по XX век в роли гегемона, который блокировал возможность развития коренного общества и низводил Украину до рабского положения. В этом контексте весьма необычным кажется то, что именно с украинской стороны был выдвинут проект возрождения сарматизма — в национальном и постколониальном духе — как культуры, общей для народов, населявших прежде просторы шляхетской Речи Посполитой». Что же касается России, то «Россия — это переполненный склад

всего, чего мы не замечаем у себя и чего не хотим о себе знать. (...) Без нее, без этой суммы различий, мы бы не смогли доказать нашей принадлежности к Западу. Мы конструируем Восток и пытаемся затолкать туда все, что не-западное. Они дикие, а мы цивилизованные, они — это Азия, а мы — Европа, они — это авторитаризм и фанатично националистический строй, а мы — демократия и общество... Вот именно... И здесь пластинку различий уже заедает. <...> Писатели, к счастью, не довольствуются такой банальностью».

Проблема еще более осложняется, если обратить внимание, что отдалению от Востока сопутствует отдаление от Запада. Отказ от претензий вести активную политику на Востоке сопровождается наступлением на Запад, чему доказательство — заявления лидеров правящей в Польше команды о стремлении пересмотреть или даже изменить основополагающие акты Европейского союза.

Красивый, двадцатилетний

Мареk Хласко (Фото: East News)

После кинопортретов Анджея Бурсы и Тадеуша Конвицкого я решил снять еще один фильм — об идолe моей юности Мареке Хласко. Весьма энергично принялся за работу. Начал продумывать форму и структуру будущего фильма. Жизнь Хласко была хоть и короткой, но сложной, чрезвычайно запутанной и изобилующей событиями, а я мог сделать только короткий фильм, теоретически предназначенный для кинопроката. Так что с самого начала было ясно — снимать надо не фильм-биографию, а, скорее, эскиз к портрету автора «Первого шага в облаках». Тогда же я решил, что главными героинями станут две женщины — мать Хласко и Агнешка Осецкая, предмет одной из множества его бурных и мимолетных страстей. Обычно, готовясь к съемкам, я «повторяю» для себя творчество того, кто оказался объектом моего интереса. Перечитав «Грязные поступки», я увидел, что произведение это неудачное, просто-таки китч, и все же книга меня тронула, в буквальном смысле, до слез. Я также посмотрел фильмы, снятые по текстам Хласко. И лишь «Базу мертвых людей» Эвы и Чеслава Петельских нашел более-менее сносной. Да, дребедень, но все-таки смотреть можно. А вот «Петля» Войцеха Хаса показалась мне совершенно неудобоваримой. Я считаю, что выдающийся режиссер сделал ошибку, взяв на роль Кубы Густава Холоубека. Его интерпретация героя была,

с моей точки зрения, крайне театральной, претенциозной, вычурной, глубоко противоречащей как букве, так и духу текста Марека Хласко. Что уж говорить о фильме «Восьмой день недели». Сам автор рассказа так оценивал произведение Александра Форда:

«Восьмой день — плохой рассказ, но из него можно было сделать хороший фильм. Только фильмы нужно уметь делать. Форд, который Варшаву видел исключительно из окна автомобиля, перенес действие фильма в центр города: Агнешка бродит по пряничным улочкам, на которых расставлены статисты — те, в свою очередь, изображают пристающих к девушке люмпен-пролетариев. В этом рассказе (...) для меня было важно одно: девушка, которая видит повсюду вокруг грязь и мерзость, мечтает для себя и возлюбленного лишь о красивом начале их любви, о большем и речи нет. А Форд снял фильм о том, что людям негде потрахаться, что, разумеется, неправда — трахаться можно где угодно».

Отдельная проблема — архивные материалы, связанные с фигурой самого Марека Хласко. Готовясь к съемкам, я нашел в архиве Польского радио лишь два интервью с ним. Одно — 1957 года, после получения премии за дебютный сборник «Первый шаг в облаках», второе взяли у него по телефону уже после его отъезда из Польши, в 1958 году. Еще в архиве Киностудии документальных фильмов я обнаружил два выпуска Польской кинохроники — с большим репортажем о вручении Хласко Литературной премии издателей и материалами со съемочной площадки фильма «Восьмой день недели». Кроме того, оказалось, что существуют никогда не использовавшиеся архивные материалы о похоронах писателя в Висбадене.

«Красивый, двадцатилетний», как и два моих предыдущих фильма, имеет «полифоническую» структуру, состоит из множества разнородных элементов. Своего рода драматургический костяк фильма — фрагменты моих бесед с Марией Хласко и Агнешкой Осецкой. Кроме них в фильме говорит только писатель Богдан Чешко. Еще одна составляющая фильма — фотографии Марека Хласко в разные периоды его жизни, главным образом, из семейных архивов матери и Агнешки Осецкой. Важную роль играют также современные киноматериалы: съемки Варшавы — тех мест, которые были связаны с жизнью и творчеством Марека Хласко, и городка Казимеж-Дольный — последний послужил фоном для рассказа Агнешки Осецкой об их любовных перипетиях. Есть также сцена посещения обеими героинями варшавского кладбища

Старые Повонзки, могилы писателя, на которой видна сделанная матерью надпись: «Он жил недолго, а все отвернулись от него». Наконец элемент, возможно, самый главный — польские и зарубежные архивные киноматериалы. Разнообразные материалы польских архивов лаконично, сжато и выразительно рассказывали об истории ПНР, а зарубежные аналогичным образом повествовали о важных и не очень важных событиях, которыми в пятидесятые–шестидесятые годы XX века жил свободный мир.

В сентябре 1985 года мы начали съемки фильма «Красивый, двадцатилетний». При искусственном освещении, под присмотром мертвого глаза большой камеры, которая с головокружительной скоростью заглатывала маленькие ролики киноплёнки, я пытался вызвать дух кумира моей юности. Я хотел узнать, кем он был. И постепенно из глубокой тени начал проступать силуэт.

Мария Хласко в своей квартире в Жолибже очень взволнованно рассказывала о детстве — уже таком далеком — писателя. Свое отношение к сыну она охарактеризовала следующим образом: «Для меня это было восьмое чудо света. Райская птица. С ним было непросто, но у Марека была одна прекрасная черта. Очень доброе сердце». Пани Мария поделилась таким воспоминанием: однажды Анджей, двоюродный брат Марека, рассказал будущему писателю, что все люди смертны, не исключая и его мать. Марек не хотел в это верить. Она терпеливо объясняла: «Послушай, сейчас ты маленький мальчик, потом будешь мальчиком побольше, большим мальчиком, молодым человеком, потом женишься, у тебя появятся дети... И только когда ты станешь старичком, старикашкой, тогда только я умру». На что Марек, заливаясь слезами, ответил: «И ты меня, старичка, старикашку, оставишь сиротой?»

В октябре мы поехали снимать в Казимеж-на-Висле. Там, сидя на Замковой горе под тремя крестами, Агнешка Осецкая сказала: «Есть люди, которые, если найдут на пляже туфлю, обязательно ее примерят. Такой инстинкт — сразу взять и надеть. А Марек примерялся к кресту». С этой сцены начинается фильм «Красивый, двадцатилетний».

Поездка в Казимеж оказалась очень ценной. Агнешка Осецкая делилась все более сокровенными воспоминаниями. Сидя на скамейке неподалеку от Рынка, она рассказала о встрече, которая произошла много лет назад. Марек уже несколько дней был в Казимеже, а она обещала к нему приехать. Он выходил к каждому автобусу, но Агнешки все не было — она проспала.

«И когда я, наконец, приехала, меня, конечно, никто уже не ждал. Я вошла в этот пансионат, он меня увидел и пошел навстречу, откуда-то из глубины столовой, и был такой счастливый, весь как будто светился, потому что уже не верил, что я приеду. Наверное, это было предчувствие счастья и радости. Так и случилось, потому что той ночью Марек заснул на мне, а потом сказал: я полон доверия». При этих словах у нее на глаза навернулись слезы.

Дебют Хласко — «Первый шаг в облаках» — оказался книгой культовой. Почти все ее читали и почти все — как правило, с энтузиазмом — о ней писали. Хласко стал «звездой». Ни один польский писатель после войны не пользовался такой славой, не имел такого успеха. Вскоре после выхода сборника Марек Хласко получил за него престижную Премию издателей. Тогда и появилось то интервью для радио.

— Ваши взгляды на жизнь действительно совпадают со взглядами вашего героя? — спрашивает журналистка. Хласко несколько раздраженно отвечает: «Меня постоянно обвиняют в нигилизме. Однажды в газете «Штандар млодых» я прочитал письмо, напечатанное огромными буквами: наперекор книгам Саган и Хласко, я верю в любовь... Понимаете — наперекор книгам Хласко... А ведь по меньшей мере три четверти того, что я написал — в сущности, о людях, которые по-настоящему, искренне любят друг друга, и величайшая трагедия их жизни заключается в том, что они не вместе, не могут быть вместе — взять хотя бы «Восьмой день» или «Первый шаг»... или в том, что все дело отравляют им окружающие. Я лишь хочу в какой-то степени, по мере своих способностей выразить правду своей жизни, своего времени, и если эта правда выглядит так, а не иначе... Никто не спрашивал моего совета, когда создавался мир, так что я не несу за это ответственность».

Интервью Хласко в моем фильме иллюстрируют материалы Польской кинохроники о съемках фильма «Восьмой день недели» и вручении Премии издателей. Мы видим исполнителей главных ролей — Соню Зиман (будущую жену Хласко) и Збигнева Цыбульского, а также режиссера Александра Форда и его команду. Мы видим также жюри Премии издателей, в которое входили светила польской литературы — Мария Домбровская, Юлиан Пшибось, Антоний Слонимский, и саму церемонию в битком набитом зале Дома литературы. Сияющий автор «Первого шага в облаках» легко избегает на сцену, где его уже ждет Ярослав Ивашкевич. Писатели обнимаются и целуются. Движения Хласко немного скованны, мешает гипс на правой руке.

Последние две фразы интервью, составляющие своего рода кредо писателя в тот период его жизни, я хотел акцентировать, чтобы подчеркнуть их значение. Я выбрал фрагмент, где Хласко запечатлен в кульминационный момент торжества. Он стоит в переполненном зале и, видимо, внимательно слушает оглашаемое в эту минуту решение жюри. Этот кадр, как, впрочем, и все остальные в репортаже, был очень коротким. Чтобы уместить текст, необходимо было растянуть время. Мы добились нужного эффекта при помощи фазования движения.

Вскоре после получения престижной премии молодой писатель уехал из Польши. В фильме «Красивый, двадцатилетний» слова Хласко, относящиеся к этим событиям, читает на фоне кадров сегодняшней Варшавы Кшиштоф Кольбергер:

«В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, в феврале, я вышел в аэропорту Орли из самолета, прилетевшего из Варшавы. В кармане у меня было восемь долларов; мне было двадцать четыре года; я был автором опубликованного сборника рассказов и двух книг, которые печатать не захотели. (...) Выходя из самолета в аэропорту Орли, я думал, что не позже чем через год вернусь в Варшаву. Сегодня я знаю, что в Польшу уже не вернусь никогда; но, говоря так, я понимаю, что хотел бы ошибаться».

Марек Хласко, к сожалению, не ошибся. Он больше не вернулся в Польшу. Сразу после его отъезда и решения остаться на Западе в польских СМИ началась позорная травля. В ней, в числе многих других писателей, участвовал также Богдан Чешко. В фильме «Красивый, двадцатилетний» — спустя много лет после событий, о которых идет речь — он говорит об этом с грустью и стыдом, словно бы желая искупить свою вину. Чешко признает также, что оказался неправ, когда считал, что Марек Хласко как писатель не выживет без естественной — польской и варшавской — среды. Вот единственное, в чем я не вполне с ним согласен. Этот сентиментальный скандалист и беспокойный человек совершенно не годился для нашего сермяжного «реального социализма», но вскоре оказалось, что и в свободном мире он не пришелся ко двору. Сам Хласко, вероятно, это предчувствовал, а может, и понимал, потому что вскоре стал добиваться возвращения на родину. В этих стараниях ему помогали близкие, мать, Агнешка Осецкая и многие другие, как в Польше, так и за рубежом. Очень активно действовал сам Богдан Чешко, писатель, приголубленный народной властью, и политический аппаратчик в одном лице. Однако Владислав Гомулка, доктринер, стоявший на страже единственно верной идеологии, был неумолим по отношению к тому, кто «предал и

выбрал свободу». Да, Марек Хласко, к сожалению, не ошибся. Больше он в Польшу не вернулся.

Агнешка Осецкая в своей уютной квартирке на Саской-Кемпе читает письмо Хласко из Израиля, те фрагменты, где он, заверяя ее в своей любви, просит не оставлять усилий и помочь ему вернуться на родину. Осецкая откладывает письмо в сторону, снимает очки и говорит чуть смущенно: «Читая эти нежные страницы, нанизывая на нитку, точно бусинки, слова любви, можно подумать, что вот — адресат сыграл в жизни писателя какую-то роль... Но я чувствую, чувствую — никакой роли в жизни Марека я не сыграла». А потом добавляет: «Мне кажется, превыше всего для него было — жить, жить по-своему, идти вперед, доверять своему инстинкту. Мне кажется, превыше всего он ценил свободу».

По мере работы над фильмом я узнавал все новые, прежде неизвестные мне детали биографии Марека Хласко. Когда-то созданный мною идеальный образ распался, развеялся и постепенно начал вырисовываться другой, не столь красивый и вдохновенный, как прежний, но, безусловно, более ценный, поскольку более достоверный. Рассыпался образ мачо, который Хласко так последовательно выстраивал в литературе и жизни. Перед нами предстал вежливый мальчик с пухлым личиком и маленькими руками, который, стремясь уйти от контроля и гиперопеки властной матери, собирался стать ковбоем, водителем грузовика, хулиганом, пилотом, легионером. Человек, напивавшийся до потери пульса, то и дело ввязывавшийся в драки, крутивший бескорыстные, а нередко и корыстные романы с женщинами и мужчинами. Манипулировавший людьми и сам становившийся объектом манипуляции, предававший других и сам оказывавшийся жертвой предательства. Одиноким путник, увлекавшийся мужчинами, женщинами, идеями, а затем отвергавший их, чтобы идти вперед, куда глаза глядят, в поисках неуловимого фантома свободы.

В одной из сцен фильма я показываю несколько фотографий, относящихся к последним годам жизни автора «Красивых, двадцатилетних». Лицо, опухшее от алкоголя, губы кривит горькая усмешка. А ведь это еще молодой мужчина. Мареку Хласко, когда в 1969 году он умер в Висбадене, было всего тридцать пять лет. На фоне этих фотографий Кшиштоф Кольбергер читает слова писателя:

«В литературе, помимо полицейского доноса, меня интересовало лишь одно: любовь женщины к мужчине и их фиаско. Не знаю, почему так получилось. Сам я любил всего раз в жизни. Это было

одиннадцать лет назад. И потом я уже больше никого не любил, ни секунды, хотя неустанно пытался себя обмануть».

Я также все лучше узнавал своих героинь, этих двух женщин, которые любили Хласко и которые теперь, с перспективы все более стремительно ускользающего времени, свидетельствовали о нем. Агнешку Осецкую я прежде знал лишь как автора песен и стихов, постоянную посетительницу салонов, раутов и вернисажей. Марию Хласко, мать писателя, не знал вовсе. У каждой из них была своя мистифицированная версия правды о Мареке. Каждая хотела рассказать свою историю, единственно верную.

В пани Марии я узнавал властную, ревностно опекающую Мать, которая по-прежнему, несмотря на расстояние и годы, видит в своем сыне беспомощного мальчика в коротких штанишках и которая так и не примирилась с его смертью. В Агнешке обнаруживал постаревшую маленькую девочку с бантом в волосах, меланхоличную, недолюбленную и столь часто предаваемую Музу.

Последняя сцена фильма — своего рода кода. Агнешка Осецкая, в том же месте, что и в начале фильма, в Казимеже, на горе под тремя крестами, сосредоточенно и задумчиво произносит слова, от которых у меня неизменно перехватывает дыхание: «Вместо того, чтобы праздновать любовь, вместо того, чтобы беречь ее, я так мельтешила, потому что думала, что все успею, что всегда буду молодой, и что Марек всегда будет молодым, и мир нас подождет. Но никто и не думал нас ждать, и все пронеслось в головокружительном темпе».

В марте 1986 г. работа над фильмом «Красивый, двадцатилетний» была закончена. Устроили первый просмотр для Марии Хласко и Агнешки Осецкой. Встречей руководил мой начальник, тогдашний главный редактор студии, Зигмунт Вишневский. Атмосфера просто как при дворе, все — сама любезность и учтивость. Агнешка Осецкая говорила о фильме в превосходной степени, а пани Мария больше молчала, потому что все время плакала. Мой начальник фильм также похвалил, высказав — очень мягко и деликатно — небольшое замечание. Ему показалось, что на экране слишком часто появляется Владислав Гомулка. Агнешка Осецкая на его критику отреагировала очень бурно. Она защищала мой фильм, словно разъяренная львица. Кричала, что этот политик несет ответственность за все, что случилось с Хласко, что это он испортил Мареку жизнь, и именно поэтому его навязчивое присутствие в фильме более чем оправдано.

Официальная премьера, которая состоялась 4 апреля, проходила уже в совершенно другой атмосфере. Присутствовали многие мои коллеги. Фильм приняли плохо. После просмотра в зале воцарилось неловкое молчание. Хотя Зигмунт Вишневский призывал к обсуждению, никто не спешил взять слово. Тогда главный редактор начал беспардонную фронтальную атаку. Он раскритиковал почти все архивные материалы, как польские, так и зарубежные. Особенную ярость вызвал у него берлинский фрагмент, который иллюстрировал решение Хласко остаться на Западе. Кроме того, Вишневский высказался категорически против использования материалов, связанных с партийным руководством. Он повторил, на сей раз уже весьма резко, свое замечание, касающееся излишнего присутствия в кадре Владислава Гомулки. Короче говоря, мой начальник-аппаратчик очертил границы свободы, причитающейся польскому режиссеру-документалисту. Объяснил, что можно, а чего нельзя.

В те времена уже обычно не говорили, что фильм — «анти». Вмешательство главного редактора должно было носить косметический характер, касаться исключительно формально-художественной стороны. Мне как художнику любезно позволялось заниматься «художествами» — но от политики руки прочь. Позволялось иметь личные политические взгляды — пожалуйста, какие угодно — и даже высказывать их в салонах или за столиком кафе, но с экрана — это совсем другое дело. Это мне по штату не полагается: «Вы в этом не разбираетесь. Ваше видение истории — я, конечно, извиняюсь, мне бы не хотелось говорить такие слова, — но я бы назвал его крайне наивным». И наконец, вердикт: «Вы не выполнили условия договора, заключенного с редакцией относительно сценария». То есть в сценарии было одно, а на экране вышло совсем другое. Иначе говоря, я неисправимый мошенник. Я чувствовал, что коллеги меня предали. Никто не выступил в защиту моего фильма. Это свое разочарование я отразил — быть может, несколько наивно — в дневнике: «Молчание коллег дает мне право это говорить. Потом — это потом. Они должны были тогда высказаться, независимо, — принимают они фильм или нет. Должны были выступить против того, чтобы художнику указывали, что ему разрешено, а что — нет. Но они не выступили. Они согласились с попранием священного права на свободу слова».

А потом в монтажную явился безжалостный палач Влодзимеж Стемпинский со списком кадров, которые следовало вырезать. Он не собирался ничего аргументировать. Как и в случае

фильма «По памяти», просто пригрозил, что если я не откажусь от указанных им фрагментов, то фильм о Хласко перестанет существовать. Выхода не было, мне пришлось принять очередной ультиматум. Я лишь попросил его поочередно указывать кадры, которые следует убрать. Так редактор и сделал. Уселся в монтажной и толстым пальцем тыкал в приговоренные к казни картинки. Он подтвердил вердикт начальства — мол, в фильме слишком много Владислава Гомулки, иронически показано, как он целует каравай во время Праздника урожая или пляшет в гротескном хороводе удалых ткачих, доярок и студенток. Решительный протест вызвали также картины разделенного стеной Берлина, их также следовало вырезать. Однако бдительный цензор проглядел два кадра и они-то уж остались в фильме навсегда.

Потом последовал еще один удар, на сей раз со стороны, откуда я не ожидал. Зигмунт Вишневский пригласил меня в свой кабинет и с нескрываемым удовлетворением показал письмо Агнешки Осецкой, в котором она требовала вырезать из фильма одну фразу: «Так и случилось, потому что той ночью Марек заснул на мне, а потом сказал: я полон доверия». Я был потрясен. И понял, что моя отважная и верная до сих пор союзница перешла в стан врага. Но, разумеется, я выполнил ее просьбу — скрепя сердце вырезал фразу. Через некоторое время мы где-то столкнулись с Осецкой — то ли на почте, то ли в банке. Я спросил, зачем она это сделала. Агнешка сказала, что ради матери. А я ответил, что, имея на выбор два образа, — великой и независимой художницы или мещанки с Саской-Кемпы — она предпочла второе. Это был наш последний разговор. Прежние отношения — дружеские, теплые, внимательные, даже нежные — навсегда остались в прошлом.

30 апреля я узнал, что отборочная комиссия Краковского кинофестиваля отвергла оба моих фильма («Такое место» и «Красивый, двадцатилетний»). Я оспорил это решение, но ничего не добился. Позже за фильм о Хласко я получил «Золотую пленку», премию Независимого литературного кружка при Студии документальных фильмов за лучший документальный фильм года, а также Бронзового пегаса (третья премия) на третьестепенном «Смотре фильмов об искусстве» в Закопане.

Перевод Ирины Адельгейм

Людвик Эрхардт

Что-то около 180

26 июня 1994 года

Когда ходишь по улицам своего города, топчешь следы отцов и дедов. Взгляд, скользящий по фасадам домов и дворцов, переплетается с незримыми линиями взоров, которые бросали когда-то на те же фасады большие и маленькие фигуры прошлого. А потому, когда посреди ежедневной бешеной спешки ты вдруг на мгновение останавливаешься, трудно удержаться от мрачной мысли о собственной ничтожности, о своих следах, которые в скором времени затопчут будущие поколения прохожих.

Когда ходишь по улицам своего города, ты держишь голову высоко. Чувство собственной исключительности, необыкновенности дает тебе право с презрением посматривать на кишашую толпу безымянных существ, которые даже не догадываются о духовной значимости того, кто ступает меж ними. Собственное величие, пусть даже потенциальное, вытекающее из силы ума или таланта, наполняет тебя гордостью и уверенностью в том, что место в мировой памяти тебе обеспечено.

Когда ходишь по улицам своего города, спотыкаясь о духовных муравьев и сталкиваясь с духовными гигантами, трудно отогнать от себя мысль, что всё же приятнее всего люди обыкновенные, с которыми можно поговорить о погоде.

Но непросто быть обыкновенным человеком.

19 мая 1991 года

Некоторые сетуют на уровень политической культуры в нашей стране. Говорят, что мы шагнули назад в те времена, когда два славянских племени стояли на двух берегах реки и забрасывали друг друга руганью, камнями и грязью. Но это неправда. Политики только с виду кажутся необразованными. На самом же деле они учатся на своих и чужих ошибках, а также на нашей шкуре. Вот пример из недавнего прошлого: причина постепенного расшатывания цензуры крылась вовсе не в ослаблении тоталитарного режима, а в том, что тогдашние

политики уяснили наконец, что высказанное слово гораздо менее опасно, чем слово заглушенное. Вот совсем свежий пример: прекратились обещания, по крайней мере, в нашей сфере. И вовсе не потому, что все они уже выполнены, а для новых не хватает тем. Просто политики поняли, что общество запоминает эти обещания, а потом задает неудобные вопросы. И потому они на всякий случай ничего не планируют, ничего не обещают и вообще ничего не говорят, только стоят у руля. Лодка моя, плыви, не страшно нам время бури^[1]. По крайней мере, в нашей сфере.

3 февраля 2008 года

Когда у соседей за стенкой работает телевизор, слов обычно не слышно. Только интонация голоса то поднимается, то опускается, лишенная значения, но набухшая эмоциями. Агрессивная, полная амбиций и претензий. Сколь же странным языком объясняем мы сегодня. Мало того, что он далек от грамматической правильности и нашпигован заимствованиями, так он стал еще и бесформенным вследствие небрежного произношения. Есть, конечно, инстанции, призванные устранять эти недостатки — от начальной школы до Академии Наук. Как они справляются с этой задачей — это уже другой вопрос. Интонация же нашей речи не интересна никому. Прошли времена классиков польской сцены, которые отшлифовывали каждое слово и подавали его как драгоценную жемчужину. Не стало и дикторов радио, отдающих себе отчет в том, что их голос слушают миллионы и что он должен быть для этих миллионов образцом для подражания. Каждый говорит, как хочет, и потому от края до края нашей обширной страны разносится новая интонация польской речи, интонация людей недовольных, раздраженных и предъявляющих претензии.

8 июня 2008 года

В сети появляется всё больше интернет-журналов, в том числе и в нашей сфере, а футурологи предвещают скорый конец печатной прессы. Между тем нам известны пятнадцать довольно веских причин, по которым интернет не сможет вытеснить газеты и журналы. Интернет-газету не получится почитать за завтраком или в постели перед сном. Ее не возьмешь с собой ни в поликлинику, чтобы полистать, ожидая своей очереди к врачу, ни на прогулку, чтобы, прочитав,

выбросить в урну. На остановке, в автобусе или в метро — не прочитаешь и не оставишь прочитанную соседу. Интересный электронный журнал не положишь на полку ни отдельно, ни в годовой подшивке. В нем ты не сможешь отметить важных для тебя абзацев или написать на полях свои заметки. И наконец — свернутым Интернетом не получится прихлопнуть назойливую муху или хотя бы комара, а на развернутом не станешь перебирать клубнику, вишню или грибы. Вот почему интернет не может вытеснить печатную прессу.

Перевод Дениса Пелихова

*Ludwik Erhardt, Circa 180, z rysunkami Mariana Jankowskiego,
Warszawa 2014*

Людвик Эрхардт — публицист и музыкальный критик, автор книг об Игоре Стравинском и Иоганнесе Брамсе. В 1971–2008 гг. был редактором журнала «Рух музичный», в котором анонимно публиковал свои фельетоны. Сборник этих фельетонов под названием «Рядом 180» в 2014 году выпустило издательство «МЕ-КОМП».

---

1. Искраженная цитата из песни «Санта Лючия» — Прим. пер.

В поисках украинской идентичности

Земовит Щерек дебютировал в области репортажа на восточную тематику нашумевшей книгой об Украине «Придет Мордор и нас съест, или тайная история славян» (Издательство «Ha!art», Краков 2013). Поэтому, когда я открывал его последний, номинированный на премию «Нике» нынешнего года сборник репортажей «Татуировка с трезубцем» (Издательство «Чарне», Воловец 2015), меня интересовало, в каком направлении идет эволюция взглядов автора. Земовит Щерек живет в Кракове, но под влиянием габсбургского мифа^[1] ощущает особую эмоциональную связь со Львовом и не скрывает, какое влияние на него оказали интеллектуалы Западной Украины: писатель Юрий Андрухович и историк Ярослав Грицак. Общее для обеих книг — восприятие Украины сквозь призму европоцентризма, в соответствии с которым славянским народам приходится подражать Западу, так как сами они не в состоянии достичь вершин цивилизации. Соответственно, Львов оказывается форпостом Европы у бескрайнего Постсоветского Океана, который в первой книге носил наименование Мордор. В «Татуировке...» Щерек вновь отравляется на Украину, на этот раз — восточную.

Описывая украинские города, автор охотно прибегает как к историческим аллюзиям, так и к мотивам, почерпнутым из поп-культуры. Немалой изобретательностью отличаются описания Киева и Днепропетровска, включающие отсылки к феодализму: город, посад, замки, сеньоры, оруженосцы и т.д., что обоснованно, поскольку социализм в первую очередь означал цивилизационный регресс. Однако сомнения вызывают метафоры, относящиеся к миру постапокалипсиса. Не вполне понятно, что автор понимает под самим апокалипсисом. Распад СССР? В обширном, на несколько страниц, ярко написанном фрагменте, открывающем репортаж «Галиция», автор в полной мере показывает украинские недуги, когда за фасадом нормального государства прячется мир бесправия и коррупции. Взяточничество особенно распространено в дорожной полиции, в сфере здравоохранения и высшего образования, а также в парламенте, где депутаты принимают такие законы, за которые получают больше всего денег. Вместе с тем, читая книгу,

можно составить впечатление, что между советским периодом и современной Украиной существует некий необъяснимый разрыв. А стоило бы подчеркнуть, что украинские проблемы в значительной мере проистекают из отягощенности коммунистическим прошлым. Кто же те самые олигархи, как не коммунистическая или комсомольская номенклатура, обогащение которой в период трансформации общественного строя осуществлялось гангстерскими методами? Именно СССР представлял собой фасадное государство, декларативно гарантирующее своим гражданам конституционные свободы, тогда как на практике вся система основывалась на терроре и рабстве. Некоторые собеседники Щерека разделяют бытующее в народе мнение, что «при Союзе было лучше», но я очень хотел бы узнать, какова все же позиция автора по этому вопросу.

В книге «Придет Мордор...» Щерек специально останавливался на тех гротескных формах, которые приобретал романтический миф Украины у посещающих эту страну поляков, испытывающих Schadenfreude^[2] и желающих самоутвердиться за счет других народов, находящихся в худшем, чем они, положении. В его второй книге мы также встречаем фрагменты воспоминаний об Украине — например, Юзефа Игнация Крашевского об Одессе или генерала Кутшебы, описывающего вступление поляков в Киев в 1920 году, однако в целом польская точка зрения остается на втором плане. И все же идущий от Гомбровича прием, состоящий в осмеянии обобществляющей мифологии, не оправдывает себя в случае «Татуировки...». В качестве примера можно привести портрет проукраинской активистки Ирины из Днепропетровска, в котором автор хочет указать на гипертрофированное внимание украинцев к национальной символике. В волосах у девушки желто-синие цветы, на пальце желто-синее кольцо. На шее — цепочка с трезубцем. Сигареты прикуривает от синей-желтой зажигалки, а звонок в квартиру наигрывает мелодию украинского гимна. Ирина раздумывает, не украсить ли ей тело патриотической татуировкой. В стране, где нет войны, девушка могла бы напоминать футбольного фаната, собирающегося на стадион, но на Украине обращение к национальной символике стало оборонительной реакцией на страх перед Танатосом. Автор прибегает к гротеску в чрезвычайно серьезной ситуации, ставка в которой — человеческая жизнь. Представляя Майдан или войну в Донбассе, автор почти всегда опаздывает на ключевые события, реконструируя их потом на основе сообщений СМИ, что в процессе чтения порождает предсказуемость. У книги очень рыхлая структура: серьезные, сложные тексты соседствуют с растянутыми путевыми заметками, нарушается хронологический порядок. Иногда

автор забывает, что его жанр — это репортаж, относящийся как-никак к литературе факта. Позволяет себе фантазировать, представляя, как бы могло выглядеть польское управление Восточными Кресами в межвоенный период.

Однако важно подчеркнуть, что серьезный козырь книги Щерека — это критика олигархической системы. Парадоксальность ситуации состоит в том, что пока Украина не покончит с патологиями общественной и политической жизни, порожденными этой системой, мужество протестующих на Майдане или подвиги солдат, сражающихся в Донбассе, за что многие из них заплатили самую высокую цену, цену жизни, окажутся напрасным героизмом. Автор пробует постичь сущность украинской идентичности, задавая украинцам прямой вопрос: чем для них является привязанность к отчизне? И не всегда получает очевидные ответы. Некоторые из его собеседников открыто заявляют, что отреклись бы от своего украинского естества в пользу иной национальной принадлежности, если это гарантирует им лучшую и более стабильную жизнь.

Ziemia Szczerka, *Tatuaż z tryzubem*. Wydawnictwo Czarne. Wołowiec, 2015.

-
1. Особое, теплое и несколько сентиментальное отношение к Галиции как к единому процветающему региону во времена правления Габсбургов. — Прим. ред.
  2. Schadenfreude (нем.) — злорадство, удовольствие, источником которого являются страдания другого. — Прим. ред.

Валерий Мастеров

Анджей Вайда: измерение человека

Завещанием великого художника может стать стиль его жизни: честно работать, не покладая рук

Анджей Вайда (Фото: Э. Лемпп)

Время не лечит. Оно может только притупить боль от потери близкого человека, а именно таким стал для меня Анджей Вайда за последние тридцать лет. Почти половина моей и треть его жизни. Над моим рабочим столом полка с его книгами и очень личными и дорогими для меня посвящениями. Рядом — сделанная моей коллегой Аней Черновой фотография, где мы оба пребываем в хорошем, даже веселом расположении духа.

Рядом с Вайдой просто невозможно было испытывать какое-то угнетение: от него всегда исходила живительная сила и творческая энергия, умноженные на дружелюбие и стремление к общению.

Конечно, останутся заметки, наши беседы и опубликованные интервью. Мы встречались в разных местах — на «Akson Studio» и на киностудии документальных и художественных фильмов на Хелмской, где по живому коридору он проходил

с «Оскаром», в его Школе режиссуры, на выставках, просмотрах, но чаще — в его уютном доме в варшавском районе Жолибож (он любил подчеркивать «офицерский Жолибож»). Присутствие жены Анджея, Кристины Захватович, не только приносило шарм в наши встречи, — она принимала деятельное участие в разговорах. На звонок первой вылетала к решетчатой калитке одна из собак, которая потом как будто специально демонстрировала, как в благоприятном семейном климате она уживается с вальяжными кошками.

Меня всякий раз поражали внимание Вайды к собеседнику и обстоятельность разговора. Как будто только тебя и ждали. В этом, может быть, и не было ничего удивительного, если бы не знать о немыслимой занятости Вайды и его трудоспособности, которую он не утратил до последних дней. Снимал фильмы и ставил спектакли, которые становились классикой. Писал книги, погружался в созданную им Школу режиссуры, стремился побывать на премьерах и не пропустить гастрольных выступлений известных театров. Везде быть, все увидеть своими глазами, со всеми пообщаться. «Когда человек работает, у него есть время на все», — сказал мне однажды Вайда, и больше я его никогда не спрашивал, как он все успевает. На моей памяти он только однажды притормозил: в 1999 году после съемок «Пана Тадеуша», за которого обещал «отвечать головой», а пришлось — сердцем. Неотложная операция, шунтирование. Шумная премьера в Большом театре с участием президента, разнообразных высокопоставленных особ и людей кино прошла без него. Зато успех «энциклопедии польской жизни» на экранах, которая потеснила тогда «Звездные войны», он сумел ощутить сполна. А сердце? Передохнул и побежал дальше. Работать.

Правда, во время нашей, увы, последней встречи, он вдруг припомнил притчу о той, которая в черном балахоне и с косой приходит за очередным кандидатом. Зашла, увидела склонившегося над столом работающего человека и ушла, не став ему мешать. Сейчас думаю: может, так он отгонял от себя смерть, которая все же перехватила его на бегу? Ведь неугомонность погнала его из домашнего тепла на фестиваль польских фильмов в ветреную Гдыню, где он серьезно простудился.

Образы издалека

Моника Ланг, неустанная и неутомимая ассистентка Анджея, ставшая на многие годы и моей помощницей-связной,

написала мне сразу после трагического известия: «Кошмар. Страшная печаль. Он еще столько мог сделать». И в этом не только эмоции, но и правда. Для него полем работы были киносъемочные и сценические площадки, а творческой лабораторией был дом. Аккуратно разложенные стопки книг с закладками и заметками на полях, блокноты, письма, которые он старался не оставлять без ответа. Все в рабочем состоянии. Это я видел и раньше, всякий раз отмечая его запредельную организованность. И увидел, когда пришел поговорить о его новом фильме «Послеобразы», который еще не вышел на экраны, но уже был выдвинут на «Оскар» в категории «Лучший фильм на иностранном языке».

Как-то в одной из бесед, еще в 2010 году, Вайда вдруг отвлекся и сказал: «Очень хочу снять фильм о весьма интересной личности, больше известной в художественной среде. О художнике Владиславе Стшеминском. Он начинал в Петербурге с авангардистами, был близко знаком и дружил с Казимиром Малевичем, который по его инициативе приезжал с выставкой в Варшаву. В 1922 году Стшеминский вместе с женой скульптором Катажиной Кобро переехал в Польшу, где придумал новое авангардное течение «унизм», за что и поплатился. Был отстранен от преподавания за несоответствие нормам соцреализма и умер от голода. А сейчас Академия художеств в Лодзи носит имя этого художника».

Признаюсь, про Кобро я знал. Даже видел на выставках ее работы в стиле конструктивизма. Но Стшеминский зацепил, а в дальнейшем и поразил своей драматической судьбой русского, польского и белорусского художника-авангардиста, пережившего трагедию непокорного творческого человека. Еще более потрясла его биография. Московский кадетский корпус имени Александра II, Николаевское инженерное училище в Петербурге, Первая мировая война и жуткое ранение в 1916 году от взрыва гранаты — Стшеминский был командиром саперного взвода, после взрыва у него ампутировали правую ногу и левую руку, были поражены глаза. Его отправили на лечение в Прохоровскую больницу в Москве, там он познакомился с сестрой милосердия Катей Кобро. Но в фильме Вайда сосредотачивается на последних пяти годах жизни Стшеминского в Лодзи, до его смерти в 1952 году. Для него стала важной старая как мир тема — конфликт художника с властью. Что значит художник в обществе, как он чувствует себя в окружающей среде, какова сила его воздействия — это с одной стороны, а с другой — как власть влияет на художника, который столкнулся с уничтожившей его коммунистической системой. Вот об этом фильм, говорил мне режиссер.

А еще мне показалось важным, как Вайда объяснил название своего последнего фильма: «Пришло оно из "Теории зрения" Стшеминского. Смотришь на предмет, переводишь взгляд, но предыдущий образ какое-то мгновение еще стоит в глазах, а на него уже накладывается новый образ. Я немного трансформировал эту теорию — так сказать, литературно-кинематографически. Спустя многие годы мое сегодняшнее видение мира накладывается на образы, которые приходят ко мне издалека». Сейчас мне кажется, что в этих словах, как и в главной теме фильма, — подведение итога жизни. Потому что мы много говорили о реакции власти и критики на его знаковые фильмы. Интервью получилось обширным, и журнал «Огонек» успел его опубликовать при жизни Анджея Вайды.

Театр молодости духа

«Я принадлежу к поколению, которое учили, что нельзя лгать», — написал во вступлении к своей автобиографической книге «Кино и остальной мир» Анджей Вайда. Правда и была путеводной нитью в каждой его работе. И конечно — в театре, который он очень любил.

«Театр сохраняет диалог, и в этом его величие. Он остался последним местом, где люди разговаривают между собой, и это отличает его от других зрелищ. Поэтому театру по-прежнему есть что сказать — важного и актуального. Живой актер по-прежнему привлекает публику, поэтому театральные залы не пустуют. А значит, театру — жить», — говорил Вайда. Но вот что с горечью прозвучало в нашем последнем разговоре: «Сейчас перерабатывается то, что мы видели уже много раз. Кино и театр судорожно ищут свой путь. Мы думали, что не станет цензуры, и перед нами откроется весь мир, свобода выражения и творчества. Но тогда люди шли в театр искать ответа, а сейчас приходят в поисках развлечения».

Вайда очень любил московский театр «Современник», про который сказал так: «Театр «Современник», который никогда не был имитацией жизни, а сама жизнь вырывалась на его сцену, занимает в моей жизни место, на которое никто другой претендовать не может. Хотя бы потому, что именно на его сцене я осуществил свою первую зарубежную постановку». Он говорил, что смотреть спектакли «Современника» стало его потребностью. В 1972 году его пригласили поставить на этой сцене психологическую драму Дэвида Рейба «Как брат брату». И сближение с театром произошло навсегда. Спустя много лет, в 2004-м, Вайда получил предложение поставить спектакль по

его любимому Достоевскому. «С главным режиссером и одним из основателей «Современника» Галиной Волчек мы пришли к согласию, что именно «Бесы» актуальны как никогда. Слишком много развелось тех, кто делает ставку на террористические акты и политическое насилие. А причины и механизм этого вскрыл Достоевский. С волнением взялся я за постановку «Бесов» — тем более, что никогда не слышал ее героев по-русски. А я ведь полжизни провел с Достоевским. И могу сказать, что он более всего меня сформировал. Именно ему я во многом обязан своим знанием людей и человеческой души», — говорил Вайда, периодически спрашивая меня: «Как в Москве моя постановка?» Не сходила со сцены семь лет, каждый спектакль по несколько раз в месяц шел с аншлагом.

«Современник», полюбивший Анджея Вайду и Кристину Захватович, которая была сценографом и художником по костюмам «Бесов», дал им карт-бланш на любую постановку. Весть о кончине Вайды вызвала в театре всеобщую скорбь, выражением которой стало письмо в Варшаву:

«Дорогая Кристина,

*прими наши глубочайшие соболезнования. Для нас это по-настоящему невосполнимая потеря — Анджей в первую очередь был нашим другом, человеком, каждая минута общения с которым была бесценна. Никто не сможет его заменить или повторить. Уникальная, глубокая личность, какие случаются редко. Человек, который служил для всех нас примером того, как каждый день жить не по лжи, как не отступаться от совести и чести. Нам больно, что уже не удастся с ним поговорить. Мы дорожили возможностью встречи и творческого диалога с ним, мы учились у него и продолжаем беречь в душе воспоминание о каждом дне, проведенном с ним. Мы хотим сегодня быть вместе с тобой, мы чувствуем себя осиротевшими.
Вечная память Анджею.*

Галя Волчек и весь «Современник»

Вокруг «Катыни»

Как-то я наткнулся на «разборку» Вайды, где оппоненты схлестнулись на том, что он все время задает своим зрителям неудобные вопросы. Его посчитали одновременно мыслителем и скандалистом. А кто-то назвал... изгоняющим дьявола. Потом

все-таки сошлись на том, что он постоянно занят поиском ответа на вопрос: откуда мы вышли, кто мы и как живем?

А вот то, что показывает Вайда на тему «как мы живем», мало кому нравилось. Тем более — власти. Но если в Варшаве скрипели зубами, то на Москву никакие кинематографические успехи Вайды не действовали, и привезенная из Канн «Золотая пальмовая ветвь» впечатления не производила. Еще до этой награды в январе 1981 года делегация деятелей кино ПНР под руководством Анджея Вайды совершила визит в Москву. Мы вспомнили об этом с Вайдой не без повода. Спустя много лет, кажется, в 2004 году, была обнародована рассекреченная переписка между ЦК КПСС, КГБ и Союзом кинематографистов СССР, относящаяся к этому визиту. В записке в ЦК председателя КГБ Юрия Андропова о «враждебных взглядах А. Вайды» выделялось его заявление, что «мы хотим, чтобы искусство и культура не имели ничего общего с партией». (Кстати, «Послеобразы» Вайды тоже в какой-то мере ответ). Когда я коснулся этой переписки, Вайда с искренним изумлением тут же ответил на такое «эпистолярное наследие»: «Да я и сам об этом только узнал — публикацию из «Русской мысли» друзья привезли из Парижа. Знаете, о чем я сразу подумал? Как хорошо, что я и духом не ведал о том, что был под «колпаком» у Андропова! Благодаря этому неведению и в ужас не пришел».

Тем не менее, на Вайду был наложен негласный запрет, его фильмы придерживались, а «Человека из мрамора» и «Человека из железа» можно было увидеть только на закрытых просмотрах, как тогда злословили — «в узком кругу ограниченных людей».

Но пришла «перестройка», начались публикации литературных произведений, которые раньше писались «в стол», с полок стали снимать и пускать на широкий экран все, что залежалось по политическим и идеологическим мотивам, — смотри не хочу.

Прошло какое-то время, и Вайда снова начал настораживать. В 2003 году, в канун своего дня рождения, Анджей Вайда рассказал в интервью газете «Московские новости», что поглощен работой над фильмом о Катынской трагедии: «Эта тема мучила меня долгие годы и никак не давалась. Проще всего было бы сосредоточить внимание на самом преступлении. Но проблема Катыни мне виделась в другом — насколько глубоко была зарыта правда, что даже на Западе и за океаном десятилетиями царило молчание. Главное — не констатация факта, а то, что было потом».

Теперь известно, как долго и мучительно шел Вайда к исполнению замысла. Менялась концепция, литературная основа. Мало кто знает, что он очень хотел снять этот фильм о трагических событиях и самой болезненной теме в российско-польских отношениях вместе с российскими кинематографистами. Но заполучил только своего любимого Сергея Гармаша из «Современника» — на роль капитана Попова, вызвавшую у многих в Польше раздражение. Сцена спасения советским офицером польской женщины с ребенком воспринималась как введенная «для равновесия». Но ведь это была подлинная история, найденная режиссером в дневниках того времени.

Вайда делал фильм для польского зрителя, но все годы работы над ним держал в уме зрителя российского. Уж и не скажу, сколько раз он мне говорил, что ни в коем случае не делает фильм антироссийский. И повторял: «Я не хочу, чтобы «Катынь» использовали для политических манипуляций». И не скрывал, что «взялся за катынскую трагедию только потому, что мой отец был одной из многочисленных ее жертв».

Как бы то ни было, но выход «Катыни» изменил отношение к Вайде в России, для многих, в том числе и официальных лиц, это был повод поставить очередную «черную метку» на имени режиссера. Не буду цитировать, какие слова мне доводилось слышать из уст уважаемых особ, мнение которых было направлено на отстранение Вайды.

Все вдруг изменилось.

В июне 2010 года дипломатическое представительство России в Варшаве возглавил Александр Николаевич Алексеев. Мое знакомство с новым послом в Польше, как и для многих, произошло на приеме в российском посольстве. Разговор, как это бывает в таких случаях, касался общих тем, был оживленным, но заинтересованным. Посол как-то сразу расположил к себе. Никакой натянутости. Мы обменялись мнениями о ситуации в стране, а потом поговорили о культуре и даже о спорте: кто за кого болеет в хоккее и футболе. Такого непринужденного дипломатического раута не припомню.

Буквально через пару дней звонок из посольства: «Посол приглашает на чай-кофе». Разговор обернулся неожиданной для меня просьбой: «Мне рассказали о вашей дружбе с Анджеем Вайдой. Помогите мне встретиться с ним. Где он пожелает: в посольстве, у него дома, в ресторане». Я тут же помчался на Жолибж к Вайде. Приглашение было с благодарностью принято.

Через пару дней в условленное время я привез Анджея и Кристину в посольство.

Стол был накрыт в уютном Каминном зале. Изысканные закуски и напитки, разнообразная еда — все это было не главным. А вот тому, как сразу собеседники нашли общий язык — этому можно было только порадоваться. Александр Николаевич с паном Анджеем без разгона затеяли важную беседу, а их супруги — Ольга Борисовна и пани Кристина разговорились по-французски так, как будто и не расставались.

Событие стало знаковым.

В декабре этого же года в Королевских Лазенках тогдашний президент России Дмитрий Медведев вручил Анджею Вайде орден Дружбы народов — за большой вклад в развитие российско-польских отношений в области культуры. Как воспринял режиссер российскую государственную награду? На мой вопрос Вайда ответил так: «Честно говоря, не ожидал. Сначала подумал, что она каким-то образом связана с выходом фильма «Катынь» на российский экран. Потом понял, что это решение политическое, а не жест дистрибьюторов. И думаю, что тут не ошибаюсь. Но если бы «Катынь» не увидели миллионы российских телезрителей, награда вряд ли была бы возможна. Хотя я и отдаю себе отчет в том, что в ее обосновании речь идет о моем участии в общем культурном процессе между нашими странами».

Человек сохранит свою тайну

Мне доводилось не раз помогать российским коллегам в подготовке материалов об Анджее Вайде. Известный журналист Владимир Молчанов выпустил о режиссере часовую передачу для своего телецикла «И дальше века...», Ольга Веселова из медиахолдинга «Совершенно секретно» сняла фильм-портрет «Анджей Вайда» для федерального канала телевидения Санкт-Петербурга. Помню, как по первой же просьбе высказывались Кшиштоф Занусси, Кристина Янда, Даниэль Ольбрыхский... Прощаясь с Анджеем Вайдой в эти дни, Кристина Янда нашла очень искренние и очень точные слова: «Это твоими глазами мы видели правду и ложь, красоту и безобразие. Твоею чувствительностью мы измеряли нас самих, Польшу и Мир». Вайда был интересен и нужен всем.

Как-то я уже рассказывал в «Новой Польше» о приоритетной рубрике «Рубеж веков» в газете «Московские новости», которая

появилась за два года до наступления двадцать первого столетия. О будущем высказывались государственные деятели, великие ученые, знаменитые писатели, авторитетные философы... Главным критерием отбора был принцип: люди, которым безусловно доверяют. Вайду очень увлекла международная анкета, с которой я тогда пришел к нему. Он старался как можно глубже вникнуть в вопросы, отвечать нешаблонно, поэтому возникали дискуссии, и работа затягивалась. Вспомнив об этом, я достал публикацию почти двадцатилетней давности и увидел, что Вайда наперед знал, что будет беспокоить нас сегодня.

Он говорил, что проявления жестокости будут возрастать, потому что орудия убийства становятся все более изощрёнными, удобными, эффективными и доступными. Считал, что гибель диктаторов придет вместе с исчезновением национализма. Для Вайды всегда важен был человек — то, какой он сейчас и каким станет. Вот несколько его мыслей на эту тему.

«Даже согласившись с тем, что все вокруг поддается познанию и освоению, я полагаю, что человек по-прежнему останется загадкой как природы, так и общества. Независимо от того, сколько мы откроем или сочиним новых законов, какие социологические исследования проведем, о тайнах человека искусство скажет нам больше, чем наука. Литература, живопись, кино, театр помогают глубже проникнуть в капризную человеческую психику. Но сам человек и в XXI веке вряд ли раскроет свою тайну».

«Вопреки тому, что внушал нам марксизм, чувства, которые движут нашу жизнь, не формируются окружающей средой. Любовь, ревность, стремление к успеху останутся с нами навеки».

«Одно можно сказать определенно: все меньше людей будет участвовать в политике — интерес к ней падает уже сейчас, люди становятся более аполитичными. А вот популярность развлечений и путешествий значительно возрастет».

«Финансовый достаток важен, и некоторые всю жизнь стремятся иметь как можно больше денег, деньги — это еще и власть. Но много и таких, для которых цена свободного времени выше денег. Для них финансовые проблемы несущественны: не умирают с голода — и хорошо. Хуже, если не хотят зарабатывать, потому что не любят работы».

***

Ушел великий человек и художник. И оставил себя. Всем, кому он был необходим и долго еще будет нужен...

Валерий Мастеров — многолетний собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве, сейчас — пресс-секретарь фонда «Российско-польский центр диалога и согласия». Статья написана для «Новой Польши».